

4
Г-13

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

М. А. ГАДОЛИНА

ИСТОРИЯ ФОРМ
ЛИЧНЫХ
И ВОЗВРАТНОГО
МЕСТОИМЕНИЙ
В СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

М. А. ГАДОЛИНА

**ИСТОРИЯ ФОРМ
ЛІЧНЫХ
И ВОЗВРАТНОГО
МЕСТОИМЕНИЙ
В СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКАХ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1963

4

Г-13

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН ССР

58815

Ответственный редактор

P. M. ЦЕЙТИН

7 октября 1962 г. оборвалась жизнь М. А. Гадолиной. Маргарита Анатольевна родилась в Москве в 1926 г. После окончания средней школы она поступила в Педагогический институт им. Ленина, который закончила в 1948 г. В том же году Гадолина поступила в аспирантуру Института языкоznания АН СССР, где под руководством проф. Р. И. Аванесова работала в области исторической морфологии русского языка. Закончила аспирантуру в 1952 г. и успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему „История личных и возвратного местоимений в русском языке“. Наиболее важные разделы диссертации позже были опубликованы в „Трудах Института языкоznания“ (т. V, 1954, стр. 34—80).

С осени 1952 г. М. А. Гадолина работала мл. научным сотрудником Института славяноведения АН СССР. В новом институте она упорно и много трудилась над повышением своей общеславистической и теоретической подготовки. Она приняла деятельное участие в коллективной работе „Творительный падеж в славянских языках“, в которой ею написаны главы „Творительный ограничения“ и „Творительный приименной“.

После завершения „Творительного падежа в славянских языках“ М. А. Гадолина вновь вернулась к своей старой теме. За эти годы она основательно познакомилась со славянскими языками. Это дало ей возможность заняться изучением истории личных и возвратного местоимений на материале всех славянских языков. Предлагаемая вниманию читателя книга является итогом работы М. А. Гадолиной в этом направлении.

ВВЕДЕНИЕ

Работа представляет собой морфологическое исследование, задачи которого заключаются в том, чтобы представить историю форм личных и возвратного местоимений в славянских языках со времени их древнейших памятников письменности до настоящего времени, выяснить основные тенденции развития форм, общие всем славянским языкам, и реконструировать изучаемые формы в праславянском языке периода его диалектной дробности.

Морфологический аспект исследования обусловливает принятное ограничение: в работе рассматриваются формы местоимений 1-го и 2-го лица, а также возвратного местоимения и опускается местоимение 3-го лица, поскольку последнее примыкает по своей истории и структуре к группе указательных местоимений, к которым и относится генетически.

Выбор темы настоящего исследования определяется тем, что многие вопросы формирования местоименной парадигмы до сих пор не изучены ни в общеславянском плане, ни в отношении истории названной группы слов в отдельных славянских языках.

Разделы, посвященные личным местоимениям в сравнительных грамматиках славянских языков, до самого последнего времени были ограничены в отношении славянского материала, так как большая часть сравнительных грамматик прошлого и начала этого века исследовала древнейшие этапы развития праславянского языка, реконструировала начальные периоды его развития, что предполагает в первую очередь исследование фактов индоевропейских языков.

Некоторые исследователи прошлого века приходили к ошибочным реконструкциям, так как их методы исследования позволяли сравнивать явления случайные, не изученные в историческом плане.

В этом отношении показательной является работа, написанная в 70-х годах прошлого века П. Свенцицким, — „Склонение местоимений“¹. За основу интерпретации современных форм лич-

¹ P. Świecicki. Odmiana zaimków. Rzecz językowo-porównawcza, Lwów, 1871.

ных местоимений в славянских языках автор принимает факты случайного совпадения славянских форм с образованиями иных индоевропейских языков и приходит к ошибочным выводам.

Современные сравнительные грамматики славянских языков — А. Мейе², А. Вайана³, Р. Нахтигала⁴ содержат интересные, основанные на значительном славянском материале наблюдения над формами личных местоимений в славянских языках, однако вопросы диалектных различий в формах личных местоимений в праславянском во всем их объеме до сих пор не исследованы. Ценные наблюдения над праславянскими формами личных местоимений имеются в статьях Ст. Шобера⁵ и О. Гуйера⁶, специально посвященных формам личных местоимений.

В самое последнее время поставил задачей ликвидировать пробел в изучении форм личных местоимений в поздний период развития праславянского языка С. Ф. Самойленко⁷, однако ограничение его исследования рамками восточнославянских языков не дало ему оснований для описания праславянских ареалов ряда местоименных форм, фиксируемых в южных и западных славянских языках.

Исследование истории форм личных местоимений в отдельных славянских языках ограничивается рядом статей, посвященных некоторым формам польского языка⁸, и рядом специальных работ по истории названной группы слов в восточнославянских языках⁹.

² A. Meillet. *Le slave commun*. Paris, 1934.

³ A. Vaillant. *Grammaire comparée des langues slaves*, t. II, p. 2. Paris, 1958.

⁴ R. Nahtigal. *Slovanski jeziki*, Ljubljana, 1952.

⁵ St. Szober. *Prasłowiańskie formy dopełniacza i biernika liczby pojed.* (Gen. Sg. Acc. Sg.) *zaimków osobowych*. — PF, t. XV, cz. I, стр. 230—235.

⁶ O. Hujer. *K deklinaci záimén osobních*. — SF, roč. II, 1911, стр. 198—207.

⁷ С. Ф. Самойленко. Из истории восточнославянских местоимений. Докт. дисс. Л., 1960 (машинопись).

⁸ Ср. высказывания К. Нитша (JP, t. I, стр. 12; JP, t. XI, стр. 99), Ст. Шобера (JP, t. IV, стр. 142); см. статью К. Нитша „Nowotwór zaimkowy cel. pojed. zaimka 1 os. w formie *mie*“ (JP, t. XV, стр. 79—81), Ст. Шобера на эту же тему в том же журнале (стр. 77—78); см. также статью А. Обрембской „Niektóre wygównania w dzisiejszej dianie zaimków polskich“ (PF, t. XV, cz. II, стр. 336—344), В. Ташицкого „Formy celownika liczby pojedyńczej zaimka osobowego 1 os. w polszczyźnie średniowiecznej“ („Sprawozdanie z posiedzeń Towarzystwa Naukowego Warszawskiego“, t. 25, zesz. 1—6, стр. 9—14), Б. Линдерт „Forma genetivu i dativu sing. zaimka osobowego *mine* obok *mienie* w języku staropolskim“ (RS, t. XVIII, cz. I, стр. 15—19).

⁹ Е. С. Скобликова. Диалектальные особенности в падежных формах личных местоимений. Канд. дисс. Куйбышев, 1950 (машинопись); М. А. Прево. История форм личных местоимений в русском языке. Канд. дисс. М., 1952 (машинопись); А. А. Крывіцкі. Формы асабовых і зваротнага займеннікау сучаснай беларускай мовы в іх гісторыі. Канд. дисс. Мінск, 1958 (машинопись); Л. Я. Маловицкий. Родительный-винительный и винительный падеж личных местоимений в памятниках русской письменности XI—XVI вв. Канд. дисс. Л., 1958 (машинопись); С. Ф. Самойленко. Из истории восточнославянских местоимений.

С различной степенью подробности вопросы формирования местоименной парадигмы склонения в славянских языках освещаются в исторических грамматиках славянских языков.

*

Настоящая работа, одной из задач которой является реконструкция форм личных местоимений в поздний период праславянского, предшествующий его распадению на отдельные славянские языки, основывается только на славянском материале. Под реконструкцией в настоящей работе подразумевается выбор одной из зафиксированных в древнейших памятниках форм и квалификация ее как древнейшего, исходного для той или иной группы славянских языков образования.

Материал древнейших памятников славянской письменности позволяет предполагать, что некоторые формы личных местоимений не были единными для всего праславянского языка в целом, но характеризовали собою различные праславянские говоры. Этот материал дает основание для установления определенных диалектных ареалов отдельных форм и для характеристики последних как форм той или иной группы праславянских говоров. Эти группы условно называются нами „праужнославянской“, „празападнославянской“ и „правосточнославянской“.

Условность принимаемых терминов очевидна: известно, что современные языки отделены от праславянских говоров многими перегруппировками, стершими в ряде случаев черты древних особенностей праславянских диалектов. Однако мы считаем, что в некоторых случаях, учитывая известные науке факты древних сходствений диалектов, можно говорить об определенных диалектных различиях в праславянском и древних изоглоссных областях изучаемых форм.

Естественно, что не все формы допускают подобное возведение к определенным диалектам праславянского языка. Целый ряд форм, по-видимому, и не имел подобных диалектных различий, характеризуя собой праславянский язык в целом.

Общеславянский план настоящего исследования обусловливает преимущественное рассмотрение в работе „тех явлений из поздней истории языков, которые в какой-то степени являются отражением общих процессов для данной группы родственных языков, генетически связанных между собою“¹⁰. Специальное внимание привлекли к себе и те процессы из поздней истории языков, которые являются следствием общих генетических предпосылок, поскольку изучение подобных процессов дает материал для наблюдений о взаимообусловленности изучаемых процессов в славянских языках.

¹⁰ С. Б. Бернштейн. О построении „Сравнительной грамматики славянских языков“. — ВЯ, 1954, № 2, стр. 56.

В работе рассматривается, естественно, и большая часть специфических явлений, имевших место в истории отдельных славянских языков, поскольку часто необходимо специальное рассмотрение этих форм для интерпретации их как общих для всех славянских языков или специфических для того или иного языка образований. В работе не рассматриваются формы болгарского языка и некоторые формы словенского, представляющие специфические образования, не имеющие параллелей в иных славянских языках и требующие специального исследования.

*

При изучении процессов взаимодействия между полными и краткими формами вин. и дат. ед. и мн. чисел мы сталкиваемся с вопросами специфики употребления форм, что означает отход от морфологического принципа исследования, принятого в работе в целом. Однако без определения специфических условий употребления полных и кратких форм вин. и дат. падежей невозможно определение исходных форм в праславянском и выяснение путей развития этих образований в отдельных языках. Определяя специфические условия употребления полных и кратких форм, говоря о тонированности и атоничности тех и иных образований, мы вынуждены войти в область едва ли не наибольшей субъективности, так как объективные показатели ударенности или безударности форм отсутствуют.

До самого последнего времени наиболее распространенными условиями употребления полных форм личных местоимений в отличие от кратких (и тем самым тонированных в отличие от энклитических) считалось их употребление при сопоставлении и противопоставлении иному объекту, при нарочитом ударении во фразе, при сочетании с предлогами и при инверсии, составляющими, по определению С. П. Обнорского, условия особой „стилистической подчеркнутости“¹¹. Однако и инверсия в языках со свободным порядком слов, каковыми являются славянские языки, и „нарочитое ударение“ во фразе не выводило исследователя за пределы субъективных толкований.

В недавнее время пересмотр обычно применяющихся к этой сфере определений был предпринят Л. Я. Маловицким, объектом исследования которого явилась сфера род.-вин. падежа личных местоимений в древнерусском языке¹².

Исходя из совершенно правильного мнения о том, что „логическая акцентированность объекта — это лишь способ, средство выражения определенных значений“¹³, Л. Я. Маловицкий спра-

¹¹ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1948, стр. 100.

¹² Л. Я. Маловицкий. Родительный-винительный и винительный падеж личных местоимений в памятниках русской письменности XI—XVI вв.

¹³ Там же, стр. 33.

ведливо упрекает исследователей в субъективном толковании исследуемых ими форм. Единственным случаем, когда можно говорить о логической акцентированности местоименной формы, является, по мнению Л. Я. Маловицкого, ее употребление в условиях „сопоставления прямого объекта с другим членом синтаксической конструкции“¹⁴. Это уточнение не опровергает ранее принимавшихся определений, но значительно их ограничивает одной только областью — областью противопоставления объекта. Подобное ограничение дало возможность Л. Я. Маловицкому весьма тонко исследовать обнаруженные им факты и удачно их интерпретировать, однако, даже при узкоограниченной им сфере понимания логической акцентированности форм, в его работе имеют место отдельные субъективные толкования (см. § 3 II главы нашей работы). Мы считаем ограничение, предлагающее Л. Я. Маловицким, совершенно справедливым, обеспечивающим наиболее правильную интерпретацию изучаемых форм.

В целях краткости изложения логически выделенные, т. е. противопоставленные формы местоимений, мы определяем как находящиеся в „сильной позиции“. Случай атонического их употребления квалифицируются нами как „слабая позиция“ местоименных форм.

Исследуя историю личных местоимений в славянских языках, мы наблюдаем процессы унификации отдельных местоименных форм, сталкивающиеся с фактами устранения характерного для данной группы слов супплетивизма, поскольку „при всех частных отступлениях от этой общей тенденции, развитие грамматического строя в целом идет в сторону все большего обобщения“¹⁵.

Обобщение в изучаемой нами группе слов совершается как выравнивание основ косвенных падежей личных местоимений, происходящее путем аналогического уподобления отдельных форм друг другу.

Исследуя явления грамматической аналогии, имеющей по утверждавшемуся в науке мнению „для морфологии такое же значение, как звуковые законы для фонетики“¹⁶, в определенной группе слов, мы принимаем в качестве рабочего термина нерасчлененный термин — „грамматическая аналогия“, понимая под ним в данном случае „внутреннее грамматическое употребление“, определенное В. Вундтом¹⁷, поскольку процессы преобразования

¹⁴ Л. Я. Маловицкий. Указ. соч., стр. 33.

¹⁵ П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, стр. 4.

¹⁶ В. А. Богородицкий. Из чтений по сравнительной грамматике индоевропейских языков, I. Варшава, 1895, стр. 7; ср. аналогичное высказывание И. Куриловича.

¹⁷ W. Wundt. Völkerpsychologie, Bd. I, Teil 1. Stuttgart, 1921, стр. 445.

изучаемых форм происходят большей частью внутри парадигм склонений определенных лиц, не вступая во взаимодействие с формами именного или собственно местоименного склонения.

Процессы унификации основ косвенных падежей, происходящие в результате аналогического выравнивания основ, исключительно многообразны, причем в каждом языке они совершаются специфически, получая различия в смысле интенсивности развития и следя в различных направлениях, поскольку в качестве модели, к которой приспособливаются основы падежей, могут выступать различные формы род.-вин. или дат.-мест. падежей ед. числа. Наблюдаются колебания и внутри одного языка, когда происходит выбор той или иной основы как „приспособливающей“, „активной“ модели (ср., например, процесс унификации основ местоимения 2-го лица и возвратного местоимения по дат.-мест. падежу ед. числа, наблюдавшийся в русском языке XIV в., и последующий процесс применения всех форм косвенных падежей к основам род.-вин. падежа ед. числа).

Процессы унификации основ косвенных падежей находятся в центре внимания при описании истории любой местоименной формы, так как специфика их проявления в отдельных языках и обуславливает разнообразие парадигм личных местоимений в славянских языках.

Процессы, обусловленные фонетически (например, изменение флексии тв. ед. в и в чешском и лужицких языках, изменения окончаний дат. ед. ё в i в языках, рефлекс ё в которых = i), нами не рассматриваются как не имеющие морфологической ценности. Многие преобразования падежных окончаний личных местоимений обусловлены фонетически, поэтому в работе отсутствуют разделы, посвященные флексиям изучаемых форм. В тех случаях, когда изменения окончаний личных местоимений обусловлены морфологически, мы специально исследуем эти изменения и стремимся выяснить характер преобразований. Так, отвергнув фонетическое объяснение форм — новообразований род.-вин. ед. в русском языке, мы пришли к необходимости их объяснения как возникших в результате „контаминации“ форм, когда две формы, возникшая одновременно в сознании говорящих, влияют друг на друга, образуя новую форму.

Формы род.-вин. ед. мя, тя, ся русских говоров и некоторые формы иных языков объясняются нами как возникшие путем стяжения.

*

Материалом исследования являются факты древних письменных памятников славянских языков и данные их современных говоров.

Для воссоздания истории преобразования форм необходимо сопоставление указанных источников; без привлечения одного

из них картина морфологического преобразования форм не может быть полной, а в ряде случаев может оказаться ошибочной.

Выбор памятников древнеславянской письменности определялся стремлением исследовать факты народноразговорных языков; в соответствии с этим в работе используются преимущественно произведения тех жанров письменности, которые в большей степени отражают живой, разговорный язык южных, западных и восточных славян.

При обработке древнеславянского материала наибольшую трудность представляет разграничение форм, свойственных литературным языкам и обусловленных в ряде случаев иноязычным влиянием, и исконных народноразговорных форм отдельных славянских языков.

Опасность отождествления иноязычных форм литературных языков с народноразговорными формами является при анализе текстов древнесербского, средне- и новоболгарского, древнечешского и древнерусского языков, поскольку формирование литературных языков этих народов происходило под значительным церковнославянским влиянием.

В ряде языков отдельные формы личных местоимений на древнейших этапах совпадают с церковнославянскими, но затем преобразуются, а древние образования, ставшие архаизмами в народноразговорном языке, долгое время продолжают использоваться в стилистических целях и сохраняются в застывших традиционных штампах деловой письменности. Поэтому игнорирование жанрово-стилистических особенностей древнеславянских памятников письменности приводит исследователя к ошибочным выводам в отношении датировки явлений и к неправильному пониманию характера фиксируемых памятниками форм.

Этими соображениями в ряде случаев определялось количество исследуемых древнеславянских памятников письменности: большое количество текстов обрабатывалось по языкам, формирование литературных языков которых было осложнено иноязычным влиянием.

Неславянские иноязычные влияния таят в себе меньше опасностей при морфологической интерпретации форм. Латинское влияние на польский язык не сказывается в морфологии. Нами изучены польские библии, псалтыри, проповеди, жанровая отнесенность которых в иных языках послужила бы аргументом против их использования в работе. Чешское влияние, которое испытал на себе польский язык, также мало коснулось морфологии.

Иногда количество исследуемых древних текстов в том или ином языке определялось сложностью путей развития исследуемых форм и трудностью их исторической интерпретации.

Это относится прежде всего к словацкому языку. Мы стремились изучить возможно большее количество древнесловакских текстов, чтобы уловить среди почти полного господства чешских

Форм исконно словацкие образования, поскольку без этого невозможно объяснение ряда сложнейших вопросов, связанных не только с историей исследуемых форм в словацком, но и с праславянскими реконструкциями.

Мы сочли необходимым возможно полно исследовать факты современных говоров славянских языков, поскольку диалектный материал в ряде случаев позволяет не только представить наметившийся в древности процесс преобразования какой-либо местоименной формы, но и выяснить характер того или иного образования, правильно интерпретировать исторически засвидетельствованные факты. Справедливо замечание В. Г. Орловой о том, что „со временем создания атласов трудно представить себе исследование истории тех или иных языковых явлений..., не включающих данных лингвистической географии“¹⁸. Следует, однако, отметить, что мы не ставили перед собой задачи специального описания границ распространения отдельных местоименных форм как форм определенной диалектной принадлежности, хотя в общих чертах подобная характеристика в работе имеет место.

Более важным аспектом мы считали сличение границ распространения взаимосвязанных и взаимообусловленных, по нашему мнению, форм, или, как их называют авторы только что вышедшего труда „Вопросы теории лингвистической географии“ — „сопоставительное изучение изоглосс структурно связанных явлений“¹⁹. Подобное сопоставление в сочетании с соответствующими данными древних памятников дало нам основание поставить вопрос о взаимообусловленности процессов оформления форм род.-вин. и дат.-мест. ед. Подобное сопоставительное изучение ареалов отдельных взаимообусловленных форм возможно на основе диалектологических атласов отдельных славянских языков, имеющих в своем составе соответствующий материал. Однако работа над диалектологическими атласами в ряде стран только начинается, и по некоторым языкам, представляющим особый интерес в данном отношении, приходилось проводить не сопоставление определенных ареалов, но лишь фиксировать на основе имеющихся диалектологических исследований факты взаимообусловленности тех или иных образований в отдельных говорах.

Для правильной интерпретации фиксируемых в древнеславянских памятниках письменности форм необходим анализ их соотношения с соответствующими формами современных диалектов. Необходимо учитывать не только факт внешнего, формального совпадения сопоставляемых форм, но и специфику их употребления в древности и в настоящее время, соотнесенность с функционирующими в этих же падежах иными образованиями. Основанные на факте внешнего совпадения форм сопоставления приводят к ошибочным выводам (ср., например, весьма распространя-

¹⁸ Сб. „Вопросы теории лингвистической географии“. М., 1962, стр. 437.

¹⁹ Там же, стр. 458.

ненное в русистике мнение о формах *мя*, *тя*, *ся* современных говоров как о сохранившихся с древности образованиях).

В работе используются изданные диалектологические материалы, и материалы, собранные для составления атласов современных говоров отдельных славянских языков — русского (материалы VI и IV томов), украинского, хранящиеся в Институте языкознания им. Потебни, и болгарского диалектологического атласа, создаваемого в настоящее время. Изучены нами и карты явлений в названных атласах.

Объем диалектных источников по отдельным славянским языкам определялся рядом моментов: степенью диалектной дробности того или иного языка, исследованностью процессов формирования изучаемых форм в отдельных языках, достоверностью показаний древних письменных памятников. Обращающая на себя внимание неравномерность в привлечении диалектного материала не является произвольной.

Гла́ва пе́рвая

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА МЕСТОИМЕНИЯ 1-ГО ЛИЦА

В древнейших памятниках славянской письменности фиксируется три варианта им. ед. местоимения 1-го лица: *аэъ* (*az*), *јаэъ* (*jaz*) и *ја* (*ja*). Нет сомнения в том, что они характеризовали различные говоры праславянского языка позднего периода. Реконструкция единой формы им. ед. местоимения 1-го лица для периода диалектной дробности праславянского едва ли возможна.

Близость в употреблении вариантов им. ед. местоимения 1-го лица в древних письменных памятниках южных, западных и восточных славян обусловлена спецификой развития литературных языков этих народов, значительной ролью церковнославянского языка в их формировании. Только тщательный стилистический анализ древнеславянских текстов дает возможность разграничить формы, характерные для книжного, письменного языка, и формы живых народноразговорных славянских языков. Задача исследования — установить хронологию этих вариантов.

Значительная часть исследователей считает более древним йотированный вариант изучаемого местоимения. Основанием для этого является большая возможность сопоставления формы *jaz* с соответствующими образованиями индоевропейских языков, поскольку нейотированная форма вообще несопоставима с формами латинского, греческого, древнеиндийского и других языков.

В настоящем исследовании, ограниченном рамками славянского материала, решить вопрос о наиболее древнем варианте изучаемого местоимения в праславянском невозможно. В данном случае допустимы лишь общие предположения.

Причиной изменения некогда единой, исходной, как мы полагаем, для праславянского языка формы **azъ* в **jazъ* явилось развитие протетического *j* после утраты конечных согласных, повлекших за собой появление протетических звуков. Процесс утраты конечного согласного в йотированном варианте изучаемого местоимения фонетически необъясним. Возможно, что опреде-

ленную роль в нем сыграл факт уподобления названной формы образованию им. ед. местоимения 2-го лица, оканчивающемуся на гласный.

В поздний период праславянского языка существовали все три фиксируемые в древнеславянских памятниках письменности варианта местоимения 1-го лица — *azъ, *jazъ и *ja, имевшие свои ареалы. Об этом убедительно свидетельствует рассмотрение употребления этих образований в истории отдельных славянских языков.

1. Южнославянские языки

Определение праславянских образований им. ед. местоимения 1-го лица в говорах праславянского, легших в основу южнославянской языковой группы, представляет значительные затруднения.

Необходимо решить, был ли фиксируемый в старославянском языке вариант *азъ* единственным в данной группе праславянских говоров или параллельно с ним существовали иные варианты им. ед., обнаруживаемые в древнейших сербских памятниках письменности и широко представленные в современных говорах южнославянских языков.

В старославянском языке обычной является форма *азъ*: *азъ егда въвраштъ са възdam ти* (Mar., L. XI, 5—10); *иakоже и азъ тебе помиловахъ* (Sav., Mt. XVIII, 33); *И азъ вамъ глж. сътворите себѣ дроугы* (Zogr., L. XVI, 9—10); *И азъ Ѳко сѣно исохъ* (Sin. 101, 12).

Лишь однажды в Марииинском евангелии отмечен йотированный вариант изучаемого местоимения: и *ѧзъ* (Mc. XI, 29).

Образование *азъ* в болгарской письменности является единственным. В языке среднеболгарских памятников, близких народноразговорному языку, и в языке написанных на местных говорах новоболгарских дамаскинов вполне последовательно употребляется нейотированный вариант: *азъ бо милостива еи хощѫ быти* (Tr. рг., стр. 170); *азъ не разѹмѣ ѿ грыцк(и) (глаголеть) къ мнѣ* (Сол., стр. 283); *Из твої труп аз съм идин дѣл, със си аз са веселим* (Черг., стр. 80); *азъ шбрѣменени и шкаꙑнъни писахъ въ дни Влькашина* (Бълг. стар., XIV в., стр. 90); *щото стрѣувам азъ тѣбе* (Любл., стр. 517); *азъ йщемъ. и гъ му ре**. имам *азъ* одного члака хытра (Копр., стр. 1).

В качестве „самого обычного выражения 1 лица“¹ употребляется образование *аз* и в валашских грамотах XIV—XV вв.

Безусловно, что для определенной группы говоров болгарского языка нейотированный вариант им. ед. местоимения 1-го лица

* С. Б. Бериштейн. Разыскание в области болгарской исторической диалектологии, т. I, М.—Л., 1948, стр. 15.

был единственным образованием в период первых болгарских памятников письменности. Однако из-за отсутствия достаточного количества болгарских памятников письменности, имеющих определенную территориальную отнесенность, открытый остается вопрос о том, являются ли фиксируемые некоторыми современными болгарскими говорами йотированные варианты изучаемого местоимения наследием праславянской эпохи или результатом развития противопоставленного *j* на почве болгарского языка.

Современным болгарским говорам известны все три варианта им. ед. местоимения 1-го лица, имеющие весьма устойчивые границы распространения.

Восточная Болгария характеризуется устойчивым употреблением нейтированного варианта местоимения 1-го лица.

Образование *az* отмечается как „общеупотребительное“ для северовосточного диалекта восточноболгарской группы говоров², фиксируется в с. Осеновец в Коловоградско³, в с. Ловач⁴, с. Чакманово в Смолянско⁵, с. Градино в Первомайско⁶.

Форма *ac* отмечена С. Стойчевым в тетевенском говоре, в котором йотированные варианты изучаемого местоимения произносятся лишь в песнях⁷, Л. Милетичем — в языке банатских болгар⁸.

На территории юго-восточной Болгарии, тщательно обследованной в результате собирания сведений для составления I тома атласа болгарских говоров, фиксируются и йотированные варианты изучаемого местоимения. Последние компактным массивом сосредоточены в южной части картографируемой в атласе территории — в районах Первомая, Димитровграда, Свиленграда, Ивайловграда, Мадана⁹.

Западная Болгария характеризуется весьма широким распространением формы *я*. Данная форма отмечена в целом ряде диалектологических описаний, относящихся к западноболгарскому наречию: в с. Ново село¹⁰ и с. Градец в Видинско¹¹, с. Правешка Лакавица в Ботевградско¹², с. Гурмазово в Софийско¹³,

² L. Miletic. Das Ostbulgarische, Wien, 1903, стр. 116.

³ Сб. БАН, кн. XXXIV, 1940, стр. 441.

⁴ СбНУ, кн. IV, 1891, стр. 516.

⁵ Ст. Стойков. Христоматия по българска диалектология. София, 1950, стр. 30.

⁶ Там же, стр. 25.

⁷ С. Стойчев. Тетевенски говор. — СбНУ, кн. XXXI, 1915, стр. 60.

⁸ Л. Милетич. Книжнината и езикът на банатските българи. — СбНУ, кн. XVI, 1900, стр. 424.

⁹ См. карты № 74^в/1 и 74^в/2 „Атласа болгарских говоров“, составленные Э. И. Зелениной.

¹⁰ СбНУ, кн. XVIII, 1901, стр. 499.

¹¹ СбНУ, кн. XLI, 1936, стр. 429.

¹² СбНУ, кн. XXXVIII, 1930, стр. 45.

¹³ СбНУ, кн. XLIV, 1949, стр. 485.

с. Метонъя в Кюстендилско¹⁴, в гр. Трън¹⁵, гр. Самоков¹⁶, с. Лесново в Елинпелинско¹⁷ и др.

Цв. Тодоров отмечает образование *ia* в северо-западной Болгарии¹⁸ — в Видинско, Ломско, Белоградчишко, Трънско, Кюстендилско.

Фиксируется форма *ia* параллельно с иными образованиями падежа в неврокопском говоре¹⁹. Известно образование *ia* русским говорам²⁰, расположенным в области восточноболгарского наречия.

Весьма широкое и устойчивое распространение формы *ja* на территории Западной Болгарии дает основание согласиться с мнением проф. Щонева о том, что данное образование является древней диалектной чертой для названной группы болгарских говоров²¹, но не „привнесенным“ в болгарский язык образованием, как предполагает Цв. Тодоров²².

Форма *јаз* широкого распространения в болгарских говорах не имеет, как не имеет и определенного ареала. Она могла явиться в болгарском языке уже в поздний период в результате контаминации двух вариантов им. ед. местоимения 1-го лица — *аz* и *ja*, характеризующих две основные группы говоров болгарского языка.

В сербско-хорватских памятниках письменности фиксируются все три варианта им. ед. местоимения 1-го лица — *аzъ*, *јазъ* и *ja*. Употребление формы *јазъ* в сербской письменности было столь ограниченным, что нет оснований предполагать ее наличие в народноразговорном древнесербском языке. Она представлена лишь спорадическими примерами в языке отдельных древнесербских памятников. Отмечена она в жилинском говоре на Истре, в чакавском говоре на острове Силбе²³ и в беднянском говоре параллельно с формой *jo*²⁴.

Форма *аzъ* занимает значительное место в древнесербской письменности XI—XV вв., являясь в некоторых памятниках основным образованием падежа: *Й възъмъ ѿъ* чъстные мόщи его (Сп. св. Саве, стр. 172); *Тѣмъ-же и азъ, въноукъ и сынь ихъ...* царь въсѣмъ Сръблемъ и Гръкомъ (Зак. Стеф. Душ., стр. 3);

¹⁴ СбНУ, кн. XXXII, 1918, стр. 595.

¹⁵ „Известия на семинара по славянска филология“, кн. IV, 1921, стр. 193.

¹⁶ СбНУ, кн. XIV, 1897, стр. 98.

¹⁷ Ст. Стойков. Христоматия по българска диалектология, стр. 48.

¹⁸ Цв. Тодоров. Северо-западните български говори, стр. 287. — СбНУ, кн. XLI, 1936.

¹⁹ К. Мирчев. Неврокопскиятъ говор. София, 1936, стр. 74.

²⁰ L. Miletic. Das Ostbulgarische, стр. 247.

²¹ Б. Щонев. История на български език, т. II. София, 1934, стр. 490.

²² Цв. Тодоров. Северо-западните български говори, стр. 288.

²³ А. Белић. Историја српскохрватског језика, књ. II, св. I. Београд, 1950, стр. 169.

²⁴ J. Jedačić. Bednjanski govor. — „Hrvatski dijalektološki zbornik“, knj. I. Zagreb, 1956, стр. 306.

иа азъ хыщникъ ни вльхва (Ст. срп. лет., стр. 100); азъ обрѣтохъ сю книгу (Ст. срп. зап., стр. 242, № 819, 1591 г.);... присегохъ и заклехъ се азъ, речени господинъ краль Стипанъ (Зак. спом., стр. 229, № LXXX, 1419 г.).

Преобладание данного варианта над всеми иными наблюдается в памятниках письменности определенной жанровой и стилистической отнесенности — в „Списях св. Саве“, „Законнике Стефана Душана“, в древнесербских летописях, написанных далеким от народноразговорного языком. Спорадическое употребление названной формы известно и некоторым документам деловой древнесербской письменности. М. Долобко говорит даже о „преимущественном“ употреблении формы *азъ* в боснийских грамотах XIV в.²⁵

Основным образованием им. ед. местоимения 1-го лица в сербской письменности была форма *ja*, вытеснившая с течением времени иные варианты изучаемого местоимения из всех жанров письменности: *Ja* стефанъ 8рошь с помою бжиовъ кра^х все сръбске земле... (Ст. срп. п. I, стр. 18, № 21, 1254 г.); Брати^ш и властеле, *и* Покра^ћци, господину мому слуга (Ст. срп. зап., стр. 87, № 268, 1394—1435 гг.); самъ *и*а биш писа^ш (Ст. срп. п. II, стр. 394, № 1001, 1516 г.); *Ja* iesam pastir dobri (Zad. i Rañ. lekç., стр. 6);... а *ja* viđu svaki vrag zna (Drž., стр. 190); *Ja* sve to dobro znam (Gund., стр. 144).

Современным сербско-хорватским говорам известно только образование *ja*. Форма *азъ* отмечена лишь однажды И. Милчетичем на острове Силбе²⁶.

Учитывая факт значительного влияния церковнославянского языка на сербско-хорватскую письменность, а также факт отсутствия формы *азъ* в современных сербско-хорватских говорах, мы считаем возможным предположить, что исконным для народноразговорного сербско-хорватского языка было образование *ja*. Нейотированный вариант этого местоимения был внесен в сербскую письменность из церковнославянского языка и древнесербскому языку не был известен.

В данном отношении характерно полное отсутствие нейотированного варианта *азъ* в древних хорватских памятниках письменности, испытавших значительно меньшее влияние языка церкви: *Ja* pop Grgur Žažković to prepisah... (St. o. Krka, стр. 296); pišu *ja* fra Šimun Klimentović (Ljet. hrv., стр. 30); tako mu i *ja* zahvaljivau (Živ. sv. Jerol., стр. 228); *ja* ih nisam videl (Hrv. parba, стр. 318).

²⁵ М. Долобко. О языке некоторых боснийских грамот XIV века, I—II, Пг., 1915, стр. 66.

²⁶ J. Milčetić. Čakavština kvarnerskih otoka. — „Rad JAZU“, 121, 1895, стр. 114.

Путь развития форм им. ед. местоимения 1-го лица в истории словенского языка не вполне ясен. По отрывочным данным, извлеченным из сохранившихся памятников словенской письменности, его можно представить в следующем виде: древнейшая, фиксируемая во Фрейзингенских отрывках форма *jaz* — *Jaz ze zaglagolo zlodeiu* (стр. 172), заменяется вариантом *ja*, ставшим к XV в. основным образованием падежа в ряде словенских говоров.

Форма *ja* является единственным образованием им. ед. местоимения 1-го лица в древнейшем словенском памятнике письменности XV в. — *Confessio generalis*: *Ja ze odpouem chudiczu ynu* (*Conf. gen.*, стр. 170); *Ja ze dalsan dam* (*Conf. gen.*, стр. 171); отмечена она и в Трубаревом катехизисе: *Ješt sem ia an grebnik* (*Trub. Cat.*, стр. 36). В настоящее время вариант *ja* характеризует ряд словенских говоров. Он отмечен в ряде населенных пунктов говоров терских славян²⁷, в белокраинском наречии²⁸, в Резии²⁹.

Значительная часть словенских говоров пошла по пути преобразования формы им. ед. местоимения 1-го лица в специфическое для словенского языка образование *jest*, не известное иным славянским языкам. Последнее весьма подробно описано Ф. Рамовшем³⁰ и в дополнительном исследовании не нуждается. Границы распространения этой формы не совпадают с границами словенского языка: образование *jest* фиксируется в целом ряде кайкавских говоров сербско-хорватского языка — в локварском³¹, дельницком³², равногорском³³ говорах и в населенном пункте Броде на реке Купе³⁴, но объясняются переходным характером этих говоров.

Образование *jaz*, фиксируемое во Фрейзингенских отрывках и в настоящее время известное некоторым словенским говорам, является основной формой литературного словенского языка, но характеризуется Ф. Рамовшем как „плод этимологических

²⁷ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии. II. Образцы языка на говорах Терских славян в Северо-восточной Италии. СПб., 1904, стр. 10, 36, 90 и др.

²⁸ F. Ramovš. Historična gramatika slovenskega jezika. VII, Dialekti. Ljubljana, 1935, стр. 140.

²⁹ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Резьянский катехизис как приложение к „Опыту фонетики резьянских говоров“. Варшава — Петербург, 1875, стр. 33.

³⁰ F. Ramovš. Morfologija slovenskega jezika. Ljubljana, 1952, стр. 82.

³¹ R. Strohal. Osobine današnjega lokvarskoga narječja. — „Rad JAZU“, 152, 1903, стр. 200.

³² R. Strohal. Osobine današnjega delničkoga narječja. — „Rad JAZU“, 153, 1903, стр. 156.

³³ R. Strohal. Osobine današnjega ravnogorskoga narječja. — „Rad JAZU“, 162, 1905, стр. 62.

³⁴ R. Strohal. Današnje narječe u Brodu na Kupi. — „Rad JAZU“, 196, 1913, стр. 72.

устремлений... культурных реформаторов³⁵. Судить о том, было ли это образование исходным для словенского языка, трудно, поскольку показания Фрейзингенских отрывков во многом спорны, а иные словенские памятники письменности древнейших веков отсутствуют.

Возможно, однако, предположить, что вариант *jaz* удерживался в некоторых южнославянских говорах несколько дольше и характеризовал собой древние словенские говоры.

По-видимому, говорам праславянского, легшим в основу образования южнославянской группы языков, были известны все три варианта им. ед. местоимения 1-го лица. Нейотированный вариант этого местоимения характеризовал собой лишь незначительную часть этих говоров, давших впоследствии начало болгарскому языку, и иным праславянским говорам был неизвестен.

Основная часть этих говоров в поздний период праславянского характеризовалась вариантом *ja. Древняя изоглосса данного варианта не совпадала с языковыми границами сербского и болгарского языков, захватывая часть территории болгарского, а может быть, и словенского языка.

Вариант *jazъ в поздний период праславянского языка сохранялся, по-видимому, лишь в незначительной части описываемых праславянских говоров, будучи вытесненным в ранние эпохи сокращенным вариантом. Отдельные случаи употребления формы *jaz* в современных сербских говорах могут, однако, быть объяснены как сохранение древнейшего праславянского образования. В форме *jaæ*, фиксируемой в современных болгарских говорах, можно видеть как результат развития преитотации в форме *aæ*, так и следствие контаминации форм *aæ* и *ja*, характеризующих основные группы болгарских говоров.

2. Западнославянские языки

Западнославянская языковая группа весьма рано вырабатывает единую форму им. ед. местоимения 1-го лица. Большая часть западнославянских языков не обнаруживает уже с XV в. колебаний в ее употреблении.

В древнейших памятниках западнославянской письменности фиксируются лишь йотированные варианты изучаемого местоимения *jáz* и *já*. Нейотированный вариант в западнославянской письменности не получил отражения, несмотря на значительную роль церковнославянского языка в формировании чешского письма.

По-видимому, в поздний период развития праславянского языка его говорам, легшим в основу образования западной

³⁵ F. Ramovš. Morfologija slovenskega jezika, стр. 82.

группы языков, были известны оба варианта данного местоимения. Однако утрата варианта *jaz* в истории отдельных западнославянских языков происходила в различные периоды, которые необходимо датировать.

В древнечешской письменности до XIV в. включительно употребляются оба варианта им. ед. местоимения 1-го лица: *yaz zabiú a yaz živa učini* (Ž. Wittb., 39) — *ya jsem potvirdil* (Ž. Wittb., 74); *iaz kochati sě budu* (Ž. Klem., 103) — *ya jako hluchý neslyšiech* (Ž. Klem., 37); *ya zabíji a yaz živím* (Z. Pod., 39)³⁶.

Жанрово и стилистически нераэграниченнное употребление этих форм в древнечешской письменности свидетельствует о том, что оба варианта до XIV в. включительно существовали и в народноразговорном чешском языке.

Вариант *jaz* выходит из употребления лишь в конце XIV—XV вв. В документах деловой древнечешской письменности, отличающихся наибольшей близостью к народному языку, в произведениях Штитного, в „Сети веры“ П. Хельчицкого фиксируется только форма *já*: *toho já nemohu učiniti* (Psaní V. Pernšt., 1521 г., N 136, стр. 169); *a ježto sem já Jana bratra swého upominal* (Záp. hrad., 1389 г., N 4, стр. 322); *a já sem jediný ostal* (Štíť. Kn. šest, стр. 125); *Ne budu já kralovati nad vami* (Chelč. S. v., стр. 125); *Já Prokop z Hořiněwsi wyznawám tiemto listem obecně přede wsemi* (Wýp. ze desk zemsk., N 17, 1443 г., стр. 68).

Форма *jáz*, спорадически встречающаяся в чешской письменности XV в., может рассматриваться как архаизм, известный писцам из древнейших произведений чешского письма.

В словакской письменности, древнейшие памятники которой восходят к XV в., фиксируется лишь форма *ja*: *tiem jsem já nevinen* (Kn. žil., ч. I, стр. XLIV); *Nez bich ja poznal peczet Mediasku* (Stred. č. I., N 21, 1480 г., стр. 37); *Ya tebe ziadem, zie mnie v to plesti nebudess* (Slov. I., N 111, 1540 г., стр. 213); *Ja tedass hnedky dal* (Kremn. I., 1565 г., стр. 315).

По-видимому, утрата варианта *jaz* в чешско-моравской области произошла до XV в., но не ранее конца XIV в., о чем свидетельствуют памятники чешской письменности.

Поморско-польская группа говоров утратила форму *jaz* несколько раньше: древнепольские памятники письменности почти не дают примеров ее употребления. Единственный пример, извлеченный из Флорианской псалтыри, — *ale jaz modlił jeśm się* (пс. 108,3), используется во всех польских грамматиках для до-

³⁶ Цит. по древнечешскому словарю Я. Гебауэра „Slovník staročeský“, d. I. Praha, 1903, стр. 606.

казательства тезиса о сохранении в древнепольском данном образовании³⁷.

В привлеченных в нашей работе памятниках древнепольского письма отмечен лишь вариант *ja*: *ia za prawdø w czo pwocz bødø* (Flor., 55); *a powiedam ci ja to wam wszytkim* (K. Gn., стр. 1, строка 17); *Jako ya tho wem esze okthore penødze* (Kur. Wolf. Zap., N 75, 1422—1424 гг., стр. 7); *Ja też osobliwie, grzeszny kapłan, polecam łaskam waszym* (K. Gen., стр. 152, строка 1).

По-видимому, в XIV в. в народноязыковом польском языке иных образований им. ед. местоимения 1-го лица и не существовало.

Не сохранилось свидетельств о древнем употреблении иных вариантов и в современных польских говорах.

Не знают иных форм им. ед. местоимения 1-го лица кашубский и лужицкие языки.

Вариант *jaz* исключительно долго сохранялся в полабском языке. Форма *jōs* с характерным для полабского изменением долгого *a* в *o* фиксируется в тексте песни, записанной Геннигом в XVII в., в хронике Парум-Шульце XVIII в., отмечается в имеющихся словарях полабского языка: *Jōs gis wiltga grīsna sena* (Rost., стр. 176); *Jos nemik Ninka bayt* (Rost., стр. 176); *Johss tech tiebe rado meht* (Гильф., стр. 16, № 5); *Johss mehnang* (Гильф., стр. 15, № 4). Известна полабскому языку и форма *jo*, отмеченная в хронике Парум-Шульце: *jo rietzeg tibbe* (Гильф., стр. 34, № 237). В безударном положении описываемые формы сохраняют древний фонетический облик — *jaz* и *ja*³⁸.

Таким образом, можно, как кажется, утверждать, что говоры праславянского, давшие начало западнославянской группе языков, характеризовались наличием им. ед. местоимения 1-го лица **jazъ* и **ja*. Определенных ареалов эти формы в описываемых праславянских говорах, по-видимому, не имели: оба варианта известны и чешско-моравской, и поморско-польской группам говоров. Различия в употреблении этих форм в древнейших памятниках письменности западных славян обусловлены тем, что процесс утраты древнего варианта происходил в разных группах западнославянских языков не одновременно: в чешско-моравской области он совершился лишь в конце XIV в., в поморско-польской — в эпоху дописьменную. В полабском языке вариант *jaz* сохранялся до XVIII в. включительно.

³⁷ См. И. А. Бодуэн де Куртенэ. О древнепольском языке до XIV столетия. Лейпциг, 1870, стр. 94; А. М. Селищев. Славянское языкознание, т. I. М., 1941, стр. 358; B. Wieczorkiewicz. Elementy gramatyki historycznej języka polskiego. Lódź—Warszawa, 1955, стр. 116 и др.

³⁸ A. Schleicher. Laut- und Formenlehre der Polabischen Sprache. СПб., 1871, стр. 259.

3. Восточнославянские языки

В древних письменных памятниках восточных славян фиксируются три варианта им. ед. местоимения 1-го лица — *аэъ*, *яэъ* и *я*.

Длительное употребление этих форм в памятниках восточнославянской письменности различной жанровой принадлежности создает впечатление о том, что все три варианта были характерны в древности и для народноразговорных языков восточных славян. Однако стилистический анализ текстов восточнославянской письменности убеждает в том, что форма *аэъ* не была характерной для живых народноразговорных восточнославянских языков. Доказательству этого положения посвящена неопубликованная часть нашего исследования о формах личных местоимений в русском языке³⁹. В настоящее время подобную интерпретацию формы *аэъ* в восточнославянских языках находим во всех исследованиях последних лет⁴⁰.

В русской письменности древнейшей поры форма *аэъ* фиксируется в текстах, связанных с религиозной тематикой или написанных духовными лицами. Употребление ее в светских памятниках ограничено рамками стилистически окрашенных отрезков речи, широко использующих церковнославянскую лексику. Лишь в Лаврентьевской летописи фиксируются примеры употребления этой формы в стилистически нейтральных отрезках речи: Рече бо Черниговский епископъ: *аэъ свѣде*, яко достоинъ съшедшеся епископомъ митрополита поставити (Ипат. стр. 30); *аэъ грѣшный* в смирении Киприан митрополит смотріхъ (Моск., стр. 235); ты еси слепъ, како можеши царство держати, *аэъ есмь цесарь* (Новг., стр. 47); *аэъ* оутро послю по вы (Лавр., стр. 56).

Употребление формы *аэъ* в деловой письменности XII—XIII вв. ограничено рамками традиционных штампов договорных и жалованых грамот: Се *аэъ* князь великий Всеяводъ далъ есмь святому Георгию Терпужьскому погостъ (Гр. Н. Пск., № 80, 1125—1137 гг., стр. 139); Се *аэъ* князь Олександъръ и сынъ мои Дмитрии... докончахомъ миръ с посломъ нѣмыцкымъ Шивордомъ (Гр. Н. Пск., № 29, 1262—1263 гг., стр. 57); Се *аэъ* Князь Великій Иванъ Васильевичъ всея Русії пожаловал есми... игумена Ефрема съ братъю (А. И., № 144, 1545 г., стр. 209); Се *аэъ* Великій Василей Ивановичъ всея Русії пожаловалъ есми игумена Елизарія съ братъю (А. И., № 125, 1518 г., стр. 183).

³⁹ См. М. А. Прево. История личных и возвратного местоимений в русском языке. М., 1952 (машинопись).

⁴⁰ Ср. П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, стр. 108 и сл.; С. М. Бевзенко. Історична морфологія української мови. Ужгород, 1960, стр. 159; С. Ф. Самойленко. Из истории восточнославянских местоимений. Автореф. докт. дисс. М., 1960, стр. 22.

В документах духовных лиц *аэъ* является основной формой падежа вплоть до XVII в. включительно: се *аэъ рабъ бии* игуменъ Василей даль есмъ в домъ стму николи... землю (Дв. гр., XV в., № 12, стр. 21); и *аэъ къ тому* ничто же не ходу... преданіи дѣйствовать (А. И., № 114, 1504—1505 гг., стр. 170)⁴¹.

Некоторое возрастание употребления формы *аэъ* в русской письменности конца XIV—начала XV в., в период второго южнославянского влияния, может служить дополнительным аргументом для доказательства ее церковнославянского характера.

Не меньшее место занимала форма *аэъ* и в юго-западнорусской письменности. В ряде староукраинских памятников письменности она была единственным образованием падежа, в иных — преобладающим: *аэъ* есмъ дѣмонъ, приставніи и Аполовъ прввыи..., *аэъ* есмъ очіль прелюбодѣемъ (Апокр., VIII, стр. 29); Нѣсмъ *аэ Церковъ*, яко мнятъ, от древ нечувственных (Др. укр., IV, стр. 141); *Аэъ, аэъ* сотворихъ первое вещь сію (Др. укр., I, стр. 97); Теребѣи... Грушский дякъ *Аз* писахъ (Ист. Угр. Р., V, стр. 132); *Аэъ ёсмъ* Воскрніє ї живо́тъ (Огор., стр. 4); и *аэъ* недостойный во иереохъ, Кирило Ивановичъ (Киевск., стр. 83); сего ради *аэъ* размишляя (Граб., стр. 8).

Обращает, однако, на себя внимание факт отсутствия формы *аэъ* в памятниках староукраинской письменности, отличающихся близостью к народноразговорному украинскому языку, — в Пересопницком евангелии, Бодянском учительном евангелии, в „Небе новом“ Иодникия Галятовского. Употребление этой формы в деловой староукраинской письменности строго ограничено рамками документов духовных лиц и традиционных штампов договорных грамот: Се *аэъ рабъ божій* кнзъ андре^в владимирови^ч приѣз^диль емъ въ кiev (Укр. гр., I, № 83, 1446 г., стр. 154); А се *аэъ* владыка Иванъ из Лудка, знаемо чиню всѣмъ (Укр. гр., I, № 30, 1398 г., стр. 56).

Равные в отношении роли церковнославянского языка условия в формировании русской и юго-западнорусской письменности обусловили и равную степень употребительности формы *аэъ* в старорусском и староукраинском письменных языках.

В западнорусской письменности форма *аэъ* имела меньшее распространение, поскольку более ограниченным было влияние церковнославянского языка на старобелорусскую письменность.

Вопрос о вариантах им. ед. местоимения 1-го лица в белорусском языке тщательно исследован в работе А. А. Кривицкого. По его мнению, употребление формы *аэъ* в западнорусской письменности ограничено рамками „канонической церковной ли-

⁴¹ Подробнее об этом см.: М. А. Прево. История форм личных и возвратного местоимений в русском языке, стр. 18—46.

тературы" и языком памятников полемичной и религиозно-богословской литературы"⁴².

Таким образом, нейотированный вариант им. ед. местоимения 1-го лица мы считаем иноязычным, книжным элементом в письменности восточных славян. Живыми формами народноразговорных восточнославянских языков были варианты *яэъ* и *я*. Их взаимодействие в истории древнерусского, старобелорусского и староукраинского языков и составляет историю форм изучаемого падежа в народноразговорных восточнославянских языках.

Попытка определения специфики употребления этих форм, предпринятая на материале русского языка А. В. Шляковым⁴³, не дала определенных результатов. Оба варианта употребляются в древних письменных памятниках восточных славян без каких бы то ни было различий. Требует уточнений определение времени выхода из употребления в отдельных восточнославянских языках варианта *яэъ*. Не ясен вопрос и о времени появления варианта *я* в древнерусских памятниках письменности различной территориальной отнесенности.

Наличие этого варианта в Мстиславовой грамоте около 1130 г. давало основание для утверждения о том, что древнерусскому языку времени его древнейших памятников была известна форма *я*. Между тем, употребление варианта *я* в древнейшие эпохи в русском языке носило характер локально ограниченный, и всему древнерусскому языку эта форма была, по-видимому, неизвестна. Таким образом, вопрос о времени появления этой формы в русском языке центральных и восточных областей остается открытым.

Почти все известные нам древние примеры употребления формы *я* фиксируются в памятниках письменности северо-западной территориальной отнесенности — в Новгородских, Псковских грамотах, Лаврентьевской, Новгородской и Псковской летописях: а се *иа* всеволодъ даль юсмъ блюдо серебряно (Гр. Н. Пск., ок. 1130 г., стр. 11); А на *иарославли* добръ здоровъ (Б. гр., № 69, стр. 203); конь умерль *е а иа* живъ (Лавр., стр. 39); идѣте въ градъ *а иа* заоутра ѿступаю ѿ града (Лавр., стр. 59); идѣте съ данью домови. *а иа* возвращюся похожю и еще (Лавр., стр. 54); вы себе, *а я* себе (Новг., стр. 68); давно ли *я* вамъ о смердах вины отдалъ (Пск., стр. 168); се *а* ѿбросимъ и лаврентѣи. *дѣтъ*. взали есма собѣ (Дв. гр., № 99, стр. 125); Се *а* Фелиѣкъ о^тда^х есми в домъ пречѣтые бѣды... вотчину (Дв. гр., № 55, стр. 74).

В привлеченных Б. Унбегауном к исследованию 35 собраниях различных деловых документов, относящихся в основном к цен-

⁴² А. А. Крывацкі. Формы асабовых і зваротнага займеннікау сучаснай беларускай мовы в іх гісторыі. Мінск, 1958, стр. 25—27.

⁴³ А. Шляков. Статьи по славянским наречиям. Я в XI—XIV веках. РФВ, т. XXIV, стр. 146 и сл.

тральным и южным областям Московского государства XV—XVI вв., форма *я* встретилась лишь дважды, что дало естественное основание Б. Унбегауну считать последнюю результатом ошибки, „сделанной писцом или просто издателем“⁴⁴. По-видимому, русскому народноязыковому языку центральных областей форма *я* была неизвестна вплоть до XVI в. включительно.

Образование *язъ* параллельно с иными вариантами им. ед. местоимения 1-го лица фиксируется и в памятниках письменности северо-западной отнесенности, которым было известно и образование *я*: *азъ бѣхъ сего города и другї а іазъ сеѧ вси.* (Лавр., стр. 225); *язъ яль ворога вашего Исааковица, язъ вашъ цесарь* (Новг., стр. 47); *іазъ юму ѿвѣчаль не рекль ми есифъ варити перевары* (Б. гр., № 3, стр. 191); (*п*)ослали *азо* к тоби бересто (Б. гр., № 27, стр. 199); *се азъ рабъ божий ѡртемеи черноризець...* пишю рукописанье стому николѣ (Дв. гр., № 9, стр. 16).

В памятниках письменности центральных и юго-восточных областей форма *я* не употребляется. Единственным исконным для русского языка образованием до середины XVI в. в них является вариант *язъ*: *язъ Князь Великій Олегъ Ивановичъ...* *далъ есмь отъю своему Арсѣнью монастырь* (А. И., № 2, 1356—1387 гг., стр. 2); *се язъ Князь Великій Василій Дмитревичъ пожаловалъ есмь Спасскаго архимандрита Давыда* (А. И., № 28, 1425 г., стр. 56); и *язъ брату своему молодшему Князю Володимеру Андрѣевичю...* противу того отъступился въ удѣль (С. Г. Гр., № 38, 1405 г., стр. 69); и рече им изяславль посолъ: *цѣловаль вы князь свои: язъ бехъ вашъ явиль* (Ипат., стр. 22); *язъ, господине, богомолець твои...* тебѣ своему государю челомъ бью (Моск., стр. 313).

Устойчиво употребляется форма *яз* и в начале XVII в.: *пожаловалъ язъ*, *послалъ въ вотчину сына своёво, князь Якова* (Бл. б. Од., стр. 50, IV); *а язъ грѣшный твоими молтивами далъ Богъ здоровье* (Собр. пис. А. М., стр. 210); *Се яз, Василеи Васильев сын Бешив, да яз, Ондреян Васильев сын Кукарин, да яз, Михайло Ондреев сын...* выручили есмѧ Михайла Федорова сына (Хол., стр. 310).

Возникновение формы *я* в русском языке центральных областей следует датировать эпохой XVI в., когда фиксируются случаи ее употребления в памятниках центра Московского государства: *А не учнемъ мы, я Борисъ да Яковъ... бити челомъ* (А. И., № 245, конец XVI в., стр. 461); *а я нищѣй чернецъ жилъ у Трехъ Святителей въ Кириловѣ монастыри* (А. И., № 242, конец XVI в., стр. 458).

В XVII в. форма *я* становится основным, а в ряде документов единственным образованием падежа в старорусской письменности различных областей: в том *я* в хлебном приеме ему,

⁴⁴ B. Unbegau. La langue russe au XVI siècle. Paris, 1935, стр. 354.

Глебу, память дал (А. хоз. Мор., № 54, стр. 119); ответчица Манька сказала: я де в те поры... того не сказывала (Хол., стр. 346); И Иштерек князь говорил:... что де... и я де чаю что Астороханские люди обратятца и государю добьют челом. (А. вр. межд., стр. 14).

Безусловно, что в XVII в. вариант *я* был единственным образованием им. ед. местоимения 1-го лица в русском народно-разговорном языке. Этим веком и следует датировать время окончательного выхода из употребления древнего варианта *яэ* в русском языке.

Столь длительное сохранение древнего варианта им. ед. местоимения 1-го лица в русском языке не соответствовало иным восточнославянским языкам, утратившим данное образование в эпоху, предшествующую древнейшим староукраинским и старобелорусским памятникам письменности.

Употребление формы *яэ* в юго-западнорусской письменности ограничено рамками традиционных зачинов царственных грамот, заимствованных из древнерусского письменного языка: Се азъ Федоръ Данильевичъ ись братомъ своимъ Михаиломъ дала есва правду (Укр. гр., I, стр. 30, № 15, 1386 г.); а се азъ чюрило бродовъский далъ есмъ село свое. (Укр. гр., I, стр. 28, № 14, 1377 г.); Се іазъ. кназъ. шлексанъдро Володимирович... (Укр. гр., I, стр. 113, № 62, 1429 г.).

В значительной части староукраинских памятников письменности форма *яэ* не отмечена вообще.

По-видимому, форма *яэ* вышла из употребления в народно-разговорном языке юго-запада России в эпоху, предшествующую оформлению и выделению украинского языка из общерусского, т. е. до XIV в.

Незначительное место занимает форма *яэъ* и в западнорусской письменности.

А. А. Кривицкий отмечает, что язык большинства памятников старобелорусской письменности не знает характерной для общерусского языка формы *яэъ*⁴⁵.

Единственным образованием им. ед. местоимения 1-го лица в юго-западнорусской и западнорусской письменности является вариант *я*, вытеснивший более древний вариант этого местоимения в юго-западнорусской и западнорусской областях еще в эпоху общерусского единства.

Таким образом, изучение истории форм им. ед. местоимения 1-го лица в славянских языках убеждает в том, что в поздний период праславянского языка существовали три варианта изучаемого падежа — *azъ, *jazъ и *ja, характеризовавшие различные праславянские говоры. Основной массив говоров, легших в основу образования южнославянской группы языков, харак-

⁴⁵ А. А. Кривицкий. Указ. соч., стр. 24.

теризовался наличием двух вариантов изучаемого местоимения — **azъ* и **ja*. Вариант *ja* занимал значительно большую территорию, чем нейтанизированный вариант этого местоимения, ареал которого был незначителен. Древняя изоглосса формы *ja* захватила часть территории, на которой впоследствии развился болгарский язык.

Вариант **jazъ* в поздний период праславянского языка на большей части территории праюжнославянских говоров был заменен вариантом *ja* и сохранился, по-видимому, лишь в говорах, давших начало словенскому языку.

Широкое распространение формы *azъ* в сербско-хорватских памятниках письменности обусловлено значительным влиянием церковнославянского языка на сербскую письменность.

Говоры праславянского, легшие в основу западнославянских языков, характеризовались наличием вариантов **jazъ* и **ja*. В поздний период праславянского языка оба варианта специфической прикрепленности к какой-либо определенной группе празападнославянских говоров не имели. Утрата варианта **jazъ* произошла, по-видимому, уже в период раздельной жизни славянских языков в разное время: в период, предшествующий древнейшим памятникам польской письменности, форма **jazъ* вышла из употребления в поморско-польской группе говоров, в XIV в. — в чешско-моравской области. До XVIII в. включительно она сохранялась в полабском языке.

Те же варианты им. ед. местоимения 1-го лица были известны и правосточнославянским говорам. Однако в отличие от говоров, послуживших основой образования западнославянской группы языков, в которых названные варианты в поздний праславянский период были известны всей группе празападнославянских говоров, не все правосточнославянские говоры характеризовались наличием обеих форм: вариант **ja* был известен лишь части этих говоров, а в иных развился позже — в период раздельной жизни восточных славян. Наблюдения над употреблением форм *язъ* и *я* в древнерусских памятниках письменности различной территориальной отнесенности, а также в староукраинском и старобелорусском языках дают основание считать, что форма **ja* была известна лишь тем правосточнославянским группам говоров, на основе которых впоследствии сложились севернорусские говоры, украинский и белорусский языки.

Г л а в а в с т о р о я

РОДИТЕЛЬНЫЙ-ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

Изучение род.-вин. ед. личных местоимений в славянских языках предполагает выяснение следующего:

- 1) Качество корневого гласного в форме род.-вин. ед. местоимения 1-го лица.
- 2) Качество корневого гласного в форме род.-вин. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения.
- 3) Взаимодействие полных и кратких образований в системе форм вин.
- 4) Характер окончаний род.-вин. ед. в русском и словацком языках.

Без выяснения первых трех из круга названных вопросов невозможна реконструкция соответствующих форм в праславянском, т. е. определение исходных для каждой группы славянских языков форм. Характер окончаний род.-внц. ед. в праславянском языке вполне ясен, так как в древнейший период колебания в окончаниях по языкам отсутствовали. В период письменной истории в отдельных славянских языках — русском, словацком и нижнелужицком — происходят изменения во флексии изучаемых форм. Эти изменения, по нашему мнению, являются результатом целого ряда преобразований парадигмы склонения личных местоимений, почему требуют рассмотрения в конце работы, после изложения истории форм дат.-мест. ед.

I. ОСНОВА РОДИТЕЛЬНОГО-ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА МЕСТОИМЕНИЯ 1-ГО ЛИЦА

Обнаруживаемые в современных славянских языках различия в качестве корневого гласного род.-вин. ед. местоимения 1-го лица (ср. форму *tene*, *меня* в южнославянских и восточнославянских языках и форму *tle* в западнославянских) могут быть по-разному интерпретированы.

В них можно видеть наследие праславянской эпохи, т. е. считать их результатом диалектной дробности праславянского языка позднейшего периода, можно также связывать их с периодом исторической жизни отдельных славянских языков.

И то и другое предположения имеют свои основания, а потому необходимо тщательное рассмотрение истории изучаемых форм.

1. Южнославянские языки

Южнославянская группа языков характеризуется весьма устойчивым употреблением двусложного варианта род.-вин. ед. местоимения 1-го лица. Форма *мене* (*mene*) фиксируется и в древнейших письменных памятниках южных славян и в современных говорах южнославянских языков:

Ст.-сл.: проси **оу мене** емоуж аште хощеш (Mag., Ms. VI, 22); ъко гъ мои отъемлетъ строене домау **отъ мене** (Zogr., L., XVI, 3); Ні гнѣвомъ твоимъ покажи **мене**. (Sin., 6, 2).

Среднеболг.: **от мене** ни едну кривду не сте имали (B., XXXIII, 108); да **мене** своимъ невѣрствомъ прѣвари. (Тг. рг., стр. 186); и приведоше **мене** въ граѣ Равонь (Сол., стр. 283); че ще плати и ще назва и вай **отъ мъне** (Черг., № 32, стр. 124). Др.-с.-хорв.: ї потроуди старость свою и **мёне** (Сп. св. Саве, стр. 165); и тако **мене** ѿбите ѿбез. (Ст. срп. п. I, № 618, 1362 г., стр. 644); ако пејете **за мене** lubav molit (Drž., стр. 130).

Др.-словен.: inu ta kerbt se ye **тene** dotagnill (Trub. Cat., стр. 57); Vi pag bote **мене** uidili (Сок. П. Труб., стр. 325); Jesus Maria bodi par **тene**, inu par nas (Rupel. Prisp., N 7, 1688 г.).

Односложный вариант род.-вин. ед. местоимения 1-го лица фиксируется лишь в отдельных памятниках южнославянских языков: в Синайской псалтыри и Синайском требнике, в очень немногих сербских грамотах XI—XV вв., в Резьянском катехизисе XVIII в.: Проси **оу мне** и дамъ ти (Син., стр. 2₁₆); Облічи **мне** (Син., 5₁₆); доколь **оу мне** боудоу, дати имъ совѣтъ и помочь (Зак. спом. II, 1189 г., стр. 134); да бѫде твердъдо. ѿ **мне** самога (Ст. срп. п. I, № 11, 1240 г., стр. 8); да не бѫде грех **до мне**. (Ст. срп. п. II, 1420 г., стр. 228).

Современным говорам южнославянских языков односложный вариант изучаемого местоимения неизвестен. Форма *mle* характеризует лишь резьянский говор словенского языка¹, которому данная форма была известна и ранее: она отмечена в Резьянском катехизисе XVIII в.²

¹ I. Baudouin de Courtenay. Materialien zur südslavischen Dialektologie und Ethnographie, I. Resianische Texte. СПб., 1895, стр. 39.

² И. А. Бодуэн де Куртенэ. Резьянский катехизис как приложение к „Опыту фонетики резьянских говоров“, стр. 33.

Образование *mne* (*mpe*), фиксируемое в древних южнославянских памятниках письменности, может быть по-разному интерпретировано. Данная форма, отмечаемая в старославянском, А. Вайаном рассматривается как образование, полученное из западного церковнославянского языка³. Однако вполне возможно видеть в форме *mne* (*mpe*) и применение к дательному, произошедшее на почве отдельных говоров южнославянских языков. В пользу подобного предположения свидетельствует факт употребления образования *mne* в сербско-хорватских памятниках письменности, предполагать влияние западного церковнославянского языка для которых нет оснований. Характерны, как кажется, хронологические рамки употребления этих форм в сербском языке: все отмеченные примеры зафиксированы в памятниках древнесербской письменности XI—XV вв., т. е. в тот период, когда в письменности сербов был широко представлен односложный вариант формы дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица. Позднее — в XV в. — он был заменен двусложным вариантом, и условия для подобного преобразования основы род.-вин. ед. исчезли.

Таким образом, нет сомнения в том, что говоры праславянского, легшие в основу образования южнославянской группы языков, характеризовались наличием двусложного варианта род.-вин. ед. местоимения 1-го лица. Наличие односложного варианта данного падежа в отдельных, территориально разобщенных южнославянских языках может быть объяснено единством процесса унификации основ косвенных падежей в парадигме местоимения 1-го лица, а не праславянской отнесенностью этих форм.

2. Западнославянские языки

Западнославянские языки почти не обнаруживают колебаний в употреблении вариантов форм род.-вин. ед. местоимения 1-го лица. И в древних письменных памятниках западных славян и в современных говорах западнославянских языков последовательно представлен односложный вариант *mne*.

Др.-чешск.: *Neb to ote mne* každy jistě věz (Dal. chr., стр. 127); *a tys inhed mne* poslúchal! (Štit. Kn. šest., стр. 18); *Uslyš mne*, o Pane Bože můj (Zíbrt. Zb., стр. 111); *Nekřikaite na mne* (Vyp. kn. svěd., стр. 309, XII, N 1); *přiwěsény jsú wedle mne* k témuž listu (Záp. Štern., N 19, стр. 157); *a wám wěřim... že mne* neopustíte (Dop. Zw., N 25, стр. 240); др.-славц.: *a těmi pěnězmi k hrobu mne* připravil (Kn. žil., стр. 138, N 94, 1499 г.); *acz mne w tom opustil* (Stred. č. l., стр. 38, N 21, 1480 г.); *ze to raczite pro mne* vczinitj (Krem. l., стр. 332, 1556 г.); *ode mne* (Lev. pris., стр. 213); др.-польск.: *przeczivo mne* Sa-

³ А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 176.

mego (Flor., 31); nye zostay **mnye** (Puł. 275 v.); konya wzyał kedy **odemne** vczekph... prziyal. (Kur. Wolf. Zap., стр. 48, N 604, 1433 г.); którés W. M. do **mnie** około they Tragedycy piśał (Wyb. t. st. p., стр. 73, Kochanowska).

Односложный вариант род.-вин. ед. местоимения 1-го лица характеризует и лужицкие языки в их истории и современном состоянии их говоров.

Двусложный вариант род. ед. *tene* отмечен однажды Б. Линдертом в великопольской присяге 1404 г.: iaco kedi mlinarz moy wyszedl **ot mene** (Roty Wielkopolski, Poznań, 1404, N 697)⁴.

В иных древних памятниках западнославянской письменности, двусложных вариантов род.-вин. ед. местоимения 1-го лица не отмечено. Отсутствует двусложное образование изучаемого падежа и в современных говорах западнославянских языков.

Специфика значений род.-вин. и дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица в западнославянских языках, обнаруживающих общность основ указанных падежей уже в период первых памятников письменности, вполне отчетливо выражена в языках, рефлекс *ě* в которых не равен *e*. Противопоставленность основных групп косвенных падежей достигается противопоставленностью их флексий: род.-вин. ед. имеет в окончании этимологическое *e*, дат.-мест. ед. *i* (польский, верхнелужицкий языки).

В древнечешском специфика значений род.-вин. и дат.-мест. ед. в системе форм местоимений 1-го лица сохранялась благодаря противопоставленности форм этих падежей по мягкости и твердости согласного *n* основы: последний был мягок перед этимологическим *ě* окончания дат.-мест. ед. и тверд перед *e* род.-вин. ед.

В значительной части чешских говоров противопоставленность род.-вин. и дат.-мест. ед. в парадигме местоимения 1-го лица утрачена. Род.-вин. ед. местоимения 1-го лица, сохранивая древнейшую односложность, заимствовал у формы дат.-мест. ед. мягкость ее основы, в результате чего противопоставленные в древности падежи совпали в одном образовании *tňe*⁵.

Известную роль в процессе обобщения падежных форм местоимения 1-го лица сыграл факт совпадения краткой формы вин. ед. *tě* (**te*) с полной формой дат. ед., происшедшего в результате перехода *t' → tñ'*, имевшего место в ряде чешских говоров, в том числе в говорах, легших в основу образования чешского литературного языка. Это совпадение означало устранение противопоставления в системе форм род.-вин. и дат.-мест. ед. — *tne*, *tňe*: *tňe*, *ti*, что облегчало процесс дальнейшего стирания характерных признаков остальных форм.

⁴ B. Lindert. Forma genetivu i dativu sing. zaimka osobowego *mnie* obok *mienie* w języku staropolskim. — RS, t. XVIII, cz. 1, 1956, стр. 15.

⁵ Fr. Trávníček. Historická mluvnice československá. Praha, 1935, стр. 288.

Обобщенная форма *тѣ* фиксируется в большей части ганацких говоров⁶, в восточнолашских⁷ говорах, отмечена в отдельных пунктах юго-западночешских говоров⁸, в ряде населенных пунктов рудницкого округа⁹, в литомышльских¹⁰, кладских¹¹, дольских¹² говорах, в поленском и полничском поднаречиях в чешско-моравской области¹³.

Процесс ассимиляции дат.-мест., род.-вин. ед., т. е. отвердения основы дат., в чешских говорах наблюдается значительно реже. Обобщенная форма *тѣ* отмечена в городе Приборе на территории лашских говоров¹⁴.

Сохранение специфики значения форм род.-вин. и дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица отмечается лишь в отдельных чешских говорах, рефлекс *ё* в которых не равен *е*. Различные формы этих падежей — *тѣ* для род.-вин. ед. и *тпї* для дат.-мест. ед. — отмечены Фр. Бартошем в населенных пунктах Загоре и Тыне¹⁵.

Словаций язык преобразовал окончание род.-вин. ед., чем избежал совпадения форм род.-вин. и дат.-мест. ед. в параллгиме местоимения 1-го лица.

Исключение из западнославянских языков в отношении оформления основы род.-вин. ед. местоимения 1-го лица представляет лишь полабский язык. В сохранившихся памятниках полабской письменности фиксируется только двусложный вариант изучаемого местоимения: *leiss minne* (Гильф., стр. 21); *tutze minne* (Гильф., стр. 39); *wan dowe minne* (Гильф., стр. 32).

В полабском языке унификация форм род.-вин. и дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица состояла в том, что древние образования род.-вин. и дат.-мест. ед., потеряв специфическое значение каждого из них, начали функционировать безразлично и в значении род.-вин. и дат.-мест. ед.: *miné*, *tané*, *máñž*. В первой из этих форм Т. Лер-Славинский видит преобразование древнейшего род. **tene*, во второй — **tъne*, делая заключение, что „в праславянском действительно родительный имел форму **tene*, а дательный — **tъně*, поскольку в употреблении

⁶ F. Bartoš. Dialektologie moravská, d. II. Brno, 1895, стр. 50, 79, 192; Fr. Sverák. Boskovické nářečí. Brno, 1941, стр. 56; Fr. Kopečný. Nářečí Určic a okolí. Praha, 1957, стр. 91.

⁷ Ad. Kellner. Východolášská nářečí, d. I. Brno, 1946, стр. 162.

⁸ I. Voráč. Česká nářečí jihozápadní. Praha, 1955, стр. 93.

⁹ I. Haller. Popis a rozbor libové mluvy v pěti podřipských obcích, d. I. Praha, 1932, стр. 138.

¹⁰ Q. Hodura. Nářečí litomyšlské. Litomyšl, 1904, стр. 32.

¹¹ J. Kubín. Lidomluva čechů kladských. Praha, 1913, стр. 99.

¹² J. Bělič. Dolská nářečí na Moravě. Praha, 1954, стр. 152.

¹³ I. Hošek. Nářečí českomoravské, d. I. Praha, 1900, стр. 61; d. II. Praha, 1903, стр. 75.

¹⁴ F. Bartoš. Dialektologie moravská, d. I. Brno, 1886, стр. 118.

¹⁵ Там же d. II, стр. 24.

этих форм можно видеть лишь „контаминацию“ древних образований того и другого падежа“¹⁶.

А. Шлейхер причину контаминации форм в полабском видит во влиянии немецкого языка¹⁷. Считает вероятным предлагаемое Т. Лер-Славинским объяснение и Б. Линдерт, приводящая факты полабского в подтверждение доказываемого ею тезиса о взаимовлиянии форм род.-вин. и дат.-мест. ед.¹⁸.

Наличие двусложного варианта род.-вин. ед. местоимения 1-го лица в полабском языке заставляет предполагать, что отдельные праславянские говоры, легшие в основу образования западнославянской группы языков, характеризовались наличием двусложного образования изучаемого падежа. Ареал его был, как кажется, узок. Возводить зафиксированную в польской присяге форму род. *tene* к праславянской эпохе, как предлагает Б. Линдерт¹⁹, нет оснований: если бы вся группа праславянских говоров, легших в основу образования западнославянских языков, характеризовалась наличием двух параллельных вариантов род.-вин. ед., мы вправе были бы ожидать в древних письменных памятниках западных славян и в их современных говорах большего количества случаев употребления варианта *tene*.

3. Восточнославянские языки

На древнейшем этапе развития восточнославянские языки не обнаруживали колебаний в употреблении род.-вин. ед. местоимения 1-го лица. Единственным образованием род. ед. в период общерусского единства и в период старорусской, староукраинской и старобелорусской письменности был двусложный вариант **мене** (*я*): др.-русск.: камо хощеши ѿ **мене** ити (Лавр., стр. 67); Сожди **мене**, язъ ти есмь сдѣ любецъ пожегль (Ипат., стр. 16); и ты ухо положи на судъ а **на мене** се шли (Б. гр., № 25, стр. 199); Имѣти ти **мене** собѣ братомъ старѣшимъ (С. Г. Гр., № 28, 1368 г., стр. 46); ст.-русск.: И ты бы **мене** дѣля люди ко мнѣ прислалъ (Аф. Ник., стр. 11); а инова живота **у мене** нѣть ничево (Бл. б. Од., стр. 83); ... даль есми на себе запись ... о том что **мене** жаловалъ (Ряз. гр., № 12, 1512 г., стр. 13); ино имъ **на меня** ропту нѣть (А. И., № 104, 1496—1504 гг., стр. 147); ст.-укр.: или ти мниши **мене** яко хлопца малоумного прещеніемъ устрашити? (Граб., стр. 143); взаѣмъ **ou мене** клепачъ (Укр. гр. I, № 18, 1386—1418 гг., стр. 35); чемоу есте **мене** гладали (Пер. р., стр. 30); ст.-блр.: а сами **у мене**

¹⁶ T. Lehr-Sławinski. Gramatyka połabska. Lwów, 1929, стр. 185.

¹⁷ A. Schleicher. Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache, стр. 260.

¹⁸ B. Lindert. Указ. соч., стр. 16.

¹⁹ Там же, стр. 15.

... ходят (Отр. кр. лит. л., стр. 4); **мене** пожаловал, принял **мене** у службу (АЗР, № 41, 1442 г.); так тые люди... **на мене** мовят (А. лит.-р. г., № 47, 1497 г.).

Современным говорам восточнославянских языков известен и односложный вариант род.-вин. ед. местоимения 1-го лица.

Образование **мня** (*e*) русского и украинского языков, несмотря на полную тождественность формы, требует различного объяснения.

Образование **мня**, отмеченное в ряде современных русских говоров — Рязанской²⁰, Московской²¹, Олонецкой²² областей, на территории „Атласа русских говоров к востоку от Москвы“ и „Атласа русских говоров северо-западных областей“, не имеет определенного ареала. Оно фиксируется параллельно с двусложным вариантом **меня** (в говорах, характеризующихся формами род.-вин. с *e* в окончании, отмечены отдельные случаи употребления формы **мне**).

В данном образовании русисты видят обыкновенно результат влияния дательного²³. Безусловно, однако, что в образовании этой формы определенную роль могли сыграть и фонетические факторы²⁴.

В отличие от аналогичного образования русского языка, не имеющего определенной территориальной отнесенности, образование **мня** и его сокращенная разновидность **ня**²⁵ в украинских говорах строго локализовано в области западноукраинского наречия, характеризующегося сохранением древних кратких образований вин. ед. **мя**, **тя**, **ся**.

Форму **мня** (*ня*) отмечает в ряде работ И. Панькевич²⁶, И. Свенцицкий²⁷, И. Верхратский²⁸, О. Брок²⁹.

²⁰ А. А. Шахматов. Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии. — ИОРЯС, т. XVIII, кн. 4, СПб., 1914, стр. 216.

²¹ Н. Н. Дурново. Описание говора деревни Парфёнов Рузского уезда Московской губернии. Варшава, 1903, стр. 148.

²² П. С. Кузнецов. Очерк морфологической системы пильмасозерского говора. „Материалы и исследования по русской диалектологии“, т. II. М.—Л., 1949, стр. 94.

²³ Там же.

²⁴ Подробнее об этом см. в работе: М. А. Гадолина. К истории некоторых форм личных и возвратного местоимений в русском языке XIII—XIV вв. — „Труды Института языкоznания АН СССР“, т. V (в дальнейшем: „К истории форм...“).

²⁵ Так рассматривает данное образование и большинство украинистов (см., например, И. Верхратский. Говір батюків. Львів, 1912, стр. 49).

²⁶ И. Панькевич. Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей, ч. I. Прага, 1938, стр. 264; его же. Говір села Валашковець бувшої Земплинської жупи на Закарпатті. Київ, 1938, стр. 19.

²⁷ І. Свенцицький. Бойківський говір с. Бітля. „ЗНТ ім. Шевченка“, т. CXVII. Львів, 1913, стр. 124.

²⁸ И. Верхратский. Про говор галицких лемків. „Збірник Фільольгіч. секції Н. Т. ім. Шевченка“, т. V, Львів, 1902, стр. 196.

²⁹ О. Брохъ. Угрорусское наречие с. Убли. СПб., 1899, стр. 97.

Вариант *мня* мог возникнуть в украинских говорах в результате контаминации полного и краткого образований вин. ед. — *мене* и *мя*. Факт употребления формы *мня* в говорах параллельно с полной и краткой формами вин. ед. (вне этих условий форма *мня* не отмечена) свидетельствует в пользу предложенного объяснения.

Таким образом, возводить односложный вариант род.-вин. ед. местоимения 1-го лица, фиксируемый в отдельных русских и украинском говорах, в праславянскую эпоху нет оснований. Безусловно, что форма *мня* (*мне*) возникла на основе отдельных восточнославянских языков в поздний период и правосточнославянским говорам была неизвестна. Единственным вариантом род.-вин. ед. местоимения 1-го лица в общерусском пражазыке было двусложное образование *мене* — **tene*.

II. ОСНОВЫ РОДИТЕЛЬНОГО-ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА МЕСТОИМЕНИЯ 2-ГО ЛИЦА И ВОЗВРАТНОГО МЕСТОИМЕНИЯ

Род.-вин. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения в большей части славянских языков в течение веков сохраняет фиксируемые древнейшими памятниками славянской письменности основы *teb-*, *seb-*.

Колебания, вызываемые тенденцией к унификации основ косвенных падежей, обнаруживаемые в ряде языков, являются спорадическими и не могут препятствовать реконструкции изучаемых форм в праславянском.

Заслуживают внимания колебания изучаемых основ в русском языке, поскольку широта распространения форм род.-вин. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения с корневым *o* в древнерусских памятниках письменности и современных говорах может дать основание для возведения этих форм в праславянскую эпоху.

1. Южнославянские языки

Южнославянские языки не обнаруживают колебаний в основах род.-вин. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения. Древним письменным памятникам южных славян и их современным говорам иные образования основ неизвестны.

Ст.-сл.: рече единому ихъ. дроуже не обиждъ *тебе* (Mar., Матф., XX, 13); просащюмо δ *тебε* даι. (Sav., Матф., V, 35); ѹ прѣкръстивъ *себε* затворивъ заключи двъри. (Supr., стр. 515); среднеболг. и новоболг.: пишемо *тебε* (B, CCXXIX, 282); не оставлѣмъ *тебε* въ кривинѣ (Tr. рг., стр. 166); азъ мой жи-
вотъ δ *тебε* ѿставы^x (Копр., стр. 8); и тѣбе любым сїч'ки и
натебѣси сїч'ки надѣмъ (Любл., стр. 479); др.-с.-хорв.: оу-

далъющи се **тебе** погибоуть (Сп. св. Саве, стр. 39); нечлов'ствїа **ѡ себе** косноути (Ст. срп. зап., № 328, 1466 г., стр. 98); аще не видим знаменіе кое любо чудно **ѡ тебѣ** (Ст. срп. лет., стр. 151); да **себе** ponicit chnam (Zad. i Rań. lekc., стр. 92); имеjте imiti **poli себе** vazda (St. o. Krka, стр. 283); Molim dake **тебе**, da dušu моju primu sveti angeli twoji (Život sv. Kat., стр. 224); др.-словен.: koker bi en sam **super себе** gouoril (Slov. Schwurf., стр. 476); Spošna sam **себе** (Trub. Cat., Предисловие); de ta syn tudi **тебе** zhestniga sturi (Сок. П. Труб., стр. 328); Isuolegne ene Abtisize samù **на себе** ne ualia nister (Rupel. Prisp., стр. 182).

2. Западнославянские языки

Отсутствуют колебания в основах род.-вин. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения и в западнославянской группе языков.

Варианты с *e* в основе *tebe*, *sebe* фиксируются в древних письменных памятниках западных славян и в их современных говорах: др.-чешск.: **do tebe** mi sě viery nadieti; tobě poručeu své děti (Dal. chr., стр. 136); **Tebe**, Bože, sluši oslavovati (Žíbrt. Zb., стр. 112); Potom i tobeku **od себе** dal, aby hledali (Vyp. kn. svěd., XII, № 3, стр. 310); což by jich **podlé себе** měl (Záp. Štern., № 4, стр. 141); i **od себе** rowné učinil (Dop. Baw., № 3, стр. 322); др.-слвц.: a tu jest Wayczarze svobodil **од себе** (Kn. žil., № 106, 1507 г., стр. 145); aby gieho twa milost **од/sebie** nyeodbywal (Stred. č. l., № 21, 1480 г., стр. 37); a on ze je **u себе** maa (Slov. l., № 53, 1531 г., стр. 147); др.-польск.: **czebe** cirzpal iesm (Flor., стр. 24); **czyebye** wspominal (Puł. 9 r.); iżem Pana Boga miłego nie miłował ze wszytkiego serca mego..., jako sam **siebie** (K. Gn., стр. 148); Rad to **od ćiebie** bárdzo słyszę (Wyb. t. st. p., стр. 58, Orzechowska); др.-луж.: Ja **тебе** chcjuw tem meni Boha teho wotca... (Oberwend. Kat., стр. 96—53₁₄); Ga scu **тебе** rošpokafacz, a tebi ton pacz sgannicz..., maſch ga scu **тебе** s'mogimi moczoma modzicz (Mart. ps., стр. 7); A proſchu **тебе**, Tibi czil meh thun czeu teſch (Rukop. ág., стр. 46).

Встретившаяся в словацкой грамоте форма род. ед. *tobie* — ya je **od tobie** chcny kipyti (Slov. l., № 29, 1526 г., стр. 123) может быть объяснена лишь как описка писца, употребляющего чуждые его языку формы, поскольку официальным языком словаков до XVIII в. был, как известно, чешский язык.

Несмотря на устойчивое употребление форм род.-вин. ед. с основами *teb-*, *seb-* в древних памятниках лужицкой письменности и в современных верхне- и нижнелужицких говорах, у специалистов по лужицким языкам существует сомнение в том, яв-

ляются ли образования род.-вин. ед. *tebe*, *sebe* исконными для лужицкой группы языков³⁰.

Вполне устойчивое употребление этих форм в современных лужицких говорах свидетельствует, как кажется, в пользу исконности этих образований и для сербско-лужицкой языковой группы: в. - л у ж.: *Haј ja sej wot tebie wopor žadam* (Sil. 52/004, A. стр. 59); *čert je tebie mudre sčinił* (Sil. 54/015, Bart., стр. 34); н. - л у ж.: *Ja musym si spušćiš, wót tebje šejdouaś* (Deln. př., № 33, стр. 18); *Ču ja tebje z kijom biš* (Deln. př., № 33, стр. 17).

3. Восточнославянские языки

В отличие от южнославянской и западнославянской языковых групп в восточнославянской группе языков обнаруживаются значительные колебания в оформлении основ род.-вин. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения.

В старорусском языке XIV—XVI вв. изменение в этих основах имело столь широкое распространение, что акад. А. А. Шахматов счел возможным возвести формы род.-вин. ед. с основами *тоб-*, *соб-* к общерусской эпохе³¹.

В древнерусском языке XII—XIV вв. основными образованиями род.-вин. ед. являются формы с основами *теб-*, *себ-*: яко **отъ тебе** мнози черньци быти имуть (Лавр., стр. 67); аще бо сгрѣшихомъ, но **тебе** не отступихомъ (Новг., стр. 91); и нѣмцине **с себе** поводъ сложи(л) (Б. гр., № 25, стр. 199); а пойдутъ на насъ татарове или **на тебе** (С. Г. Гр., 1368 г., стр. 46); кърми его **у себе** (Гр. Н. Пск., № 8, стр. 18); доселѣ были **у тебе** въ нузи (А. И., 1399—1402, стр. 22).

С конца XIV—начала XV в. в русской письменности начинают употребляться варианты с *о* в основе — *тобе(я)*, *собе(я)*, значительно ограничившие употребление исконных, как мы полагаем, для русского языка форм род.-вин. ед. с корневым *е*.

В конце XIV, XV и в XVI вв. формы род.-вин. ед. с *о* в основе становятся преобладающими образованиями падежа в московских грамотах, составляют значительную часть употребления форм в тверских, угличских, новгородских, псковских деловых документах, в коломенской „Толковой палее“: отослати **отъ собе** по боярину (С. Г. Гр., № 27, 1362 г., стр. 45); **собе** же чиста съблюдати (АИ, № 254, 1393 г., стр. 483); дали **на себя** сю грамоту (Гр. Н. Пск., № 24, 1456 г., стр. 44); и князи и бояре тогда възdevаютъ **на себя** портки (Аф. Ник., стр. 23); а меновую писаль язъ Василей, на своѣго отца и **на себя** (Арх.

³⁰ K. Meyer. Der oberwendische (obersorbische) Katechismus des Warichius (1597). Leipzig, 1923, стр. 28.

³¹ А. А. Шахматов. История русского языка (литографированный курс лекций), т. III. СПб., 1910—1911, стр. 225.

Стр., 1527 г., стр. 196); а данную писаль язъ Иванъ самъ на себя (Тв. а., № XXIV, 1570 г., стр. 76); и тое есмѧ запись межъ себя нынеча новою сею записью подержели (Угл. а., 1563 г., стр. 124).

Определенной территориальной отнесенности формы *тобе(я), себе(я)* не имели, они были широко распространены в разговорном языке на всей территории, занимаемой русским языком.

Однако эти формы, столь широко употребительные в русском языке конца XIV и в XV—XVI вв., в XVII в. выходят из употребления. Наметившаяся в русском языке XIV—XVI вв. тенденция к унификации основ косвенных падежей местоимений 2-го лица и возвратного местоимения по типу основ дат.-мест. ед., о в корне которых было исконным, не реализуется окончательно. Трансформация форм дат.-мест. ед., происшедшая в русском языке в XV—XVI вв., препятствовала реализации этой тенденции, так как о в основе дат.-мест. ед., служившего активной моделью в процессе унификации основ, было заменено гласным е.

Реализовалась эта тенденция лишь в тех русских говорах, которые сохранили о в форме дат.-мест. ед., т. е. в рязанской группе говоров.

Ареал форм род.-вин. ед. с корневым о в современных говорах значительно уже соответствующего ареала форм дат.-мест. ед. Это свидетельствует о вторичности форм род.-вин. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения с корневым о, об обусловленности гласного в корне этих местоимений наличием того же гласного в формах дат.-мест. ед.

Весьма определенно свидетельствуют о специфически русском (не общерусском) характере форм род.-вин. ед. с основами *тоб-*, *соб-* факты близкородственных языков — украинского и белорусского. Несмотря на сохранение о в основах дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного, род.-вин. ед. у этих местоимений имеет и в украинском и в белорусском языках вполне устойчивое е в основе.

В том случае, если бы изучаемое явление восходило к общерусской эпохе, как предполагает акад. А. А. Шахматов, мы вправе были бы ожидать в староукраинском и старобелорусском языках, а также в современных говорах этих языков хотя бы спорадического употребления форм род.-вин. ед. изучаемых местоимений с о в основе.

И в староукраинском языке, и в современных украинских говорах вполне последовательно употребляются формы род.-вин. ед. *тебе, себе*: юбавилъ тебѣ слово свое ѿ себе. (Гал. Н. нов., стр. НД); до тебе Патронки моей, застуپници... приступю працы (А. Радив. Огор., стр. 10); вырву дшоу твою ис тебе (Бод. ев., стр. 7); вѣра твоя тебе избавляеть (Пер. р., стр. 40); отдающе себе въ соединеніе западному костелу (Граб., стр. 24); пану Анычеви зубреви себе място (Укр. гр., I, № 37, 1404 г.,

стр. 68); чомъ **дѣлъ тебе** господи, нѣ морствуеме (Мат. Угр. Р., VII, стр. 47).

А. А. Кривицкий отмечает вполне устойчивое, лишенное колебаний употребление форм род.-вин. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения с корневым *e* в западнорусской письменности³². Отмеченные им формы род.-вин. ед. с *o* в корне в Евренайском списке летописи (ПСРЛ, т. XVII, СПб., 1907) проникли, по его мнению, „из русской письменности той эпохи“³³.

Таким образом, наблюдения над употреблением форм род.-вин. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения в древних памятниках славянской письменности дают основания для реконструкции общих форм для всех праславянских говоров. Эти формы безусловно имели *e* в основе **tebe*, **sebe*. Варианты форм род.-вин. ед. с *o* в основе, широко распространенные в старорусской письменности XIV—XVI вв., развились в эпоху раздельной жизни восточных славян, а не в общерусский, как предполагают, период.

III. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОЛНЫХ И КРАТКИХ ОБРАЗОВАНИЙ В СИСТЕМЕ ФОРМ ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

Изучение истории форм вин. ед. в славянских языках предполагает решение вопроса об исконности полных и кратких его образований в праславянском языке. Выяснение этого оказывается невозможным без исследования истории взаимодействия полных и кратких форм вин. ед. в отдельных славянских языках, выяснения специфики употребления тех и иных образований в древности и определения основных тенденций их развития.

Необходимо решить, употреблялись ли вин. ед. в поздний период праславянского языка полные образования **tene*, **tebe*, **sebe* или единственными исконными формами вин. ед. были краткие образования **te*, **te*, **se*. Спор относительно этого продолжается в течение десятилетий, однако решенным окончательно считаться не может.

Мнение относительно исконности полных образований в вин. было высказано А. Мейе³⁴ (впоследствии принявшим иную точку зрения); в специальном исследовании его отстаивал К. Миленбах³⁵; разделял это мнение и В. Вондрак³⁶.

³² А. А. Кривіцкі. Указ. соч., стр. 29.

³³ Там же, стр. 30.

³⁴ A. Meillet. Recherches sur l'emploi du genitif-accusatif en vieux-slave. Paris, 1897, стр. 82, 172 и др.

³⁵ К. Миленбах. Об употреблении родительного падежа вместо винительного в славянских языках. — ИОРЯС, т. IV, кн. 4, стр. 1196.

³⁶ W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, Bd. II. Göttingen, 1928, стр. 72.

Значительно большая часть ученых убеждена в том, что проникновение полных форм в вин. ед. произошло в позднейший период и исконными для вин. являются краткие образования *te*, *te*, *se*, бывшие в древности полнозвучными образованиями падежа. Одним из основных аргументов для подобных утверждений ряда ученых явились, помимо наблюдаемой в древних славянских текстах полнозвучности кратких форм вин. ед., фактыпольского и кашубского языков, имеющих в системе форм вин. ед. краткие образования с неназализированным гласным — *te*, *te*, *se*, легко сопоставимые с безударными формами греческого исанскритского языков.

К мнению об исконной полнозвучности назализированных форм вин. ед. в отличие от „самостоятельно энклитических“ образований вин. без ренезма пришел И. Зубатый³⁷, возразивший против отнесения В. Бондраком форм *te*, *te*, *se* в разряд энклитик. Эти же факты дали основание и А. Мейе отказаться от ранее принимавшегося им положения и утверждать, что исконными для вин. ед. в общеславянском являлись лишь формы *te*, *te*, *se* как формы „тонированные“, противопоставленные неназализированным, нетонированным формам *te*, *te*, *se*³⁸.

Вполне определенно говорит о первичности кратких форм вин. ед. Ван Вейк³⁹, этого же мнения придерживаются А. М. Селищев⁴⁰, Н. С. Трубецкой⁴¹, в настоящее время — Л. А. Булаховский⁴² и др. Как „древние тонированные формы“ характеризует краткие образования вин. ед. в старославянском в недавно вышедшей сравнительной грамматике А. Вайан⁴³. Настойчиво отстаивается мысль об исконности только кратких образований в вин. ед. и, следовательно, об их полнозвучности в появившихся в недавнее время исследованиях Л. Я. Маловицкого⁴⁴ и Ф. С. Самойленко⁴⁵, специально посвященных личным местоимениям.

В настоящее время отнесение кратких форм вин. ед. в разряд энклитик на древнейших этапах развития славянских языков,

³⁷ U. Zubaty [ред.]. Vergleichende slavische Grammatik von Dr Vondrák, Bd. II. — RS, t. II. Kraków, 1909, стр. 6.

³⁸ А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 364.

³⁹ Н. Ван Вейк. История старославянского языка. М., 1957, стр. 280.

⁴⁰ А. М. Селищев. Старославянский язык, т. II. М., 1952, стр. 113.

⁴¹ N. S. Trubetzkoy. Altkirchenslavische Grammatik. Wien, 1954, стр. 151.

⁴² Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. М., 1956, стр. 116.

⁴³ A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. II. 2-ème partie, Paris, 1958, стр. 442.

⁴⁴ Л. Я. Маловицкий. Родительный-винительный и винительный падежи личных местоимений в памятниках русской письменности XI—XVI вв. Л., 1958 (канд. дисс.).

⁴⁵ С. Ф. Самойленко. Из истории восточнославянских местоимений.

которое имеет еще место в лингвистической литературе⁴⁶, свидетельствует о невнимании исследователя к данной проблеме. Основанием для подобных утверждений является факт энклитичности кратких форм вин. ед. в современных славянских языках, что механически переносится на древнейшие эпохи.

Наблюдения над употреблением полных и кратких образований вин. ед. в истории славянских языков свидетельствуют о том, что энклитичность кратких образований в современных языках является результатом их позднейшего развития.

1. Южнославянские языки

Отношение кратких форм вин. ед. в старославянском языке в разряд энклитик не раз служило объектом критики⁴⁷, и мысль о тонированности кратких форм вин. ед. в период деятельности Кирилла и Мефодия в настоящее время можно считать доказанной.

Современные южнославянские языки, сохранившие в системе форм личных местоимений краткие образования вин. ед. как вполне продуктивные формы винительного, изменили в течение веков характер этих образований, превратив некогда тонированные формы в атонические, не способные к употреблению в условиях сопоставления объекта, а в ряде языков — и к предложному употреблению. Степень потери тонированности краткими образованиями вин. ед. в различных южнославянских языках различна: если сербско-хорватский и словенский языки сохраняют в большинстве своих говоров способность кратких образований вин. к предложному употреблению, то болгарский язык весьма рано утратил ее и краткие образования изучаемого падежа превратились в болгарском в последовательно энклитические образования.

Утрату способности кратких образований вин. к предложному употреблению следует, по-видимому, считать конечным этапом в процессе потери этими формами их древней тонированности и полного превращения в атонические образования.

Следует отметить, что в болгарском языке, где значительно ранее, нежели в иных южнославянских языках, краткие образования утратили способность функционировать в составе предложных сочетаний, эти формы долгое время сохраняют способность

⁴⁶ Ср., например, St. Słoński. Gramatyka języka starosłowiańskiego. Warszawa, 1950, стр. 83; И. Леков и К. Мирчев. Старобългарски език, София, 1949, стр. 75.

⁴⁷ Ср. рец. И. Зубатого на сравнительную грамматику славянских языков Вондрака (J. Zubaty [ред.]. Vergleichende slavische Grammatik von Dr. Vondrák, стр. 6, рец. Н. Ван Вейка на книгу С. Кульбакина „Палеографска и језичка испитивања о Мирослављевом јеванђељу“. Београд, 1925 (ZfslPh, Bd. III, стр. 263).

к препозиционному употреблению, едва ли утраченную в полной мере и в настоящее время⁴⁸.

В среднеболгарских памятниках письменности и в новоболгарских дамаскинах XVII—XVIII вв. в составе предложных сочетаний употребляются только полные формы вин. ед.: чините **за мене** (В., ССХ, 296); **На тебе** зафърлиме надезен (Черг., № 36, стр. 133); **да се хощетъ са за тебе** великаа кръвъ пролити (Тр. рг., стр. 172); **на тебѣ** се надѣла (Копр., стр. 8).

Случаи препозиционного употребления кратких образований вин. ед. весьма многочисленны и в эпоху среднеболгарских, и в эпоху новоболгарских памятников письменности: Боже, **та** фалиме, твоіе юме сеги големи(ж) (Черг., № 18, стр. 98); ...егы ли **ТА** юстава, ... тогбѣ снази рѣка да потече влгатъ (Тр. рг., стр. 172); **да те** юведем оу нѣгова црк^ва (Копр., стр. 20).

Современными болгарскими говорами, которым известно несколько разновидностей кратких образований вин. ед. — **ме** — *me*, **ма** — *ma*, **мъ** — *mъ*, обусловленных различным рефлексом древнего *e* и переходом безударного *e* > *a*, эта способность в известной степени сохраняется и в настоящее время.

В сербско-хорватском и словенском языках процесс утраты древней тонированности краткими образованиями вин. ед. далек от завершения. Краткие формы вин. ед. этих языков характеризуются в современных грамматиках как „слабоударяемые“, „атонические образования“, способные, однако, к предложному употреблению⁴⁹. И в древнесловенских, и древнесербско-хорватских памятниках письменности примеры предложного употребления кратких форм вин. ед. весьма многочисленны: др.-словен.: Kateri **vme** ѹегиie (Сок. П. Труб., стр. 324); Kir bode **vme** terduu veryell (Сок. П. Труб., стр. 270); др.-с.-хорв.: Молите се **за ме** ю г(оспо)дѣ (Сп. св. Саве, стр. 34); пѣчаль и грѣхъ въ ты дѣны наїдѣ **на мѣ** грѣшнаго (Ст. срп. зап., № 831, 1592 г., стр. 245); i molite boga **za me** vjelikago grišnika (Ljet. hrv., стр. 37); могу от своих прман^х чинити ѓти, **за се** и за свою обител. (З. Вин., стр. 18); Njeki divji čovjek dode **na me** (Drž., стр. 161).

Древние памятники словенского и сербско-хорватского языков дают примеры тонированного употребления кратких форм вин. ед., функционирующих препозиционно и в условиях сопоставления объектов: др.-словен.: **tebe** porosm **me** telo... **me** delo (Фрейз. отр., стр. 168); др.-с.-хорв.: благословите **me**

⁴⁸ Ср. отмечаемую Л. Андрейчиным способность кратких форм к тонированному употреблению после отрицательной частицы *не*: *не me търсят* („Грамматика болгарского языка“. М., 1949, стр. 278) и случаи препозиционного употребления кратких форм вин. ед. в современных болгарских говорах.

⁴⁹ См. А. Вајес, F. Pacheiner, V. Pacheiner. Slovenska jezikovna vadnica. Ljubljana, 1955, стр. 90—91.

грѣшнаго..., а васть богъ... да прости (Ст. срп. зап., № 393, 1504 г., стр. 123) и ѿговори влькосавь нѣсмъ те покраль ни ме си за то зваль на правьду (Ст. срп. п. II, № 1038, 1411 г., стр. 426); И иже се ѿбрѣте тоу, да ме помѣноуєтъ, а того б(о)гъ да помѣне (Ст. срп. зап., № 20, 1263 г., стр. 9); *ter velim da me* пемоге за пје *iskati* (Hrv. parba, стр. 318); Ево ме, госпару паже (Дубр. др., стр. 16); Што? не вјериш да те љубим? (Дубр. др., стр. 167).

Широко употребляются краткие формы вин. ед. и в современных говорах сербско-хорватского и словенского языков. В сербско-хорватских говорах они являются основными образованиями вин. ед., уступающими место полным, „когда местоимение несет на себе ударение, занимает первое место в предложении, когда употребляется с предлогом и когда является составной частью сдвоенных местоимений“⁵⁰.

Отдельным сербско-хорватским говорам известно функционирование кратких форм в род. ед. Подобное употребление, отмеченное для сербского языка Д. Даничичем⁵¹ и С. Новаковичем⁵², фиксируется на п-ве Истрия⁵³, в кайкавском говоре Подунайской дедины в Чехословакии⁵⁴, в отдельных хорватских говорах⁵⁵.

Употребление кратких форм в род. ед. в южнославянских языках не получило широкого распространения.

2. Западнославянские языки

Краткие формы вин. ед. личных местоимений сохраняются и современными западнославянскими языками.

В соответствии с различным рефлексом древнего *A* (**e*) краткие формы вин. ед. в западнославянских языках имеют различное оформление: *mē*, *tē*, *sē* — в чешском⁵⁶, *ta*, *t'a*, *sa* — в словацком, *tię*, *cię*, *się* — в польском и *tie*, *cie(so)* — в верхнелужицком.

Соотношение кратких форм вин. ед. с полными в истории западнославянских языков не представляет существенных отличий от судьбы этих форм в южнославянской языковой группе: подобно последней, западнославянские языки развили в течение

⁵⁰ А. Белић. Дијалекти источне в јужне Србије. Београд, 1905, стр. 399.

⁵¹ Д. Даничић. Облици српскога језика. Београд, 1874, стр. 26.

⁵² С. Новакович. Грамматика сербского языка. СПб., 1890, стр. 57.

⁵³ J. Ribarić. Razmještaj južnoslovenskih dialekata na poluoštoku Istri. — СДЗБ, IX, стр. 107.

⁵⁴ A. Václavík. Podunajská dedina v československu. Bratislava, 1925, стр. 138.

⁵⁵ „Hrvatske narodne pjesme“, kn. 6. Zagreb, 1914.

⁵⁶ Изменение *te*→*t'a*, *te*→*t'a*, а также дальнейшая перегласовка '*a*→*e*', характеризующая звуковой состав чешского языка, произошли в период, предшествующий древнейшим памятникам чешской письменности, которые фиксируют эти формы уже в измененном виде — *mē*, *tē*, *sē*.

веков энклитичность кратких образований вин., бывших в древнейший период развития западнославянских языков тонированными образованиями падежа. Древние письменные памятники западных славян, восходящие к значительно более поздним, чем южнославянские памятники, эпохам, не могут отразить древнейшего, близкого к праславянскому состояния форм вин. ед. Однако в отдельных древнечешских памятниках мы находим примеры употребления кратких форм вин. ед. под логическим ударением: **tě** ja chci v sve knihy zapsati (Tkadl. Z, 72, Juda); **tye** budu chvaliti bratřie tviji (Ol. Gen. 49,8); jsi-li syn boži, uzdrav **sye** i naijí (ML, 105); člověk vrobil **sye** i vsé své plémé (Štit. r. 211 b)⁵⁷.

Примеры беспредложного тонированного употребления кратких форм вин. ед. в иных древних западнославянских памятниках не отмечены.

О древней полнозвучности, тонированности кратких форм вин. свидетельствует факт употребления их в составе предложных сочетаний, широко отраженный в памятниках западнославянской письменности и сохраняемый в настоящее время отдельными говорами западнославянских языков:

др.-чешск.: Chciu tomu uvěřití že **na mě** u boj ma žena vyjela (Dal. chr., стр. 118); nebudú' se **na mě** hněvati z této řeči (Štit. Kn. šest., стр. 133); Podbímy **pod sě** ty bradaté kozly (Dal. chr., стр. 103); když jest tak **na mě** buoh dopustil (Dop. Zw., N 4, стр. 229); zpomeň **na mě** také a pomož mi (Sezn. svědk., стр. 166). др.-слвц.: ač by pán buoh všemohúci **na mě** smrt dopustil (Kn. Žil., N 88, 1481 г., стр. 133); každý sám jmá plat'it' **za sě** (Kn. žil., N 67, 1464 г., стр. 119); др.-польск.: **na mnie** (Flor., 7) **na myę** (Puł. 11 г.); ktorež **na mnie** Pan Bog lepi zna (K. Gn., стр. 148); przeyka **na mya** żałowala (Kur. Wolf. Zap., N 141, стр. 11); zá co opátrenia y znáku trwále **na się** y ná potomki [we bráli (Wyb. t. st.-p., стр. 113); á ku pocieženiu wáš semu będąc *przez mnie* nieomylnie przywiedzioná (Wyb. t. st.-p., стр. 12).

Позднее способность кратких форм вин. ед. к предложному функционированию начинает утрачиваться западнославянскими языками. В настоящее время различные западнославянские языки отражают различные стадии общего для всех них процесса.

Утрачена способность кратких форм вин. ед. к предложному употреблению в современных чешских говорах. Указание на способность только полных форм к употреблению в составе предложных сочетаний мы находим в работах, посвященных га-

⁵⁷ Примеры приведены М. Вейнгардтом в рецензии на „Сравнительную грамматику славянских языков“ В. Вондрака (ČMF, roč. II, zeš. 5, стр. 395).

нацкому⁵⁸, штрамберскому⁵⁹, босковицкому⁶⁰ наречиям, в исследовании о среднеопавских⁶¹ и дольских⁶² говорах. (Обобщенная форма *tě*, вытеснившая полные образования падежа в большинстве названных говоров, является тонированным образованием).

Некарактерно предложное употребление кратких форм вин. ед. для литературного чешского языка, где краткие формы после предлогов можно встретить лишь „изредка в застывших, книжных выражениях“⁶³.

Современные чешские говоры утратили специфику употребления кратких форм вин. и дат. ед., и краткие формы обоих падежей получают общую характеристику, без указания на особенности употребления форм того и другого падежа. В отдельных говорах произошло и изменение структуры древних образований вин. ед. по типу кратких образований дат. ед.: краткая форма вин. ед. местоимения 2-го лица совпала с краткой формой дат. ед. *ti*. Подобное совпадение форм, отмеченное в Тишнёве, Ведровицах, Крови, Будикове, Рудикове, Бискупцах ганацкого наречия⁶⁴, является, по мнению Ф. Бартоша, результатом „ослабления гласного *e* в *i*“ и „выравнивания с дательным“⁶⁵.

Только незначительная часть чешских говоров сохранила способность кратких форм вин. ед. к предложному употреблению. Указание на предложное употребление кратких форм мы находим в работе Ф. Копечного, посвященной описанию говора Урчиц и окрестностей⁶⁶, и в работе Ф. Бартоша о валашском наречии⁶⁷.

Способность кратких форм вин. ед. к предложному употреблению весьма рано утратилась в словацком языке. Примеры предложного употребления кратких форм вин. ед. в истории словацкого языка отмечены в Жилинской книге, наиболее древнем письменном памятнике словаков, и в более поздних словацких документах не встречаются. Для современного словацкого литературного языка подобное употребление кратких форм вин. ед. некарактерно⁶⁸, как некарактерно оно и для современных словацких говоров.

58 F. Bartoš. Dialektologie moravská, d. II, стр. 24.

59 A. Kellner. Štramberké nářečí. Brno, 1939, стр. 59.

60 Fr. Sverák. Boskovické nářečí, стр. 56.

61 A. Lamprecht. Středoopavské nářečí. Praha, 1953, стр. 57.

62 J. Bělič. Dolská nářečí na Moravě, стр. 152.

63 A. Широкова. Очерк грамматики чешского языка. М., 1952, стр. 99.

64 F. Bartoš. Dialektologie moravská, d. II, стр. 192, 216.

65 Там же, стр. 192.

66 Fr. Kopečný. Nářečí Určic a okolí, стр. 91.

67 F. Bartoš. Dialektologie moravská, d. I, стр. 73.

68 См. J. Orlovský, L. Arany. Gramatika jazyka slovenského. Bratislava, 1947, стр. 175; A. Gregor. Mluvnice spisovné slovenštiny. Praha, 1954, стр. 47; E. Pauliny, J. Ružička, J. Stolc. Slovenská gramatika, Turč. Martin, 1955, стр. 193.

Предложное употребление кратких форм вин. ед. отмечено лишь в элинских говорах⁶⁹.

Способность кратких форм вин. ед. к предложному употреблению исключительно долго сохранялась польским языком.

В привлеченных к исследованию польской письменности мы не отметили примеров употребления полных форм вин. ед. с предлогами, поскольку в предложном употреблении в польском вплоть до XVII в. были известны только краткие образования падежа Я. Лось в качестве наиболее раннего примера употребления полной формы вин. ед. с предлогом отмечает употребление формы *ciebie* из Petrycu в 1609 г.: *ojczuzna przez ciebie zięta*⁷⁰. Предложное употребление кратких форм вин. ед. было известно и в XVIII в.

По-видимому, утрата тонированности краткими формами вин. ед. и превращение их в атонические образования, констатируемые пособиями по современному польскому языку⁷¹, произошла позднее.

В иных западнославянских языках — кашубском, польском, лужицких — в их современном состоянии краткие формы вин. ед. являются атоническими, не способными к употреблению в начале предложения после зависимых слов и в противопоставленных конструкциях⁷². Судить о том, когда произошла утрата древней тонированности кратких форм вин. ед. в этих языках, на основании имеющихся в нашем распоряжении материалов трудно.

Процесс преобразования кратких форм вин. ед. в атонические образования был общим для всех западнославянских и южнославянских языков. Существовавшие в языках различия касались лишь хронологии.

В отличие от южнославянских языков западнославянские языки развили способность кратких форм к функционированию со значением род. ед. Эта черта, отмеченная лишь в отдельных говорах южнославянских языков, характеризует значительную часть говоров западнославянских языков и современные языки этих народов. Неизвестно функционирование кратких форм в род. ед. лишь отдельным говорам западных славян.

⁶⁹ Fr. Bartoš. Dialektologie moravská, d. I, стр. 23.

⁷⁰ J. Łoś. Gramatyka polska, cz. III, Lwów—Warszawa—Kraków, 1927, стр. 161.

⁷¹ См. W. Doroszewski. Podstawy gramatyki polskiej. Warszawa, 1952, стр. 222; St. Szober. Gramatyka języka polskiego. Warszawa, 1953, стр. 227; A. Grappin. Grammaire de la langue polonaise. Paris, 1942, стр. 94 и др.

⁷² P. Wowčerk. Kurzgefasste obersorbische Grammatik. Berlin—Leipzig, 1951, стр. 45; B. Šwela. Grammatik der niedersorbischen Sprache. Bautzen, 1952, стр. 39; T. Lehr-Spławinsky. Gramatyka polabska, стр. 186; K. Ernst Mucke. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache. Leipzig, 1891, стр. 385 и др.

Употребление кратких форм вин. ед. в род. характеризует большую часть чешских говоров. Оно отмечено в ряде говоров ганацкого наречия⁷³, в лашских⁷⁴, восточнолашских⁷⁵, кладских⁷⁶, среднеопавских⁷⁷ говорах, в говорах валашского⁷⁸ и злинского⁷⁹ наречий. Столь же широко распространены краткие формы в род. ед. в современных словацких говорах — в среднесловацких⁸⁰, горноопавских говорах⁸¹, в восточнословацком наречии на территории Спиша и северо-западной части Шариша⁸², в Буковопогорье в северо-западной части Венгрии⁸³, в южной части Керепешского острова⁸⁴, в говоре Долгой Луки в Бардеевском округе⁸⁵.

Не меньшее распространение имеют краткие формы в род. ед. и в современных польских говорах. Употребление кратких форм в род. ед. отмечается в малопольских говорах⁸⁶, в польских говорах Силезии⁸⁷, в говоре Лопиenna и окрестностей в северной Великопольше⁸⁸, в говоре Сходни и окрестностей⁸⁹, в куявских говорах⁹⁰.

Подобное употребление кратких форм полонисты считают допустимым и для литературного польского языка⁹¹.

Поскольку употребление кратких форм в род. известно современным говорам славянских языков, а в древних памятниках славянской письменности имеются лишь отдельные, далеко не безусловные примеры употребления форм в функции род., то естественно видеть в подобном употреблении явление новейшего времени. Существуют, однако, и иные мнения относительно этих форм: как „новообразования праславянской эпохи“ рас-

⁷³ F. Bartoš. Dialektologie moravská, d. II, стр. 24, 50, 79, 117, 216.

⁷⁴ Там же, д. I, стр. 118.

⁷⁵ A. Kellner. Východlašská nárečí, I, стр. 162.

⁷⁶ J. Kubín. Lidomluva Čechů kladských, стр. 99.

⁷⁷ A. Lamprecht. Středoopavské nárečí, стр. 57.

⁷⁸ F. Bartoš. Dialektologie maravská, d. I, стр. 72.

⁷⁹ Там же, д. II, стр. 23.

⁸⁰ P. Ondrus. Stredoslovenské nárečia v Maďarskej Ľudovej republike. Bratislava, 1956, стр. 118.

⁸¹ E. Pauliny. Nárečie zátopových osád na hornej Orave. Turč. Martin, 1947, стр. 80.

⁸² S. Czambel. Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov, I. Turč. Martin, 1906, стр. 166.

⁸³ J. Štolc. Nárečie troch slovenských ostrovov v Maďarsku. Bratislava, 1949, стр. 353.

⁸⁴ Там же, стр. 262.

⁸⁵ F. Buffa. Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953, стр. 93.

⁸⁶ K. Nitsch. Dwie gwary małopolskie. Kraków, 1907, стр. 372.

⁸⁷ K. Nitsch. Dialekty polskie Śląska, cz. I. Kraków, 1939, стр. 120.

⁸⁸ A. Tomaszewski. Gwara Łopienna i okolicy w północnej Wielkopolsce. Kraków, 1930, стр. 70.

⁸⁹ P. Gołąb. Gwara Schodni i okolicy. Wrocław, стр. 115.

⁹⁰ Z. Sobierajski. Gwary kujawskie. Poznań. 1952, стр. 76.

⁹¹ K. Nitsch. Genitiv singularu zaimków osobowych. — JP, № 1, стр. 12.

сматривает краткие формы в функции род. ед. К. Нитш⁹², „ис-
конными праславянскими формами, перешедшими в ряд индоев-
ропейских языков в функции род.“, считал данные образования
Ст. Шобер⁹³. Предлагаемые К. Нитшем и Ст. Шобером теории
функционирования кратких форм в род. не кажутся нам столь
убедительными, чтобы, вопреки данным древнеславянских па-
мятников, принять предложенную ими точку зрения.

В пользу отнесения функционирования кратких форм в род. ед.
в праславянскую или юноевропейскую эпохи свидетельствует
факт подобного употребления форм в целом ряде современных
славянских языков. Однако общие процессы в отдельных язы-
ках могут являться не только следствием исходной праславян-
ской общности, но и результатом общей тенденции развития,
когда одинаковые процессы происходят в языках в период их
раздельной, обособленной жизни.

Специального рассмотрения заслуживает факт наличия в поль-
ском языке параллельных кратких образований вин. ед. — *mię*,
cię и *mie*, *cie*, поскольку он дает основание для реконструкций
изучаемых форм в праславянском, проливая свет на древнейшие
отношения полных и кратких образований вин. ед.

Наличие в польском языке параллельных кратких образова-
ний вин. ед. давно привлекало внимание исследователей; часть
ученых пыталась определить причины и время их появления
в польском языке, иные видели в них ключ к реконструкции
форм вин. ед. в праславянском. Уточнения в этой области,
начатые в прошлом столетии проф. В. Нерингом⁹⁴, продолжают-
ся до настоящего времени, но тем не менее этот вопрос
исчерпанным считаться не может.

Современное состояние этого вопроса весьма подробно изло-
жено Я. Лосем⁹⁵.

Указание проф. Неринга на то, что формы вин. ед. с ренез-
мом употребляются преимущественно в препозиции, а при глаго-
лах чаще употребляются формы без ренезма, не противоречит
утверждению Я. Лося об устойчивом сохранении форм *mię*, *cię*,
się в предложном употреблении, поскольку предложное употреб-
ление кратких форм вин., как и их препозиционное употребление, яв-
ляется позицией наибольшего из возможных логического выделе-
ния, в то время как постпозиция является позицией наименьшей
ударенности этих форм. Таким образом, и то и иное утвержде-
ния констатируют, что формы *mię*, *cię*, *się* являются тонирован-
ными образованиями падежа, *mie*, *cie*, *sie* — атоническими.

⁹² J. P., t. XI, стр. 97.

⁹³ St. Szober. Prasłowiańskie formy dopełniacza i biernika liczby pojed. (Gen. sg. acc. sg.) zaimków osobowych. PF, t. XV, cz. I, стр. 231.

⁹⁴ AfsIPh, Bd. V, стр. 242.

⁹⁵ J. Łoś. Gramatyka polska, cz. III, стр. 161.

Большие разногласия вызывает вопрос о хронологии возникновения форм вин., лишенных ренезма.

Ряд славистов — А. Калина⁹⁶, А. Брюкнер⁹⁷, В. Вондрак⁹⁸, — специально не занимаясь вопросом хронологии этих форм, были склонны считать формы вин. ед. *tie*, *cie* новообразованиями, возникшими на почве польского языка. Е. Бернекер вполне определенно высказал предположение о том, что эти формы являются наследием индоевропейской эпохи: „По всей вероятности, эти древнопольские образования вин. ед. *tie*, *cie*, *sie* (из праславянских **mě*, **tě*, **sě*) соответствуют древнеиндийским безударным вин. ед. *ta*, *tvā*, в то время как *ta*, *szə*, *sə* (из праславянских **te*, **te*, **se*) сравнимы с древнеиндийскими *tāt*, *tvāt*“⁹⁹.

Гипотеза Е. Бернекера, логически стройная, не была достаточно обоснована славянским материалом, почему долгое время не принималась славистами. Однако после поддержки ее Т. Лер-Славинским¹⁰⁰, обратившимся к фактам кашубского и полабского языков, она была при некотором уточнении принята полонистами.

С. Шобер не считает возможным настаивать на реконструкции этих форм для всего праславянского языка, ограничиваясь допущением, что в диалектах праславянского, из которых развились ляхитские языки, „господствовали две параллельные формы вин. п. личных местоимений“¹⁰¹.

Как кажется, совершенно прав Э. Деко, заключивший свой тщательный разбор истории дебатируемого вопроса словами: „факты являются ясными, их объяснения остаются гипотетическими“¹⁰².

Современные польские говоры не могут дать многоного для уточнения в отношении форм вин. ед. с назализованными и неназализованными гласными, поскольку конечные носовые в современном произношении утратили ренезм на значительной части территории польского языка.

Лишь в части польских говоров — в Великопольше, Малопольше и в Силезии — существует параллелизм в формах вин. ед. возвратного местоимения — *się* и *sie*, причем условия употреб-

⁹⁶ A. Kalina. Anecdota palaeopolonicae, II. — AfslPh, Bd. III, стр. 623.

⁹⁷ A. Brückner [ред.]. J. Leciejewski. Der Lautwert der Nasalvokale im Altpolnischen. Wien, 1886. — AfslPh, Bd. X, стр. 264.

⁹⁸ V. Vondrák. Vergleichende Slavische Grammatik, Bd. II, стр. 85.

⁹⁹ E. Berneker. Der Genitiv-Accusativ bei belebten Wesen im Slawischen. — KZ, Bd. XXXVII, 1901, стр. 368.

¹⁰⁰ SO, VI, 1927, стр. 5.

¹⁰¹ St. Szober. Prasłowiańskie formy dopełniacza i biernika liczby pojed. (Gen. sg. acc. sg.) zaimków osobowych, стр. 232.

¹⁰² E. Decaux. Morphologie des enclitiques polonais. Paris, 1955, стр. 74.

ления тех или иных, как кажется, соответствуют древнейшим: „Форма с носовым употребляется после предлога или в позиции ортотонической, форма *sie* — после глаголов или в энклитической позиции“¹⁰³.

Ст. Урбанчик отмечает, что объяснение этого различия возможно лишь в случае различных рефлексов конечных *ɛ* и *e* (неносового). „Условия эти существуют прежде всего в говорах, где *ɛ* произносится как *a* или *o* или же перешло в *e*“, например: *jo s'ɛ seb leko* (малопольский говор с одним носовым), *samu se tag gorsa?* (Śląsk)¹⁰⁴.

О древнем употреблении двух разновидностей кратких форм вин. ед. свидетельствуют факты употребления трех форм вин. ед. местоимения 2-го лица в говоре Сходни и окрестностей, описанные П. Голубом. Автор исследования отмечает, что *s'eb'e* употребляется в сильной позиции, *s'e* — энклитически и *sa* — в соединении с предлогами, и считает, что подобное употребление форм является сохранением „старопольского состояния“. „Это же самое соотношение, — пишет П. Голуб, — *s'e : s'ɛ, s'e : sɛ* (до этого *me : mɛ*) господствовало в Flor. Psalt.¹⁰⁵.

Некоторые польские говоры формы вин. ед. личных местоимений с конечным *a* (*a → ɛ*) утрачивают, по-видимому, под влиянием нивелирующей роли литературного польского языка. Так, К. Нитш отмечает в хельминском говоре форму вин. *ta* (*ta*) лишь в речи старшего поколения, при возможности в этих же условиях формы *tie*¹⁰⁶.

Данные полабского языка подтверждают теорию А. Брюкнера о праславянской принадлежности кратких форм вин. ед., лишенных ренезма.

Вин. ед. в полабском имеет две разновидности краткой формы личных местоимений: *ta* \leqslant **te*, *ta* \leqslant **tɛ*, являющиеся ударенными, полнозвучными, и энклитические — *ta*, *tə*, восходящие, по-видимому, к праязыковым лишенным ренезма формам **me*, **te*: *znojis* — *ta* (snogisme HB) \leqslant **znaješь-me*; *plögəlai-ta* (plogaleime H) \leqslant **plogali-me*; *büli-tə* (bülit H) \leqslant **boli* (te). Подобные формы фиксируются и для возвратного местоимения в полабских памятниках. Т. Лер-Славинский отмечает, что отношения тех и иных кратких форм вин. ед. полабского точно соответствует старопольским *tie : tie*¹⁰⁷. Подобные отношения фиксируются и в словинских говорах кашубского языка¹⁰⁸.

¹⁰³ St. Urbańczyk. Zarys dialektologii polskiej, Warszawa, 1953, стр. 38.

¹⁰⁴ Там же, стр. 38.

¹⁰⁵ P. Gołąb. Gwara Schodni i okolicy, стр. 116.

¹⁰⁶ K. Nitsch. Dialekty polskie Prus Zachodnich, cz. II. „Wybór Pism Polonistycznych“, t. III. Wrocław—Kraków, 1954, стр. 201.

¹⁰⁷ Gramatyka połabska, стр. 186.

¹⁰⁸ SO, т. VI, 1927, стр. 4.

3. Восточнославянские языки

Современные восточнославянские языки весьма рано утратили краткие формы вин. ед. Утрата кратких образований вин. ед., охватившая все говоры восточнославянских языков, за исключением отдельных украинских говоров, совершалась в различных языках восточных славян в различное время, почему одной из задач настоящего раздела работы является датировка времени выхода кратких форм из употребления.

Несмотря на то, что древние памятники письменности восточных славян относятся к весьма раннему периоду, мы находим в них картину древнего употребления форм вин. ед. нарушенной.

Примеры употребления кратких форм вин. ед. в беспредложных сопоставительных конструкциях многочисленны.

Л. Я. Маловицкий приводит следующие примеры¹⁰⁹: изби въ руки пустиль же **мя** а иную пояль (Б. гр., № 9, стр. 195); отцемъ **мя** назваль а я его сыномъ (Ипат., стр. 430); по сего речи емлю та, но язъ емлю **тя** а не холопъ (Р. пр., стр. 113); не да како и **ма...** яли (Чт. о Б. и гл., стр. 7); яко же съ храни Еноха в первые роды... тако и **тя** избавить (П. вр. л., стр. 62). Примеры беспредложного употребления кратких форм в сопоставительных конструкциях, приводимые С. Ф. Самойленко¹¹⁰, малопоказательны: большая их часть отмечена в языке хроник, житий, апокрифов и характеризует поэтому в большей мере церковнославянский, а не древнерусский народноразговорный язык.

О древней тонированности кратких форм вин. в древнерусском языке свидетельствует факт их широкого употребления в составе предложных сочетаний. Л. Я. Маловицкий, специально исследовавший вопрос о формах вин. ед., утверждает, что „до XIII в. род.-вин. пад. (т. е. полные образования падежа. — М. Г.) после предлогов не употреблялся в привлеченных к анализу текстах“¹¹¹. Примеры предложного употребления кратких форм вин. ед. многочисленны: Шлегъ **на ма** приде (Лавр., стр. 249); суть **на тя** съвѣтами съ чирниговскими князи (Новг., стр. 60); Богородица... испросить **на тя** милость (А. И., № 12, 1399—1402 гг., стр. 21), и излѣть милость свою **на тя** (А. И., № 90, 1480 г., стр. 138).

Значительное количество примеров предложного употребления кратких форм вин. в сопоставительных конструкциях удалось обнаружить С. Ф. Самойленко¹¹². Большая их часть отме-

¹⁰⁹ Л. Я. Маловицкий. Указ. соч., стр. 35.

¹¹⁰ С. Ф. Самойленко. О параллельных формах вин. п. ед. ч. личных местоимений в славянских языках. Л., 1960, стр. 19 (машинопись).

¹¹¹ Л. Я. Маловицкий, Указ. соч., стр. 40.

¹¹² С. Ф. Самойленко. О параллельных формах вин. п. ед. ч. личных местоимений в славянских языках, стр. 19—20.

чена в жанре церковно-религиозной литературы, но имеются и примеры употребления их в летописях и грамотах: тако Володимиръ сложилса есть с Василко на Стополка и на та. (Лавр., стр. 257); а нынѣ мыслить на ма и на та (Лавр., стр. 257); а надѣюся на богъ и на тя (Ипат., стр. 596); како же на мя страдалъ, так и на княгиню мою (С. Г. Гр., II, стр. 7) и др.

В древнейших памятниках русской письменности уже отражен процесс вытеснения кратких форм вин. из позиций наибольшей тонированности местоименных форм: в условиях сопоставления объекта фиксируются полные образования *мене*, *тебе*, *себе*. Повидимому, процесс проникновения форм род. в вин. в русском языке начался в период, предшествующий древнерусским письменным памятникам. Краткие формы были вытеснены из сопоставительных конструкций в период дописьменный, и в период древнейших русских памятников функционировали уже как атоналические образования, способные, однако, к предложному употреблению. В период XIII—XIV вв. краткие формы вин. употребляются в русской письменности без каких-либо ограничений, являясь основными образованиями падежа: како... хощеши ма поѣти, крѣть ма самъ· и нарекъ ма тѣщерьо? (Лавр., стр. 61); посыпалъ мя с грамотами къ Михаилу князю (Новг., стр. 95); хотѣли мя любо яти, либо убити про Игоря, но Богъ мя застѣпилъ (Ипат., стр. 32); алченъ бѣхъ, накормите мя, и жаждень, напоите мя, страненъ бѣхъ, и введосте мя, боленъ и въ темницы, постисте мя (А. И., № 3, 1360 г., стр. 4).

Постепенно краткие формы вин. теряют способность к функционированию в составе предложных сочетаний, становясь в полной мере энклитическими образованиями падежа.

В XV в. начинается процесс вытеснения кратких форм вин. ед. в русском народноразговорном языке, что находит отражение в письменности: употребление форм *мя*, *тя*, *ся* в XV в. почти целиком ограничено рамками традиционных штампов договорных грамот и документами, написанными духовными лицами: А благословляю своего сына... чѣмъ мя благословилъ Отецъ мой (С. Г. Гр.; № 41, 1423 г., стр. 80); А приказываю вотчину свою Москву, свою треть, чѣмъ мя благословилъ отецъ мой (С. Г. Гр., № 40, 1410 г., стр. 74); а гдѣ тя пошлю съ своею братьею молодшею, ... и тебѣ пойти безъ ослушанья (С. Г. Гр., № 52, 1434 г., стр. 108); Владычица наша, помилуетъ тя и покрысть тя ризою свою честною, и наставить тя въ разумъ истинный и управить тя въ царствіе Сына своего (А. И., № 27, 1422 г., стр. 56); и во мнѣ смутись сердце мое, исхода ради, и страхъ смертный нападе на мя и покры мя тма недоумѣнія (А. И., № 32, 1427 г., стр. 62).

Краткие формы вин. ед. широко используются в памятниках старорусской письменности определенных жанров в XVI и XVII вв.

Однако стилистический анализ употребления этих форм свидетельствует об архаичности или церковном характере этих образований¹¹³.

Датировка времени выхода из употребления кратких форм вин. ед. в русском народноязыковом языке затруднена из-за широкого распространения на Руси в XV в. болгаро-византийской литературы, вызвавшей приток большого количества церковнославянских элементов в язык старорусской письменности. Из живого употребления в народноязыковом русском языке краткие формы вин. ед. вышли уже в XV в.

Вытеснение кратких форм вин. ед. полными образованиями охватило всю территорию, занимаемую русским языком. В отдельных современных русских говорах имеют довольно широкое распространение внешне сходные с древними образованиями формы *мя*, *тя*, *ся*, рассматриваемые некоторыми исследователями как остаток древних кратких форм вин. ед. В работе, посвященной истории форм личных местоимений в русском языке, мы пытались доказать, что эти образования являются новообразованиями, возникшими в быстрой разговорной речи из полных форм род.-вин. ед. путем стяжения при условии слабой ударяемости местоимений¹¹⁴. Основанием для подобного утверждения явились следующие наблюдения:

1) Краткие формы род.-вин. ед. *мя*, *тя*, *ся* фиксируются лишь в говорах, характеризующихся наличием полных форм соответствующих падежей с окончанием '*а* — *меня*, *тебя*, *себя*. В говорах, имеющих *е* в окончании полных форм род.-вин. ед., фиксируются краткие образования *ме*, *те*, *се*. Говорам, характеризующимся параллельным употреблением двух разновидностей полных форм род.-вин. ед. с конечным *е* и '*а*, известны и две разновидности кратких форм — *мя*, *тя*, *ся* и *ме*, *те*, *се*. Подобное соотношение полных и кратких форм вин. ед. дает основание представить путь образования кратких форм следующим образом: *теб'а* → *те^б'а* → *те^и'а* → *т'а*; *тебе* → *те^бе* → *те^ие* → *те*; *себ'а* → *се^б'а* → *се^и'а* → *с'а*. Третья стадия в этой схеме — *те^и'а*, *се^и'а* — характеризуется развитием неслогового *й* (не *ј*).

Форма *мя* произошла непосредственно из соответствующей полной формы род.-вид. ед. не могла. Мы полагаем, что она имеет вторичное происхождение, явившись по аналогии с формами *тя* и *ся*: *тебя*:*тя*; *себя*:*ся* — *меня*:*мя*. Факт значительно большего распространения в русских говорах форм *тя*, *ся* подтверждает предположение о вторичном происхождении формы *мя*.

2) Краткие формы в современных русских говорах употребляются почти исключительно в род., а не в вин. ед. Так, форма *мя*, отмеченная на территории „Атласа русских говоров централь-

¹¹³ Подробнее об этом см.: М. А. Гадолина. К истории форм..., стр. 51—53.

¹¹⁴ Там же, стр. 53—56.

ных областей к востоку от Москвы" в 32 пунктах, в 31 отмечена как форма род. и лишь в одном в значении род. и вин. падежей. Подобное распределение функционирования в употреблении кратких форм по падежам наблюдается и для иных форм.

3) Краткие формы род.-вин. ед. современных русских говоров не имеют определенного территориального прикрепления, будучи распространены по всей территории говоров, характеризующихся полными формами род.-вин. ед. с конечным 'а (я) — меня, тебя, себя.

Поскольку последние характеризуют собой в большой мере северорусское наречие, постольку формы *мя*, *тя*, *ся* в большей степени характеризуют собой северорусские говоры¹¹⁵. Распространение форм *мя*, *тя*, *ся* в среднерусских говорах, а также их проникновение далеко на юг — в Московскую и Рязанскую область — говорит о том, что считать их особенностью северорусских говоров нельзя.

Сохранимые с глубокой древности архаические языковые черты большей частью локализуются в определенной группе говоров, вернее определенной группой говоров удерживаются. Отсутствие определенной территории распространения форм свидетельствует, как кажется, о происхождении этих форм в позднейшее время в результате реализации общей тенденции развития. Подобной тенденцией в данном случае является тенденция к превращению двусложных энклитик в однослоговые, свойственная, по словам определившего ее Э. Деко, „всем славянским языкам, за исключением восточной группы языков, где сохраняются полуэнклитические местоименные образования...“¹¹⁶ По-видимому, определенная группа восточнославянских языков не представляет исключения из всех славянских языков.

Значительно дольше сохранились краткие формы вин. ед. в южнорусской языковой области — в староукраинском языке.

Краткие формы вин. ед. *мя*, *тя* широко употребляются в староукраинских памятниках письменности XV и XVI вв. без каких-либо жанровых или стилистических ограничений. Многочисленны случаи предложного употребления кратких форм вин., а также употребления их в сопоставительных конструкциях: *а по моїмъ животѣ впишют мя в синаникъ и мої же* жену (Укр. гр. I, № 41, 1409 г., стр. 76); *возри на ма сиротъ* (Мал. в., стр. 926); *Дхъ стыи' наид'е на та й сила въшнаго ѿскнить та* (Гал. Н. нов., стр. Й); Всяческо мнѣ *на тя* гнѣватися предлежитъ (Граб., стр. 141); Не азъ ли *та* видѣхъ въ Вертоградѣ с нимъ (Огор., стр. 14).

¹¹⁵ Ср. наблюдения Ф. П. Филина о большем распространении форм *мя*, *тя*, *ся* на севере, чем на юге („Очерк истории русского языка до XIV столетия.“ — „Ученые записки ЛГПИ им. Герцена“, т. XXVII, кафедра русского языка, 1940 стр. 132).

¹¹⁶ E. Decaux. Указ. соч., стр. 322.

стр. 12); и уда́ль его за гвалтобника: же мя напхалъ, розбиль въ монастыру (Льв., стр. 253); агломъ своймъ прикажеть б тебѣ абы та стерегли (Пер. р., стр. 32); велѣль ма' имати и велѣль былъ ма горла моего избавити (Укр. гр. I, № 72, 1435 г., стр. 132); страфовал мя и зараз оповести¹¹⁷ (Акт. кн. Полт. ур., стр. 113).

Употребление кратких форм вин. ед. в староукраинских памятниках письменности XVI—XVIII вв., относительно свободных от влияния церковнославянского языка, свидетельствует о том, что они существовали и в народноразговорном украинском языке той эпохи. По-видимому, они вышли из употребления в значительной части украинских говоров лишь в XVIII в. Вопрос о времени исчезновения кратких форм вин. ед. обычно снимается украинистами указанием на сохранение форм западными говорами украинского языка. Однако нельзя не учитывать того факта, что краткие формы фиксируются в украинских памятниках письменности самой различной территориальной отнесенности, а сохраняются в настоящее время лишь в одной из групп украинских говоров — западноукраинской. Таким образом, вопрос об исчезновении этих форм на основной территории, занимаемой украинским языком, остается нерешенным, так же как неясным является и вопрос о времени выхода этих форм из употребления в украинском литературном языке. В этом отношении неудачно указание Л. А. Булаховского на „сохранение“ кратких форм в языке современных писателей — М. Шашкевича, Устияновича, И. Франко — без квалификации этих форм как несомненных диалектизмов¹¹⁸.

Указание на сохранение кратких форм вин. ед. западноукраинскими говорами имеются во всех пособиях по украинскому языку¹¹⁹.

Характеристике кратких форм вин. ед. как форм, сохранившихся с древности, не препятствует тот факт, что эти формы в ряде украинских говоров являются значительно преобразованными фонетически. Обычные, соответствующие по образованию древнейшим формы мя, тя, фиксируемые в карпатских¹²⁰, бойковских¹²¹ говорах и в говоре галицких лемков¹²², в иных западноукраинских говорах приобретают иной фонетический облик: мі, ті, (кі), ня, мня.

¹¹⁷ Л. А. Булаховський. З історичних коментаріїв до української літературної мови. „Мовознавство“, т. X. Київ, 1952, стр. 88.

¹¹⁸ М. Груньский та П. Ковалев. Історія форм української мови. Харків, 1931, стр. 208; С. Бевзенко. Нариси з історичної граматики української мови. Київ, 1953, стр. 81; „Історична граматика української мови“, Київ, 1957, стр. 248; Л. А. Булаховський. З історичних коментаріїв до української літературної мови, стр. 88; W. Kuraszkiewicz. Zarys dialektologii wschodnio-słowiańskiej z wyborem tekstów gwarowych. Warszawa, 1954, стр. 71 и др.

¹¹⁹ І. Панькевич. Говір села Валашковець бывшої Земплинської жупи на Закарпатті. Київ, 1938, стр. 20.

¹²⁰ І. Свєнціцький. Бойківський говір с. Бітля, стр. 124.

¹²¹ І. Верхратський. Про говір галицких лемків, стр. 179, 215 и др.

Формы *mi*, *ti*, отмеченные в говоре с. Мошковец и Сивки Надднестрянской¹²², в гуцульских¹²³ и галицких¹²⁴ говорах, часто фиксируются параллельно с обычными краткими формами вин. ед., являясь, по-видимому, фонетическими разновидностями последних, возникшими в результате редукции безударного 'а в формах *мя* и *тя*. В „Галицко-русских народных приповедках“ при предложном употреблении последовательно фиксируются формы *мя*, *тя*; при употреблении кратких форм в постпозиции при глаголах — формы *mi*, *ti*.

Образования *мя* и *ня*, отмеченные почти во всех описаниях западноукраинских говоров¹²⁵, являются фонетическими вариантами формы *мя*, лежащей в основе их образования.

Проникновение кратких форм вин. в род. ед., фиксируемое в изданных описаниях западноукраинских говоров¹²⁶, с особенной интенсивностью происходит в настоящее время: в материалах, собранных для составления ДАУ, отражено широкое употребление кратких форм в значении род. ед.

Следует, как кажется, констатировать некоторое сужение сферы употребления краткой формы вин. ед. местоимения 1-го лица в современных западноукраинских говорах: форма *н'a*, фиксируемая в значительной части изданных в прошлом и начале этого века диалектологических описаний западноукраинских говоров, отмечена лишь в небольшой части ответов на программу ДАУ — в бойковско-среднезакарпатской группе говоров. Краткая форма вин. ед. местоимения 2-го лица, имеющая значительное количество вариантов — *тя*, *те*, *ти*, *ке*, *ки*, — имеет весьма широкое распространение в западноукраинских говорах: она отмечена в ответах на программу ДАУ по Львовской, Тернопольской, Черновицкой, Драгобицкой и Станиславской областям¹²⁷.

¹²² I. Ja n ó w. Gwara małoruska Moszkowiec i Siwki Naddniestrzańskiej z uwzględnieniem wsi okolicznych. Lwów, 1926, стр. 81.

¹²³ В. Шухевич. Гуцульщина, ч. III. Львів, 1902, стр. 115, 122 и др.

¹²⁴ „Галицко-русські народні приповідки“, Зіб. І. Франко, т. I“, Львів, 1901, стр. 234, 301 и др.

¹²⁵ I. Панькевич. Українські говори Підкарпатської Руси і сумежних областей, ч. I, стр. 262, 263; е го же. Говор села Валашковець бывшої Земплинської жупи на Закарпатті, стр. 20; I. Свенцицький. Бойківський говор с. Біляя, стр. 124 и др.; I. Верхратський. Про говор галицких лемків, стр. 126, 185 и др.; е го же. Знадоби до пізнання угорсько-русських говорів. „ЗНТ ім. Шевченка“, т. XXVII, Львів, 1899; О. Брохъ. Угро-русское наречіє с. Убли, стр. 96.

¹²⁶ I. Панькевич. Українські говори Підкарпатської Руси і сумежних областей, стр. 262; I. Верхратський. Про говор галицких лемків. стр. 126, 182 и др.; е го же. Говор замішанців. ЗНТ ім. Шевченка, т. III, Львів, 1894, стр. 179; О. Брохъ. Угро-русское наречіє с. Убли, стр. 96.

¹²⁷ Материалы, собранные для составления ДАУ, являются особенно не полными в отношении форм род.-вин. ед., так как специальный вопрос, посвященный этим формам, в программе отсутствует. Поэтому наблюдения, основанные на материале, извлеченном из иных разделов программы, не могут претендовать на полноту.

В старобелорусском языке XV в. краткие формы вин. ед. местоимения 1-го лица широко употребляются во всех жанрах письменности. Сужение сферы ее употребления происходит лишь в XVII в., которым и можно датировать время выхода ее из употребления.

Краткая форма вин. ед. местоимения 2-го лица, по утверждению А. А. Кривицкого, основательно исследовавшего данный вопрос, „не была характерна для народноразговорного белорусского языка периода его первых письменных памятников“¹²⁸.

Современными белорусскими говорами краткие формы вин. ед. утрачены. Форма вин. ед. *це*, фиксируемая в отдельных населенных пунктах Гродненской области, не имеет „ничего общего“, по мнению А. А. Кривицкого¹²⁹, с древней формой вин. ед. местоимения 2-го лица.

Таким образом, рассмотрение истории форм вин. ед. личных местоимений убеждает нас в следующем: единственными формами вин. ед. в праславянском были краткие образования **te*, **tē*, **sē*, употреблявшиеся и в сильных, и в слабых позициях, т. е. энклитически. Структура кратких форм вин. ед. в праславянском очевидна, поскольку древние памятники славянской письменности не обнаруживают колебаний в их образовании.

В период, предшествующий древнейшим памятникам славянской письменности, в вин. ед. начинают проникать формы род. ед. **tēpe*, **tebe*, **sebe*, вытесняя, в силу своей двусложности и, следовательно, большей тонированности, краткие образования вин. ед., в первую очередь из сильных позиций.

Начало проникновения форм род. в вин. не следует отодвигать в слишком древние эпохи: старославянские памятники письменности IX в. знают лишь отдельные примеры употребления форм род. ед. в функции вин. Процесс проникновения полных форм в вин. ед. был, однако, весьма интенсивным, и в древнейших русских памятниках письменности, отстоящих от старославянских на 2—3 столетия, обнаруживаются лишь отдельные случаи ударного употребления кратких форм вин. ед. На основании материала древнерусской письменности П. Мюленбах и пришел к выводу об исключительности форм *мене*, *тебе*, *себе* в вин. ед.¹³⁰.

Возможно, что процесс проникновения полных форм в вин. ед. происходил уже в отдельных говорах праславянского языка, в частности в говорах, легших в основу образования языка восточных славян. Это предположение тем более возможно, что именно восточнославянские языки весьма рано утратили краткие формы вин. ед.

¹²⁸ А. А. Кривіцкі. Указ. соч., стр. 68.

¹²⁹ Там же, стр. 71.

¹³⁰ К. Мюленбах. Об употреблении родительного падежа вместо винительного в славянских языках, стр. 1208.

Будучи вытесненными из сильных позиций, краткие формы вин. ед. долгое время сохраняют способность к предложному употреблению, утерянную отдельными славянскими языками в различные эпохи, а в ряде языков сохранившуюся и в настоящее время. Способность кратких форм вин. ед. к предложному употреблению, фиксируемая древнейшими памятниками славянской письменности, является весьма существенным аргументом против отнесения кратких форм вин. ед. в разряд энклитик.

В некоторых говорах праславянского языка существовала особая разновидность форм вин. ед. личных местоимений, лишенных ренезма, — **me*, **te*, **se*. Свидетельства о существовании этих форм в праславянском дают отдельные западнославянские языки, прежде всего польский и кашубский, сохранившие в системе форм личных местоимений и те и иные образования падежа. Формы вин. ед. с носовыми гласными *tię*, *cię* (*się*) употребляются в древних письменных памятниках и современных говорах этих языков в сильной позиции и при сочетании их с предлогами; формы, лишенные ренезма, преимущественно в слабой позиции, атонически.

Подобное соотношение форм в польском и кашубском языках дает основание видеть те же отношения и для праславянского языка эпохи, предшествующей его дроблению. Вопрос о том, были ли указанные образования вин. ед. характерными лишь для ряда праславянских говоров или же характеризовали собой весь праславянский язык, может решаться на основе строго морфологических показателей — структуры кратких форм вин. ед. в отдельных славянских языках. Подобный аспект вопроса достаточно четко исследован Э. Деко¹³¹, отказался от категорических выводов. Факты старославянского, древнерусского, а также словацкого языков свидетельствуют о том, что в говорах праславянского, легших в основу образования этих языков, форм вин., лишенных ренезма, не существовало: краткие формы вин. ед. этих языков — *ma*, *ta*, *sa* в старославянском, *мя*, *тя*, *ся* в древнерусском и *t'a*, *t'a*, *sa* в словацком — точно соответствуют праславянским *tię*, *cię*, *się*.

Э. Деко к числу языков, не допускающих возможности существования в древности форм вин. ед. без ренезма, относит и мазовецкие говоры польского языка, характеризующиеся лишь формами *tię*, *cię*, *się*¹³². Материал иных славянских языков недостаточно показателен в этом отношении¹³³.

Таким образом, на основе славянского материала следует считать более вероятным, что формы вин. ед., лишенные ре-

¹³¹ Е. Десаух. Указ. соч., стр. 70—74.

¹³² Там же, стр. 70.

¹³³ См. интерпретацию форм лужицких и полабского языков в этом плане у Э. Деко (указ. соч., стр. 70).

незма, были характерны лишь для части говоров праславянского, легших в основу образования западнославянских языков.

Реконструкции этих форм для всех празападнославянских говоров препятствуют, строго говоря, лишь показания словацкого языка, поскольку данные древнечешских памятников в этом отношении нейтральны: в формах *tě*, *tě*, *sě* древнечешского языка можно видеть и рефлекс древних праславянских форм **te*, **te*, **se* и соответствующих форм без ренезма.

Развитие формы вин. ед. после проникновения в него форм род. пошло по пути постепенной утраты формами *te*, *te*, *se* древней тонированности и постепенного их превращения в энклитические образования. Этот процесс был единым для всех славянских языков, обусловленным единством тенденций их развития, но совершался в отдельных языках в разное время. Наблюдения над историей форм вин. ед. в отдельных славянских языках убеждают в том, что отмечаемая энклитичность кратких образований вин. ед. современных языков является результатом их исторического развития.

Южнославянские и западнославянские языки сохраняют до настоящего времени древние краткие образования вин. ед., в части говоров в преобразованном виде. Восточные славяне весьма рано утратили их, развив в части говоров взамен утраченных новые образования падежа, имеющие специфические особенности употребления. Сохранила краткие образования вин. ед. лишь небольшая часть украинских говоров. Несмотря на значительно преобразованную структуру этих образований. в них следует видеть древние формы вин. ед.

Г л а в а т р е т ъ я

ДАТЕЛЬНЫЙ-МЕСТНЫЙ ПАДЕЖ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

Изучение дат.-мест. ед. личных местоимений в славянских языках предполагает выяснение следующего круга вопросов:

- 1) Качество основы дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица.
- 2) Качество основы дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения.
- 3) Взаимодействие полных и кратких образований дат. ед. Характер окончаний полных и кратких образований дат.-мест. ед. в праславянском языке позднего периода безусловен, так как колебания в их оформлении в период древнейших славянских памятников письменности отсутствовали. Различия в окончаниях изучаемых форм, имеющие место в современных славянских языках, обусловлены фонетически, поэтому специального рассмотрения не требуют.

I. ОСНОВА ДАТЕЛЬНОГО-МЕСТНОГО ПАДЕЖА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА МЕСТОИМЕНИЯ 1-ГО ЛИЦА

Различные группы славянских языков обнаруживают колебания в основе дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица. В древних письменных памятниках южных, западных и восточных славян фиксируется несколько вариантов дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица: *тепē* (менѣ), *тпē* (мнѣ) и *тъпē* (мънѣ), *тьпē* (мынѣ). Определение праславянских ареалов названных вариантов и исходных для каждой группы языков форм представляется весьма сложным, поскольку показания древнеславянских памятников письменности и современных говоров допускают возможность разнотолкований.

1. Южнославянские языки

В старославянском дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица известен в трех формах: *мънѣ*, *мынѣ* и *мнѣ*: господи, по-тръпи на *мънѣ* и въсе ті възамъ (As., Mt., XVIII); іде дроугъ

ми приде съ пжти **къ мънѣ** (Mar., L. XI, 6); **оу** горе **мънѣ**
ако жищте юсмъ дылволе (Supr., 517, 7).

Несколько чаще употребляется вариант **съ** в основе. Он приводится в качестве единственного в большей части руководства по старославянскому языку¹.

Пропуск редуцированных в названной форме и их смешение свидетельствует в поздний период развития старославянского языка о фактическом исчезновении глухих, которое могло произойти в изучаемой форме до общей утраты редуцированных в силу неакцентованности местоименных форм². Различия названных вариантов в старославянских памятниках письменности являются, таким образом, графическими.

Факты болгарского, сербско-хорватского и словенского языков не дают оснований для решения вопроса об исходном для юнославянских языков варианте дат.-мест. ед. В форме *тьпѣ* (*мънѣ*), фиксируемой в древних юнославянских памятниках письменности, можно видеть исконную для данной группы праславянских говоров форму. В варианте *тепѣ* (*менѣ*), получившем в течение XV в. характер господствующего образования данного падежа в болгарской, словенской и сербско-хорватской письменности, можно видеть результат аналогического выравнивания по форме род.-вин. ед.

Почти полное отсутствие в современных юнославянских говорах односложного варианта дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица дает основание видеть в образовании *тпѣ* (*мънѣ*), широко используемом в древних письменных памятниках южных славян, элемент церковнославянского языка.

Видеть в форме *тепѣ* (*менѣ*) результат фонетического преобразования более древнего варианта *тьпѣ* (*мънѣ*), нельзя потому, что процесс прояснения редуцированного в сильной позиции (форма дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица в юнославянских языках имеет ударение на первом слоге) должен был произойти значительно раньше того периода, к которому относятся древнейшие примеры употребления варианта *тпѣ* (*менѣ*) в юнославянской письменности. Кроме того, против подобного предположения свидетельствует и сербско-хорватский язык, который в случае прояснения в форме *тьпѣ* (*мънѣ*) имел бы вариант **с а**, а не **с е** в основе. Однако нельзя отрицать подобного пути

¹ См. Fr. Pasternak. Tvarosloví jazyka staroslověnského. Praha, 1919, стр. 31; H. Ułaszyn. Język starocerkiewno-słowiański. Lwów, 1928, стр. 47; A. Вайан. Руководство по старославянскому языку, стр. 175; St. Słoński. Gramatyka języka starosłowiańskiego, стр. 83; А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. II, стр. 111; А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 365 и др.

² Ср. мнение И. А. Бодуэна де Куртенэ о наблюдаемых в Зографском евангелии чередованиях **з/ь** „сообразно с природою следующего слова“ как о проявлении „фактического исчезновения глухих“ („Некоторые отделы сравнительной грамматики славянских языков“, Варшава, 1881, стр. 32).

образования изучаемых форм для всех говоров южнославянских языков, поскольку в сербских памятниках письменности фиксируются отдельные случаи употребления варианта *mani*: *које dobre mani učinis?*³ (Притча об Александре).

В сербско-хорватской и болгарской письменности до XV в. включительно фиксируются два варианта дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица — *тепе* (*менѣ*) и *тпѣ* (*мнѣ*). В период до XV в. основным образованием падежа в этих языках являлся вариант *тпѣ* (*мнѣ*): среднеболг.: *приидѣте къ мнѣ* въси труждаешисе и обрѣмѣнни и азъ упокоен ви (М., IX, 17); *дадите мнѣ* то оржжие (Tr. pr., стр. 182); и ту *мне* рѣша: съниди въ Солунь (Сол., стр. 282); и доде *къ мнѣ*, а що ей купил, а оно стоит у къмъ ханешова (В., стр. 131); др.-с.-хорв.: *жаждеи да гредеть къ мнѣ* (Сп. св. Саве, стр. 15); И тако приде къ мнѣ повелѣніе общ(е) ѿ вѣсѣх царя (Ст. срп. зап., № 245, 1427 г., стр. 77); *Уви, Уви, лута горе мне* грѣшному рекомому Михаилу! (Ст. срп. зап., № 1795, 1682 г., стр. 429); Благоприѣтно же *мынѣ* семоу въспомѣнутию ражджаємъ (Зак. спом., № 46, 1380 г., стр. 449); и то ѿ єего milostiu božieju danoju *тпѣ*, а pripisi ne vim (Ljet. hrv., стр. 37); Йошће ако разбойника зврхъ мое шкоди найдѹ *к мнѣ* то есть *мне* шкодѹ чинић (З. Вин., стр. 95).

Показания древнесербских памятников письменности, написанных под значительным церковнославянским влиянием, могут быть не характерными для народного языка сербов. О церковнославянском характере формы *мнѣ* свидетельствует и анализ текстов, в которых данные примеры обнаружены.

Однако односложный вариант дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица фиксируется и в некоторых хорватских памятниках, написанных языком, далеким от церковнославянского.

Употребление варианта *мнѣ* не ограничивается „цитатами из литургических памятников“⁴ и в среднеболгарских памятниках: форма *мнѣ* фиксируется в Троянской притче, Солунской легенде, деловых среднеболгарских документах периода XV—XVI вв., в текстах, написанных далеким от церковнославянского языком.

С конца XIV — начала XV в. в среднеболгарской и древнесербской письменности начинает фиксироваться двусложная форма дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица, с XVII в. ставшая единственным образованием падежа. Средне- и новоболг.: ви есте *мене* помагали (В., XLIII, стр. 65); да ходит въсегда *к мен* ваш чловѣкъ (В., CCIX, стр. 250); и ре; ѿ тѣжко *менѣ*

³ Отмечена А. Беличем в кн.: „Историја српскохрватског језика“, књ. I. Београд, 1951, стр. 247.

⁴ С. Б. Бернштейн. Развыскания в области болгарской исторической диалектологии, т. I, стр. 328.

(Копр., стр. 38); давы дам. дайте ивые мёне югде знаете (Любл., стр. 485); др.-с.-хорв.: и ратко биль приель к себи юпчину за то мени нѣ делга (Ст. срп. п., I, № 78, 1355 г., стр. 71); ѹзимаа нека греде ювамо к мене (Ст. срп. п., II, № 1056, 1462 г., стр. 445); и одвише завеза и Доубровник и вса опћина мене господиноу выводи Сандалу (Зак. спом., 1419 г., стр. 325); Iao meni, што је ово? (Drž., стр. 162); ер Ѯе и мени боље бит (Дубр. др., стр. 161); Iaox мени вазда! (Дунд, стр. 22).

Современным говорам болгарского и сербско-хорватского языков односложный вариант дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица неизвестен.

В древнесловенских памятниках письменности отмечена двусложная форма *meni*: kyt so meny malu voly veliku (Conf. gen., стр. 172), Meni ye bug vso oblast dall Meni ye vse poduergal (Сок. П. Труб., стр. 270); kateri si meni dal od tiga suita (Сок. П. Труб., стр. 329); taki pomagai meni Bog otsha, Bog Syn (Slov. Schwurf., стр. 476).

Двусложный вариант дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица характеризует, и все современные словенские говоры. Ф. Рамовш говорит о сохранении первичной формы *tne* в корошской группе говоров⁵. Устойчиво употребляется односложный вариант изучаемого местоимения и в резьянском говоре словенского языка; в форме *mloë* резьянских говоров Ф. Рамовш видит тоже „сохранение первичной формы“⁶. Отсутствие древних резьянских текстов не дает возможности интерпретировать данную форму в резьянском говоре словенского языка: в данном говоре она могла быть действительно „первой“ формой дат.-мест. ед. и возникнуть благодаря аналогическому выравниванию по односложной для данной группы говоров форме род.-вин. ед.

Таким образом, рассмотрение истории форм дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица в южнославянской группе языков не дает оснований для сколько-нибудь безусловного определения исходной для данной группы языков формы. По-видимому, в говорах праславянского, легших в основу образования южнославянской группы языков, единой формы изучаемого местоимения и не существовало: часть этих говоров характеризовалась наличием односложного варианта **tne* (*tъne* в более древний период), другая — более обширная группа говоров — имела двусложный вариант **menē*. Ареалы этих форм в поздний период праславянского языка вырисовываются нечетко, поскольку данные древних письменных памятников южных славян и их современных говоров противоречивы.

⁵ F. Ramovš. Morfologija slovenskega jezika, стр. 83.

⁶ Там же.

2. Западнославянские языки

В западнославянских языках фиксируются два варианта дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица. Не обнаруживают колебаний в употреблении формы дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица чешский и словацкий языки. В истории этих языков и современном состоянии их говоров вполне последовательно фиксируется односложный вариант *mne*: Др.-чешск.: *Kto se chce mne protiviti?* (Dal. chr., стр. 132); *všaks všicku svú snažnost' obrátil ke mne* (Štíť. Kn. šest., стр. 18); а zwláště s Hrádku hory *mne* od swrchupsaných pánów Pražan postúpené (Záp. Štern., N 15, стр. 151); žet' jiného *při mne* není (Psaní V. Pernšt., N 2, стр. 71); řekl jest *mne*, abych jemu řekl (Vyp. kn. svěd., XII, N 2, стр. 309); Др.-слвц.: zase *mne* a jeho dětem má být to hospodárství (Kn. žil., N 71, 1468 г., стр. 121); а panie *mnie* laskavi (Stred. č. I., N 21, 1480 г., стр. 37); maju a myti budu *ke mnie*, k Dorotie (Slov. I., N 13, 1512 г., стр. 104); pan Erssek gehoti bol *mne* roskazal abych (Kremn. I., 1565 г., стр. 35).

Факты польского языка в отношении дат.-местн. ед. местоимения 1-го лица противоречивы и допускают возможность их двоякого объяснения.

В большей части древнепольских памятников письменности употребляется односложная форма *mne* (представленная в различных графических вариантах — *mnye*, *mne*, *mnię* и т. п.): *dal jest mne* (Flor., стр. 12); *postawyly mnye* (Puł., стр. 276a); *aby ty k(u) mnie ... na gody przyszedł moje* (K. Gn., стр. 41); *Jako mnie wsebor dal zemę* (Kur. Wolf. Zap., N 105, 1422—1424 гг., стр. 9); а *ku mnie sie veiekac będącymi* (Wyb. t. st.-р., стр. 13, Rej).

В отдельных польских памятниках фиксируется двусложный вариант дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица *mene*: *vczinil se iest mene gospodzin u utok* (Flor., стр. 93); *giszto se przeczwiawię mene* (Flor., стр. 34); *rozumey mene* (Flor., стр. 54); *Jako mene Michał podyał się za oczcza szedmi kop placzicz* (Kur. Wolf. Zap., N 93, 1422—1424 гг., стр. 8); *Jako chrzczon winowad mene szesznaczce grossow* (Kur. Wolf. Zap., N 98, 1422—1424 гг., стр. 8); *Jako mene Stanisław winowad czitirdzeszczi grossow* (Kur. Wolf. Zap., N 70, 1422—1424 гг., стр. 6); *Jako mene Jan neranczil kopi zakon* (Kur. Wolf. Zap., N 72, 1422—1424 гг., стр. 7).

Среди полонистов единого мнения относительно характера этой формы нет. В. Ташицкий вообще выражает сомнение в существовании формы дат. ед. *mene* в истории польского языка, считая ее графическим вариантом формы *mnię*, явившимся в результате распространения в польской графике „вставного *e*“ в группе труднопроизносимых согласных⁷. Б. Линдерт считает,

⁷ W. Taszycski. Formy celownika liczby pojedyńczej zaimka osobowego 1 os. w polszczyźnie średniowiecznej. — „Sprawozdania z posiedzeń Towarzystwa Naukowego Warszawskiego“, t. 25. Warszawa, 1932, стр. 14.

что она возникла в результате „выравнивания“ формы род. ед. *mienie* и дат.-мест. *tpie*, охватившего „раньше“ территорию Малой Польши⁸.

Факт хронологической ограниченности употребления двусложного варианта дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица в польском рамках XV в. свидетельствует в пользу предположения о том, что форма *tipe* явилась в результате морфологического преобразования более древнего односложного варианта *tpie* по типу род.-вин., имевшего до XV в. *e* в основе, в более поздний период утраченный.

Нельзя, однако, отрицать и возможности рассмотрения данной формы в польском как сохранения архаичного праславянского образования, тем более, что данные полабского языка свидетельствуют в большей мере о том, что часть празападнославянских говоров характеризовалась наличием формы дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица с *ь* в основе — *тьпе*: в формах *tānā*, *tāp*, употреблявшихся в полабском языке времени его сохранившихся памятников параллельно с образованием *mine* в значении род.-вин. и дат.-мест. ед., исследователи обычно видят исконные формы дат. ед., корневой гласный которых является результатом прояснения редуцированного в первоначальной форме *тьпē*⁹.

Данные языков праляшской группы говоров — лужицких и кашубского — ограничены в отношении изучаемой формы: древнелужицкие памятники письменности, фиксирующие форму дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица, восходят лишь к периоду XVI в.; древние памятники кашубской письменности отсутствуют вообще, а современным кашубским языком полная форма дат.-мест. ед. утрачена. Поэтому нет оснований для определенных реконструкций формы дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица в различных говорах праславянского, легших в основу образования западнославянской группы языков. Значительная часть этих говоров характеризовалась наличием односложного варианта **tpe*, некоторая их часть имела двусложный вариант **тьпē*, корневой редуцированный которого позднее прояснился в *e* или *a*. Ареалы этих форм не могут быть определены на основе имеющегося в нашем распоряжении материала.

3. Восточнославянские языки

Современные восточнославянские языки обнаруживают колебания в образовании дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица, дающее основания для различного определения исходной для данной группы языков формы.

⁸ B. Lindert. Forma genetivu i dativu sing. zaimka osobowego *mnie* obok *mienie* w języku staropolskim, стр. 16.

⁹ A. Schleicher. Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache, стр. 261; T. Lehr-Sławinski. Gramatyka polabska, стр. 185.

Наличие двусложного варианта изучаемого местоимения в украинском языке и отдельных русских говорах обусловило то, что некоторые русисты сочли возможным рассматривать вариант *менѣ* как „новообразование общерусской эпохи“¹⁰.

В древнерусской письменности фиксируется только односложная форма *мнѣ*¹¹: оуже *мнѣ* мужа своего не крѣсити (*Лавр.*, стр. 56); а выходъ ти *мнѣ* давати по тому, какъ еси даваль *мнѣ* после отца моего (*С. Г. Гр.*, № 97, 1473 г., стр. 235); а то ти *мнѣ* повѣдати въ правду (*С. Г. Гр.*, № 27, 1362 г., стр. 44); а *мънѣ* не вѣдасть ничъ (*Б. гр.*, № 9, стр. 195); (*и*)выткала и ты *ко мнѣ* пришли (*Б. гр.*, № 21, стр. 197) и др.

Односложный вариант *мнѣ* продолжает оставаться единственным образованием падежа и в старорусских памятниках письменности различной территориальной отнесенности: А *мнѣ*... отъ своего государя... не отъехати (*С. Г. Гр.*, № 189, 1566 г., стр. 534); Начал *мнѣ* говорить: попъ ли ты или роспопъ? (*Аввак.*, стр. 22); *мне* про все ведомо (*А. хоз. Мор.*, № 29, стр. 24).

Форма *мне* характеризует и большую часть современных русских говоров.

Двусложный вариант дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица фиксируется в ряде северорусских говоров — в Карело-Финской, Архангельской, Ленинградской, Псковской, Новгородской, Вологодской, Кировской областях, в некоторых южнорусских говорах и в Саратовской, Куйбышевской, Чкаловской и других областях.

Изучившая территорию распространения формы *мене* в русских говорах Е. С. Скобликова отмечает, что данная форма „чаще всего указывается параллельно с литературной формой *мне*“, что свидетельствует, по-видимому, о неустойчивом характере ее в говорах.

Западнорусской письменности двусложная форма дат. ед. местоимения 1-лица неизвестна. Отсутствует она и в современных белорусских говорах. А. А. Кривицкий отмечает ее распространение лишь в ряде пограничных с украинским языком говоров — в Пинском, Мозырском и Кобринском уездах¹², в которых форма дат. *мені* может быть обусловлена украинским влиянием.

Староукраинские памятники письменности до XVI в. включительно не дают даже отдельных примеров употребления

¹⁰ Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, стр. 257.

¹¹ Иные написания названной формы, имеющие место в древнерусских памятниках письменности, являются графическими вариантами и не приводятся нами во внимание.

¹² А. А. Кривицкий. Формы асабовых і зваротнага займеннікау сучаснай беларускай мовы в іх гісторыі, стр. 74.

двусложной формы дат.-мест. ед. 1-го лица. Первые примеры употребления этой формы фиксируются лишь в XVII в. Л. А. Булаховский в качестве наиболее раннего примера формы *мені* приводит употребление ее у П. Берынды и в „Адельфотесе“¹³, С. Ф. Самойленко — в „Песне про казака и Кулину“ 1625 г.¹⁴

В XVII—XVIII вв. форма *мені* получает широкое распространение в староукраинской письменности: Бѣ правдивый далъ *минѣ* вымову такуи (Гал. Н. Нов., стр. Г); абы назад їдати *минѣ* албо моим дѣтем (Паньк. Покр. зап., стр. 38, № 3, 1726 г.); и *минѣ* жадное користи з того нѣмати (Акт. кн. Полт. ур., № 20, стр. 20); Кость *мині* веліль служити за золотый (Лелекач. Пам., стр. 222); 8 нивокъ *мині* да(н)но за служныя на орекъ (Лелекач. Пам., стр. 222); Кажи *мині* як живеш, та и як ся маеш? (Хр. укр. л., стр. 174, Я. Гаватович).

В настоящее время образование *минѣ* воспринимается как „диалектная“, „антинормативная“ форма в современном литературном украинском языке¹⁵.

Древняя односложная форма дат. ед. местоимения 1-го лица сохраняется лишь отдельными западноукраинскими говорами, причем территория ее распространения становится все более узкой: изданные диалектологические описания западноукраинских говоров, относящиеся главным образом к началу века, фиксируют параллельное употребление форм *мені* и *минї*¹⁶; в материалах, собранных для составления ДАУ на этой же территории, в настоящее время отмечается лишь спорадическое употребление односложного варианта. По-видимому, процесс вытеснения односложного варианта дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица в настоящее время близок к завершению.

Мы считаем возможным рассматривать двусложную форму дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица в восточнославянской группе языков как новообразование позднего времени, возникшее на почве отдельных восточнославянских языков в результате общей тенденции развития этих форм — унификации основы дат.-мест. ед. по типу двусложной основы род.-вин. ед. Исходной для восточнославянских языков формой, характеризовавшей все правосточнославянские говоры, был односложный вариант **тпѣ*.

Нет, таким образом, сомнения в том, что различные праславянские говоры характеризовались различными вариантами

¹³ Л. А. Булаховський. З історичних коментаріїв до української літературної мови. „Мовознавство“, т. X. Київ, 1952, стр. 87.

¹⁴ Історична граматика української мови“. Київ, 1957, стр. 245.

¹⁵ Л. А. Булаховський. З історичних коментаріїв до української літературної мови, стр. 87.

¹⁶ Ср. I. Jan ów. Gwara małoruska Moszkowiec i Siwki Naddniestrzańskie z uwzględnieniem wsi okolicznych, стр. 81; I. Свенціцький. Бойківський говор с. Битля, стр. 124, 126 и др.; В. Шухевич. Гудульщина, ч. III, стр. 118, 119 и др.; О. Брокъ. Угрорусское наречие с. Убли, стр. 96.

дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица. Праславянским говорам, легшим в основу образования южнославянской группы языков, были известны две формы дат.-мест. ед. — **tne* и **tepē*. Праславянские говоры, давшие начало западнославянским языкам, в значительной своей части характеризовались вариантом **tne*, однако некоторой их части был известен и вариант с ь в корне — **t'pē*, сохранявшийся отдельными говорами после общей утраты редуцированных в названной форме. Подобное предположение основывается на том, что в полабском языке фиксируются образования *tane*, *tap*, в корневом гласном которого можно видеть лишь прояснение древнего редуцированного в форме **t'pē*.

Есть основания предполагать, что форма с редуцированным ь в основе сохранялась и отдельными праславянскими говорами, легшими в основу образования южнославянской группы языков: в форме *tapē*, отмечаемой в отдельных сербско-хорватских памятниках, можно видеть изменение древней формы *t'pē*, аналогичное соответствующей форме полабского языка.

Правосточнославянскому диалекту была известна лишь односложная форма *tpe*.

Рассматриваемые варианты дат.-мест. ед. местоимения 1-го лица в плане диахроническом представляют одну форму, различия корневого гласного в которой является результатом последовательных изменений гласного ь в наиболее древнем образовании *t'pē*, реконструированном для древнейшей эпохи праславянского языка О. Гуйером¹⁷. Однако в период поздней истории праславянского языка варианты *tpe* и *t'pē*, сохранившие по отдельным праславянским говорам редуцированный в основе, функционировали как разнодиалектные варианты формы дат.-мест. ед.

II. ОСНОВЫ ДАТЕЛЬНОГО-МЕСТНОГО ПАДЕЖА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА МЕСТОИМЕНИЯ 2-ГО ЛИЦА И ВОЗВРАТНОГО МЕСТОИМЕНИЯ

В наиболее древних памятниках славянской письменности — старославянских и хронологически близких им древнерусских — фиксируются различные варианты дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения — *тебѣ*, *себѣ* и *тобѣ*, *собѣ*.

Устойчивая территориальная относенность тех и других вариантов свидетельствует об их принадлежности к определенным праславянским говорам, т. е. дает основание предполагать наличие древних изоглосс.

Значительные изменения, которым подверглись формы дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения в процессе исторического развития, обусловили несовпадение современного и древнейшего ареалов вариантов дат.-мест. ед. с о и е

¹⁷ O. Hujer. K deklinaci záimen osobních. — SF, roč. II, 1911, str. 200.

в основе. Поэтому одной из задач настоящего раздела работы является восстановление древнейших праславянских ареалов этих форм, без чего невозможно определение исходных для каждого языка форм.

1. Южнославянские языки

Южнославянские языки не обнаруживают колебаний в оформлении дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения, имея вполне устойчивое *e* в основе: Ст.-сл.: ідѣте же паче къ продаїшти мъ і коупите себѣ (Zogr., Mt., XXV, 9); хоштѣ же семоу послѣньюму дати тѣко и тебѣ (Mar., Mt., XX); въсѧ дѣлъ твои оставихъ тебѣ (Савв., Матф., XVIII); средн.-и новоболг.: да сиѣ себѣ нашле съмрътъ, а тебѣ срамоту (Tr. pr., стр. 170); да сътворить ѿвръженіе самъ себе ѿ въсѣх (Бълг. стар., 1451 г., стр. 347); Заарант Иесуса, твоя драга сина, котри за нас при тебе фелелуваі (Черг., № 28, стр. 115); не имаше при себѣ тък'мо цѣната си (Копр., стр. 1); сичко и к тебѣ прибѣгнах (Любл., стр. 552); др.-с.-хорв.: Икои се виногради присудѣ къ тебѣ вино (Ст. срп. п. I, № 22, 1254 г., стр. 20); и ѿбилато к тебѣ и къ твоимъ людемъ (Ст. срп. п. I, № 572, 1418 г., стр. 549); и к себѣ чинити прити (З. Вин., стр. 17); Tebi, sudѣ v Vrbnici, zapovidamo (St. о Krka, стр. 287); da si sam sebi skončan? (Živ. sv. Jerol., стр. 235); др.-словен.: ſam tſchres ſebi gouariſch (Slov. Schwurf., стр., 477); Oni so pag na tim sueitu, inu iest grem htebi (Сок. П. Труб., стр. 329); je toisto oblaſt inu kſjuzhe k'sebi vsela (Rupel. Prisp., стр. 186); my k tebe вруете (Conf. gen., стр. 172).

Отсутствуют колебания в основах дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения и в современных говорах южнославянских языков.

Безусловно, говорам праславянского, послужившим основой образования южнославянской группы языков, были известны лишь формы *tebě, sebě*.

2. Западнославянские языки

Определение исходной формы дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения западнославянских языков представляется весьма сложным.

Значительные различия в ее образовании в ряде западнославянских языков не дают оснований для реконструкции единой формы дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения для всего празападнославянского языка в целом. Необходимо или решить, какой из двух представленных в западнославянских языках вариантов дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица является исконным и какой — развившимся на почве отдельных

языков, или считать оба варианта праславянскими, т. е. исконными для данной группы языков образованиями.

Если на основании большей древности чешской и польской письменности считать исконными формы с основами *tob-*, *sob-*, то формы с *e* в корне, фиксируемые в ряде чешских говоров, а также в словацком, лужецких и полабском языках, или следует интерпретировать как новообразования, развившиеся на почве этих языков в результате выравнивания основ косвенных падежей местоимения 2-го лица и возвратного местоимения, или видеть в них следы древних сходств с праюжнославянскими племенами.

Применительно к чешскому языку этот вопрос был предметом обсуждения богемистов, поскольку постановка его вполне возможна и на основе только чешского языка, знающего и другие образования дат.-мест. ед.

Большая часть ученых считает древнейшими для чешского языка формы *tobě*, *sobě*, а варианты с *e* в основе квалифицирует как возникшие по аналогии с род.-вин. ед.¹⁸ Другие исследователи считают более древними варианты с основами *teb-*, *seb-*¹⁹, а формы *tobě*, *sobě* рассматривают как новообразования позднейшего времени. Характерно, что никто категорически не отрицает возможности противоположного объяснения.

Рассмотрение этого вопроса в общеславянском плане несколько расширяет возможности его решения.

Наблюдения над границами распространения форм дат.-мест. с корневым *e* в западнославянских языках дает основание для предположения о том, что общность основного массива, характеризующегося распространением этих форм, не является случайной, но является результатом древних племенных сходств предков южных славян с западными славянами.

Для ряда западнославянских языков нельзя исключить и иного возможного для этих форм объяснения (см. выше).

Основной массив западнославянских языков характеризуется распространением форм дат.-мест. ед. *tobě*, *sobě*.

Ареал этих форм охватывает территорию, занимаемую польским, кашубским и большей частью говоров чешского языка. Незначительные колебания, наблюдавшиеся в отдельных говорах этих языков, являются результатом происходящего в настоящее время процесса выравнивания основ косвенных падежей этих местоимений.

Однако вопрос о характере форм дат.-мест. ед. с корневым *e* в чешском представляется исключительно важным, поскольку

¹⁸ J. Gebauer. Historická mluvnice jazyka českého, d. III, str. 528; F. Trávníček. Historická mluvnice československá, str. 355.

¹⁹ A. Dostál. Nástin dejin českého a slovenského jazyka. Praha, 1956, str. 143.

в части эго говоров эти формы имеют значительное распространение.

Формы *tobě*, *sobě* представляют собой вполне устойчивые образования дат. ед. в древнечешском языке.

В памятниках древнечешской письменности фиксируются только формы дат.-мест. ед. с основами *tob-*, *sob-*: Beda **tobě**, moj stary vinniku (Dal. chr., стр. 132); abych nehřešil **tobě** (Štíť. Kn. šest., стр. 4); Gdys szie plodem zzbosem chciuge Prones **tobyte** iednemu (Mar., стр. 120); přivolavši k **sobě** richtéra (Vyp. kn. svěd., XII, N 1, стр. 312); a žet' sem měl **tobě** žalovati naň (Dop. Zw., N 30, стр. 242); abychwa **sobě** pojistili, já **tobě** a ty mně provšechno (Sezn. svědk., стр. 173); ačbych nemohl přát'el při **sobě** jmieti (Záp. Štern., N 3, стр. 140).

Современные чешские говоры характеризуются весьма широким распространением форм дат.-мест. ед. с *e* в основе, не известных древнечешской письменности.

Несоответствие древнего и современного употребления изучаемых форм в чешском языке может свидетельствовать и „об отсутствии диалектной дробности древнечешского языка“²⁰ и о позднем возникновении форм дат.-мест. ед. с *e* в основе. Возможно также, что формы дат.-мест. ед. *tebě*, *sebě* существовали в некоторых чешских говорах и в древности, но не находили отражения в письменности.

Примерные границы распространения тех и других форм даны в статье Фр. Травничка, посвященной формам дат.-мест. ед. названных местоимений в чешском: „западные говоры, т. е. говоры в западной и средней Моравии, большей частью имеют формы *tobě*, *sobě*. Лишь... в наречии дудлебском — *tebě*, *sebě*. Восточная часть чешской языковой территории имеет редкие формы с *o* и чаще с *e*. . . . В Силезии формы *tobě*, *sobě* на Ораве, но в западной части *tebě*, *sebě*, как и на Тешинске; . . . на востоке и на юго-востоке Моравии, в группе моравско-словацкой — и те, и другие формы. Формы с *e* более часты в наречии копаничарском на самой моравской границе, в соседстве со словацкими говорами“²¹.

Интересны наблюдения Фр. Травничка над мягкостью и твердостью согласного *t* основы изучаемых им форм, проливающие, по его мнению, свет на их происхождение. Совершенно справедливо отмечая, что „не следует возводить к одному решению все формы с корневым -e“²², Ф. Травничек считает, что часть этих форм произошла из первоначальных форм с корневым *o*,

²⁰ См. Fr. Trávníček. Příspěvky k dějinám českého jazyka. Brno, 1927, стр. 35.

²¹ Fr. Trávníček. České dativy (lokály) *tobě*, *sobě* a *tebě*, *sebě*. — „Сборник въ честь на проф. А. Милетичъ“. София, 1933, стр. 259.

²² Fr. Trávníček. Historická mluvnice československá, стр. 355.

о чём свидетельствует непалатальное *t*, например, в горноостровском *tebě* (вместо прачешского **te* должно было бы быть *c'e*); в другой их части он видит прачешские образования, допуская мысль, что формы дат.-мест. ед. с корневым *e* были характерны для всех праславянских говоров, легших в основу образования чешского языка.

Значительной части чешских говоров известны только варианты с *o* в основе. Они характеризуют собой весь массив западночешских говоров, отмечаются в поленском²³ и полничском²⁴ говорах чешского, в юго-западных чешских говорах в селах Владмерице в Манетинско и в Горном Каменце в Горшково-тынско²⁵, в среднеопавских²⁶, дольских²⁷ говорах, в так называемом „чешском“²⁸ наречии моравских говоров, в с. Радгост²⁹, фиксируются во всех группах ганацких говоров³⁰, в том числе в босковицком наречии³¹, в говоре Урчиц и окрестностей³².

Лашская³³ и валашская³⁴ группы говоров характеризуются параллельным употреблением форм дат.-мест. ед. с основами *tob-*, *sob-* и *teb-*, *seb-*, хотя в отдельных лашских говорах употребляются только формы дат.-мест. ед. с *o* в корне³⁵.

Для решения вопроса о генезисе форм дат.-мест. ед. с основами *teb-*, *seb-* не может быть безразличен факт их территориального распространения внутри чешских говоров: чем больше удалены чешские говоры от границы со словацким языком, тем меньшее распространение в них имеют формы дат.-мест. ед. *tebe(i)*, *sebe(i)*. Граница распространения форм дат.-мест. ед. с корневым *e* уходит в глубь чешских говоров, и это обстоятельство затрудняет объяснение этих форм как заимствованных из словацкого. Однако влияние словацкого языка могло сказаться в том, что процесс выравнивания основы дат.-мест. ед. у местоимения 2-го лица и возвратного местоимения протекал более интенсивно, охватывая большее количество говоров. Не могло не оказаться влияния на этот процесс и наличие гласного *e* в формах тв. ед. этих местоимений.

²³ J. Hošek. Nářečí českomoravské, d. I, стр. 61, 143 и др.

²⁴ Там же, д. II, стр. 31, 75 и др.

²⁵ J. Voráč. Česká nářečí jihozápadní, стр. 87, 92.

²⁶ A. Lamprecht. Středoopavské nářečí, стр. 56.

²⁷ J. Bělič. Dolská nářečí na Moravě, стр. 152.

²⁸ Fr. Bartoš. Dialektologie moravská, д. II, стр. 255.

²⁹ M. Kudla. Moravské národní pohádky, pověsti, obyčeje a pověry. Praha, 1874, sv. 1, стр. 34, 35 и др.

³⁰ Fr. Bartoš. Dialektologie moravská, д. II, стр. 50, 79, 136, 171, 192, 216.

³¹ Fr. Svérák. Boskovické nářečí, стр. 56.

³² Fr. Kopečný. Nářečí Určic a okolí, стр. 91.

³³ Fr. Bartoš. Dialektologie moravská, д. I, стр. 118.

³⁴ Там же, стр. 73.

³⁵ A. Kellner. Štramberské nářečí, стр. 58.

Формы *tebę*, *sebę*, фиксируемые вне основной территории их распространения, вполне объяснимы как формы, возникшие по аналогии с формами род.-вин. ед.

Наличие мягкости согласного *t* в корне не может препятствовать подобному их объяснению: из формы род.-вин. ед. может быть заимствован не только гласный, но и вся основа указанного падежа.

Полную устойчивость в образовании основ дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения обнаруживает польский язык. В древних памятниках, отражающих речь различных областей Польши, фиксируются только формы дат.-мест. ед. с *o* в основе: *wolacz bədø ku tobe* (Flor., 140); *ja na tem to ś'wiecie tako tobie słuzył* (K. Gn., стр. 2); *tegoś oni sobie* nic otrzymajq (K. Gn., стр. 11); *lubo bədz tobie* (Puł. 83v); *Jakom ya thobe* kopø dal (Kur. Wolf. Zap., N 97, 1422—1424 гг., стр. 8); *sprawię ia to tobie zá dwie scie złotych* (Wyb. t. st.-p., стр. 27, Rej); *Sámišaie tylo sobie* tyráimámi (Wyb. t. st.-p., стр. 120, Skarga); *Poblagosławią tobie* Rodzicy (Wyb. t. st.-p., стр. 196, Pasek).

Формы дат.-мест. ед. с корневым *o* характеризуют и большую часть современных польских говоров.

Только в отдельных говорах польского языка отмечается параллельное употребление форм дат.-мест. ед. с основами *tob-*, *sob-*, *teb-*, *seb-*.

Параллельное употребление форм дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения в силезских говорах³⁶ отражает, по-видимому, черту словацкого, а не польского языка, поскольку ляшские говоры по происхождению являются чешскими или моравскими³⁷.

Употребление формы дат.-мест. ед. с *e* в корне в иных польских говорах — в говоре Лопенна и окрестностей в северной Польше³⁸, в говоре Сходни³⁹ и окрестностей и др. — свидетельствует о происходящем в настоящее время процессе унификации основ косвенных падежей, но не о сохранении древнего церковнославянского образования, как предполагает П. Голуб⁴⁰.

Безусловную близость с польским в отношении форм дат.-мест. ед. изучаемых местоимений обнаруживает кашубский язык, говорам которого известны только формы с основами *tob-*, *sob*⁴¹.

³⁶ K. Nitsch. Dialekty polskie Śląska, cz. I, стр. 122.

³⁷ А. М. Селищев. Славянское языкознание, I, стр. 188.

³⁸ A. Tomaszewski. Gwara Łopienna i okolice w północnej Wielkopolsce, стр. 70.

³⁹ P. Gołąb. Gwara Schodni i okolice, стр. 115.

⁴⁰ Там же, стр. 116.

⁴¹ См. F. Lorentz. Geschichte der pomoranischen (kaschubischen) Sprache. Berlin—Leipzig, 1925, стр. 156; е го же. Gramatyka pomorska. Poz-

Если вслед за А. Гильфердингом⁴² считать кашубский отдельной прибалтийской ветвью ляшского наречия, то для всей ляшской группы в целом реконструируемая форма дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения будет несомненно одна — **tobē*, **sobē* (о формах дательного *tibē* в полабском, относимом к этой же группе языков, см. ниже).

Основную трудность в объяснении истории форм дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения в западнославянских языках представляет словацкий язык.

Трудность решения вопроса об исконных для словацкого языка формах дат.-мест. ед. значительно усугубляется отсутствием достоверных в отношении морфологических характеристик памятников словацкого языка. В ряде случаев решение о принадлежности формы, отмеченной в словацком памятнике, к чешскому или словацкому языку является невозможным.

Во всех изученных нами памятниках словацкого языка, т. е. документах, территориально относимых к областям, населенным словаками, фиксируются почти исключительно формы *tobē* (-ie, -e), *sobē* (-ie, -e). Лишь однажды в древнейшем памятнике, писанном народным языком в Словакии, — в Жилинской книге — в записях, относящихся к XV в., нами отмечена форма дательного с *e* в корне — соž jest šlo na ty siroty, **k sebe** tym obyčajem (Kn. žil., № 60, 1460 г., стр. 115). В остальных случаях — многочисленные примеры употребления форм *tobē*, *sobē*: když jest matka tvá přišla zasé **k tobē** k Polsky (Kn. žil., № 88, 1481 г., стр. 133); donud **sobē** muže by nepojava (Kn. žil., № 63, 1462 г., стр. 117); a peczeti **sobie** nezgednal (Stred. č. l., № 49, 1508 г., стр. 82); ma se **tobie** powratiti zolezneg poklodnicze (Kremn. l., № 2, 1569 г., стр. 342); abyh **sobe** veci potrebne včas zjednati muohel (L. pod., № 9, XVII в., стр. 42).

Формы дат.-мест. ед. с корневым *e* являются в словацкой письменности лишь в XVIII в., когда словацкий язык начинает применяться как литературный язык словаков: protož jedneho meho syna držim **pri sebe** (L. pod., № 65, 1721 г., стр. 111); Ale lem som na vartu šol dopolandna a popolandnu som **sebe** najal na panske (L. pod., № 161, 1786 г., стр. 241); ale dal ma **k sebe** žavolat (L. pod., № 166, 1786 г., стр. 246).

Таким образом, основания, которыми мы располагаем для решения вопроса об исконных формах дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения в словацком, незначительны: это пример употребления форм дат. ед. местоимения 2-го лица из Мариинской песни 1380 г., приведенный Я. Стани-

nań, 1927—1934, стр. 917; его же. Teksty pomorskie (kaszubskie), zesz. 3. Kraków, 1925, стр. 609, 611 и др.; G. Bronisch. Kaschubische Dialekstudien. Leipzig, 1898, и др.

⁴² А. Гильфердинг. Остатки славян на южном берегу Балтийского моря. СПб., 1862, стр. 80.

словом наряду с иными словакизмами в качестве наиболее древнего примера употребления формы с корневым *e* — дат. *tebye*⁴³, и пример, отмеченный нами в Жилинской книге, — *k sebe* (Кн. žil., стр. 115, № 60), относящийся к XV в.

Эти примеры могут свидетельствовать о том, что в период XIV—XV вв. словацкий язык уже имел формы дат.-мест. ед. *s e* в основе. Факт употребления в словацкой письменности XVIII в. только форм с корневым *e* свидетельствует об отсутствии колебаний в речи словаков в отношении рассматриваемых форм в XVIII в.

Таким образом, данные древних текстов не дают прямого ответа на вопрос об исконных формах дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения в словацком языке.

Современное распространение форм дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения в словацких говорах не может даже приблизительно отразить древнейшего распространения тех или иных форм по причине позднего заселения Словакии и значительных передвижений словацких племен; затрудняет использование данных словацкого языка для восстановления древнего состояния и значительные языковые воздействия на словацкий язык со стороны польского, чешского и украинского языков. Тем не менее именно данные словацкой диалектологии должны сыграть решающую роль при решении вопроса о характере изучаемых форм в словацком.

Западнословацкие говоры, обнаруживающие близость с чешско-моравскими, характеризуются параллельным употреблением форм дат.-мест. ед. *s o* и *e* в основе. В восточной части моравских говоров отмечены варианты дат.-мест. ед. *s o* в основе, а в населенных пунктах Говорани, Мутенцы, Подлужье, относящихся к той же группе говоров, — формы *tebe*, *sebe*⁴⁴; в разноречиях Странском, Аленковском, Грозенковском угорско-словацких говоров — варианты *s e* в основе⁴⁵, в Липовском, Радеевицком, Блатницком той же группы говоров — варианты с основой *tob-*, *sob-*⁴⁶.

Параллельное употребление тех и иных вариантов дат.-мест. ед. в западнословацких говорах может быть объяснено переходным или переселенческим их характером.

Среднесловацкие и восточнословацкие говоры имеют вполне устойчивое *e* в основе дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения.

⁴³ J. Stanislav. *Dejiny slovenského jazyka*, d. I. Bratislava, 1956, стр. 42.

⁴⁴ Fr. Bartoš. *Dialektologie moravská*, d. I, стр. 31.

⁴⁵ Там же, стр. 35, 37, 42.

⁴⁶ Там же, стр. 35, 37.

Варианты *tebe*, *sebe* фиксируются в Унгской⁴⁷, Шаришской⁴⁸, Земплинской⁴⁹, Спишской⁵⁰ столицах, расположенных в области восточнословацких говоров, в Комарнянском и Веспремской столицах в Венгрии, в южной части Керепешского округа, в северо-западной части Венгрии⁵¹, в говоре Погорелой, бывшей Гемерской жупы⁵², в н. п. Долгая Лука Бардеевского округа⁵³.

Формы дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения с о в основе в области восточнословацких говоров отмечены в с. Ключнове на границе Спишского и Шаришского округов, т. е. в районе интенсивного польского влияния⁵⁴.

Современные среднесловацкие говоры, пережившие значительные изменения в отношении своего первоначального расположения, характеризуются наличием форм дат.-мест. ед. с корневым *e*. Формы дат.-мест. ед. *tebē*, *sebē* отмечаются в липтовских⁵⁵, брезнянском⁵⁶ говорах, в Гонтиянской и Новоградской столицах в Венгрии⁵⁷, в ряде горнооравских говоров⁵⁸.

Таким образом, варианты дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения с *e* в основе можно считать основными формами падежа для всего словацкого языка в его говорах. Формы с о в основе в настоящее время следует, как кажется, рассматривать как иноязычное образование, проникающее в словацкие говоры, граничные с чешскими, из чешско-моравской языковой области.

В историческом плане формы дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения с корневым *e* в словацком допускают возможности различного объяснения: в них можно видеть и унаследованные из праславянского образования и рассматривать их как новообразования, развившиеся на почве словацкого языка.

Учитывая особенности территориального распределения форм *tebē*, *sebē* в словацком, мы склонны считать эти формы полу-

⁴⁷ S. Czambel. Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov, I, стр. 408, 410 и др.

⁴⁸ Там же, стр. 263, 300 и др.

⁴⁹ Там же, стр. 358, 385 и др.

⁵⁰ Там же, стр. 210, 222 и др.

⁵¹ J. Stolz. Nárečie troch slovenských ostrovov v Maďarsku, стр. 127, 262, 353.

⁵² G. Horák. Nárečie Pohorej. Bratislava, 1955, стр. 77.

⁵³ F. Buffa. Nárečie Dlhéj Lúky v Bardejovskom okrese, стр. 93.

⁵⁴ Zd. Stieber. Zarys dialektologii języków zachodnio-słowiańskich z wyborem tekstów gwarowych. Warszawa, 1956, стр. 114.

⁵⁵ J. Stanislav. Liptovské nárečia. Turč. Martin, 1932, стр. 431.

⁵⁶ J. Mihál. Charakteristika breznianského nárečia. — „Jazykovedné štúdie“, II. Dialektológia. Bratislava, 1957, стр. 201.

⁵⁷ P. Ondrus. Stredoslovenské nárečia v Maďarskej ľudovej republike, стр. 118.

⁵⁸ E. Pauliny. Nárečie zátopových osád na hornej Orave, стр. 80.

ченными западными славянами из южнославянской области в период тесных контактов западных славян с южнославянскими племенами. При этом следует учитывать тот факт, что „перед занятием Угорской низменности уграми резкой границы между западнославянскими и южнославянскими племенами не существовало“⁵⁹, почему следы древних контактов могли сохраниться до настоящего времени.

Следует учитывать и наличие словенско-словацкой изоглоссной области, свидетельствующей о том, что „предки словенцев и словаков в течение длительного времени находились в тесном общении“⁶⁰.

В том, что формы *tebē*, *sebē* в словацком являются „югославизмом“, полученным в эпоху территориальных сходений словаков с южнославянскими племенами, убежден С. Б. Бернштейн, указывающий на образование дат.-мест. ед. с корневым *e* как на формы, проникшие в словацкий язык и вытеснившие исконные формы *tobē*, *sobē*⁶¹.

Любое решение вопроса не мешает реконструкции формы дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного для говоров праславянского, лёгших в основу образования западнославянской языковой группы, только с корневым *o*.

Значительные отличия в структуре дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения от всех западнославянских языков обнаруживают лужицкие и полабский языки, имеющие *e* в основе изучаемых местоимений.

Значительная удаленность территорий, занимаемых этими языками, от основного массива западнославянских говоров, характеризующегося наличием форм дат.-мест. ед. с основами *teb-*, *seb-*, не дает оснований для объяснения форм дат.-мест. ед. в лужицких и полабском аналогично с соответствующими формами словацкого языка.

В привлеченных нами древнелужицких текстах вполне последовательно фиксируются формы дат.-мест. ед. с корневым *e*: *Jaſo ktebi wolam natem* (Oberwend. Kat., стр. 95—45₁₃); *ia tebē ſakaſal bſch* (Oberwend. Kat., стр. 97—60₁₇); *twoiei ſmilnei dobrōte k ſebi bereme* (Oberwend. Kat., стр. 77—12₁₂); *Tehodla poſ, nagu ga tebi moge hrechi* (Mart. ps., стр. 7); *Tebi ſamemu ſum ga ſbreschil* (Mart. ps., стр. 10); *Ja ſo czakuju tebi muj nebeſki Wocze* (Rukop. ag., стр. 46).

Формы дат.-мест. ед. с *e* в основе употребляются и в современных лужицких говорах: *Njebjęſ ſeſje drugeje* (Delnl. p.,

⁵⁹ Zd. Stieber. Zarys dialektologii języków zachodnio-słowiańskich, стр. 13.

⁶⁰ С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков, М., 1961, стр. 79.

⁶¹ Там же.

№ 25, стр. 15); *Zaslužy sebje* kokošku (Delnl. p., № 12, стр. 9); *Priídź Boh k tebi* (Mar. cékn., стр. 106); *a da won tak sebi, při sebi praji* (Sil. 56/004); *tesak maš při sebi* (Sil. 53/63); *modlimh se k tebi* (Muž. podr., стр. 119). Отмечает формы дат.-мест. ед. с основами *teb-*, *seb-* в мужаковском говоре Л. В. Щерба⁶².

Формы изучаемых местоимений с *o* в основе фиксируются лишь в „Новом Завете“ Якубицы от 1548 г.⁶³ Наличие их в этом древнейшем памятнике лужицкой письменности дает основание специалистам по лужицким языкам считать формы с *o* в основе древнейшими, а широко представленные в более поздних памятниках письменности и в современных говорах образования с основами *teb-*, *seb-* рассматривать как более юные⁶⁴.

Подобная интерпретация форм дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения в лужицких языках соответствует предполагаемой нами реконструкции этих форм в западнославянском языке.

Последовательное *e* в основе изучаемого местоимения обнаруживает полабский язык: *Johss zang Tibbe zöhg rietzat* (Гильф., № 3, стр. 15); *Tibbe Johss rietzang* (Гильф., № 53—54; стр. 22). Отсутствие более древних памятников полабской письменности не дает возможности интерпретировать эти формы в историческом плане.

Таким образом, мы считаем возможным считать, что говоры праславянского, легшие в основу образования западнославянской группы языков, характеризовались вариантами дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного с основами *tob-*, *sob-*. Формы с *e* в основе, характеризующие современный словацкий язык, могут рассматриваться и как полученные западными славянами в период их территориальных сходений с южными славянами и как развившиеся на почве словацкого языка в результате устраниния супплетивизма основ косвенных падежей. Ареал форм *tebē*, *sebē* свидетельствует в пользу предположения о том, что данные формы являются в словацком югославизом, полученным в период сходений словаков с южнославянскими племенами.

Аналогичные варианты дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения в лужицких и полабском языках могут быть объяснены как возникшие в результате аналогического выравнивания основы дат.-мест. ед. по род.-вин. ед. изучаемых местоимений.

⁶² Л. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915, стр. 106.

⁶³ E. Mücke. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache, стр. 386.

⁶⁴ Там же, стр. 386; K. Meyer. Der oberwendische (obersorbische) Katechizmus des Warichius (1597), стр. 28.

3. Восточнославянские языки

Восточнославянские языки обнаруживают в своем современном состоянии значительные различия в оформлении дат.-местн. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения. Русский язык в значительной части своих современных говоров имеет *е* в основе изучаемых форм, украинский и белорусский — вполне последовательное, почти неварьирующееся по говорам корневое *о* (исключение составляют отдельные украинские говоры, о которых ниже).

Причины подобного различия в формах близкородственных языков, восходящих к единому языку-основе, в науке не выяснены. Существует ряд различных мнений, весьма противоположных в своей основе.

Наличие в древнейших памятниках восточнославянской письменности обеих разновидностей форм дат.-местн. ед. местоимения 2-го лица и возвратного — *тобѣ*, *собѣ* и *тебѣ*, *себѣ* — и их наличие в современных говорах восточнославянских языков дает основание считать обе эти формы восходящими к праславянской эпохе. Эта точка зрения является весьма распространенной в русистике; ее придерживается ряд авторов и в настоящее время⁶⁵.

Наблюдения над употреблением тех и других образований в памятниках древнерусской письменности различной жанровой отнесенности с учетом стилистических особенностей этих памятников дало нам основание утверждать, что единственными прарусскими формами были варианты *с о* в основах — *tobě*, *sobě*⁶⁶.

Подобное мнение высказывали на основе изучения отдельных памятников древнерусской письменности Б. М. Ляпунов⁶⁷ и С. П. Обнорский⁶⁸, однако их наблюдения, основанные на изучении лишь нескольких памятников письменности, остались недостаточно доказанными.

Предпринятый нами пересмотр значительного количества памятников русской письменности убедил нас в безусловной правильности этих предположений.

Изучение истории форм дат.-местн. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения в белорусском и украинском языках подтвердило высказанное нами в работе по русскому языку мнение.

⁶⁵ Ср. точку зрения С. Ф. Самойленко, высказанную им в работе „Из истории восточнославянских местоимений“, стр. 32.

⁶⁶ Подробнее об этом см.: М. А. Гадолина. К истории форм..., стр. 61 и сл.

⁶⁷ Б. М. Ляпунов. Памяти академика Шахматова. — ИОРЯС, т. XXIX, 1924, стр. 72.

⁶⁸ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1948, стр. 100.

В древнейших памятниках русской письменности до XIV в. включительно преобладающими формами дат.-мест. ед. являются варианты *тобѣ*, *собѣ*: затвориша в городѣ, не пустиша **к собѣ** (Новг., стр. 66); тогда же Ярополкъ приведѣ **собѣ** жену, красну вельми (Ипат., стр. 8); **тобѣ** княже достоить блюсти головы своее (Лавр., стр. 119); ни выходомъ не надобѣ **тобѣ** ко Тфери Кашину тянути (С. Г. Гр., № 28, 1368 г., стр. 46); Кдѣ будеть обида Новугороду, **тобѣ** потянути за Новъгородъ съ братомъ своимъ (Гр. Н. Пск., № 5, 1296—1301 гг., стр. 14); гдѣ ни есть Шенкурского погоста, то все Василью **собѣ** и своимъ дѣтямъ въ вѣки (Гр. Н. Пск., № 279, Вага, 1315—1322 гг., стр. 280) (п)ослал — азо **к тоби**. бересто (Б. гр., № 27, стр. 199); ухо **к тебѣ** с васил(ъ)юемъ со желутковымъ (Б. гр., № 25, стр. 199).

Показательным является факт преимущественного употребления форм дат.-мест. ед. с корневым *о* в грамотах светских лиц на фоне последовательного употребления форм *тебѣ*, *себѣ* в грамотах духовенства, в которых формы с *о* в основе являются лишь спорадически: и како **о тебѣ**, господине Бога, умолю, самому ми сущу исполнено всякого дѣла зла? (А. И., 1399—1402 гг., стр. 21); а **тебѣ** ... написана пріяти отъ нашего смиренія (А. И., 1390—1405 гг., стр. 460); ты бо, господине, симъ смиренiemъ велико **себѣ** пріобрѣтаешь спасеніе (А. И., 1399—1402 гг., стр. 21).

Существенные изменения в употреблении форм дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения происходят в русском языке с XIV — начала XV в., когда формы изучаемого падежа с корневым *е* начинают широко проникать в язык светских произведений. В течение XV и XVI вв. формы *тебѣ*, *себѣ* становятся сначала в равной степени употребительными с формами *тобѣ*, *собѣ*, а потом и основными в памятниках древнерусской письменности различных жанров: хотѣли есмы слати **къ тебѣ** своему государю бити челомъ (Пск., стр. 96); посылали **к тебѣ** бояр своихъ (Моск., стр. 319); а **тебѣ** ми, Господине, Великому Князю, не дати (С. Г. Гр., № 38, 1405 г., стр. 71); а в Бѣжицахъ **тебѣ**, князю великому... сель не держати (Г. Гр. Пск., № 19, 1435 г., стр. 35); а купиль сѣбѣ ѿдерень (Дв. гр., № 18, стр. 31); порука **по тебѣ** естьли (Арх. Стр., 1503 г., стр. 110).

Характерно, что вытеснение форм дат.-мест. ед. с корневым *о* быстрее завершается в памятниках письменности центра Московского государства; в памятниках письменности окраинных его частей формы *тобѣ*, *собѣ* продолжают оставаться основными образованиями падежа и в XVI в. Объяснение более длительного сохранения форм дат.-мест. ед. с корневым *о* в языке окраинных частей Московского государства, предложенное мной в работе, посвященной выяснению истории личных форм местоимений

в русском языке, вполне основательно поправлено П. С. Кузнецовым. П. С. Кузнецов считает, что причина более длительного сохранения форм дат.-мест. ед. с о в корне в языке названных памятников заключается не в меньшем влиянии церковнославянского языка в этих областях, а в более длительном сохранении этих форм в местном народноразговорном языке⁶⁹. Примеры употребления форм дат.-мест. ед. 2-го лица с корневым о в речи отдельных носителей северорусских говоров могут свидетельствовать о том, что процесс окончательного вытеснения этих форм на севере не был таким древним, как это можно было предположить на основании моей предыдущей работы.

В XVII в. *тебѣ*, *себѣ* становятся единственными формами изучаемых падежей в письменности, являясь, по-видимому, и единственными формами народноразговорного языка центральных областей.

Вполне вероятно, что появление форм с гласным е в корне не является только результатом церковнославянского влияния. Однако полностью игнорировать этот момент не представляется возможным, поскольку хронологическое совпадение начала широкого проникновения в русскую письменность форм *тебѣ*, *себѣ* с моментом начала действия второго югославянского влияния не может быть случайным. Получив поддержку извне, процесс выравнивания косвенных падежей мог пойти значительно интенсивнее; не исключено также и влияние письменного языка на язык разговорный.

Объяснение причин образования форм дат.-мест. ед. с основами *тоб-*, *соб-*, предложенное Б. М. Ляпуновым⁷⁰, может быть принято лишь в сочетании с морфологическим объяснением происхождения этих форм, а именно, влиянием основ род.-вин. ед. — *теб-*, *себ-*.

Наблюдения над употреблением форм дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения в украинском и белорусском языках подтверждает наше предположение относительно исконности форм дат.-мест. ед. с о в основе в общерусском прайзыке.

Различная роль церкви в формировании юго-западнорусской и западнорусской письменности определила различную специфику развития изучаемых форм в истории украинского и белорусского языков. Значительным ее влиянием в юго-западнорусской языковой области определяется сравнительно широкое распространение форм *тебѣ*, *себѣ* в древнеукраинской письменности. Напротив, в старобелорусском языке формы дат.-мест. ед. с е в основе почти полностью отсутствуют, поскольку влияние церкви

⁶⁹ П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка, стр. 118.

⁷⁰ Б. М. Ляпунов. Памяти академика Шахматова, 1924, стр. 72 и сл.

в формировании западнорусской письменности было незначительным.

В современном украинском литературном языке и в большинстве современных украинских говоров дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения имеет формы с *о* в основе — *тоби*, *соби*. Утверждение этих форм в украинском литературном языке произошло лишь в XVIII в., в эпоху образования украинского национального языка.

В староукраинском языке XV—XVII вв. наблюдается параллельное употребление обоих вариантов дат.-мест. ед. — *тебѣ*, *себѣ* и *тебѣ*, *себѣ*.

В староукраинских памятниках письменности, находящихся под несомненным влиянием церковнославянского языка, относящихся к ораторской прозе религиозно-публицистического характера, отличающихся яркими чертами риторичности, преобладают, а в некоторых случаях являются единственными варианты с *е* в основе: Нехай *тебѣ* Бъ толико дастъ (Огор., стр. 20); такѹ на *себѣ* ѹсность свѣтлости маючіи (Огор., стр. К); аще *тебѣ* угодно подъ Лядскою неволею быти (Граб., стр. 92); Иже слѣтаєши на землю сами *себѣ* не помогутъ (Апокр., VIII, стр. 28); Еже *тебѣ* по мнѣ начнетъ изъявляти (Др. укр., I, стр. 96); Душу Христову *себѣ* поимаю (Хр. укр. л., „Слово о збуреню пекла“, стр. 187); тіе дла видѣнія *тебѣ*, любопытсвуючїй чителнику, ретельне тутъ предлагаюся (Вел., стр. 32).

Как спорадические образования формы *тебѣ*, *себѣ* фиксируются в целом ряде староукраинских памятников письменности, отражающих черты народного староукраинского языка: ѹ боудеть *тебѣ* радость ѹ веселіе (Пер. р., стр. 25); бо такъ єсть написано ижъ агглому своимъ прикажеть *о тебѣ* (Пер. р., стр. 32); ѹ што мовили *тебѣ*, бо не тобою згордѣли (Пам. полем. письм., стр. 216, Острогский); вся *тебѣ* дам (Хр. укр. л., стр. 110, J. Вишенський); Будуть *тебѣ* знаменіа ѹ чудеса (Гал. Н. нов., стр. КН); ѹ желаю ѿбрѣчти ю невѣсту *себѣ* нетлѣну (Гал. Н. нов., стр. ЛS); которое *себѣ* голови голили по-польски (Сам., стр. 15).

В наиболее близких к народноразговорному языку произведениях староукраинской письменности формы дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного с корневым *е* отсутствуют.

В большинстве привлеченных нами произведений староукраинской письменности варианты с *о* в основе являются преобладающими, а в отдельных памятниках единственными образованиями падежа: Пожиточную *тобѣ* єднакъ даю радъ (Гал. Н. нов., стр. КИ); и Хмельницкого *себѣ* за старшого приняли (Сам., стр. 7); синъ твой по *тобѣ* збоудетъ (Пам. полем. письм., стр. 214); ѹ нашли *себѣ* покормлена (Пер. р., стр. 44); та^м *себѣ* скарби збираите (Бод. ев., стр. 10); бѣда *тобѣ*, бѣда *тобѣ*, Риме (Лъв.,

стр. 255); и оныхъ **ку собѣ** зголдоваль (Киевск., стр. 74); азъ самъ есмь готовъ за того **тобѣ** на помочь всею мою силою (Укр. гр., I, № 26, 1393 г., стр. 49); ничего **собѣ** ани дѣтем не шставлаю^{чи} (Gr. hal.-wol., № E, 1514 г., стр. 138); не важную **тобѣ** реч дамъ (Акт. кн. Полт. ур., № 5, стр. 8).

Об отсутствии форм дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица с корневым *e* в говорах праславянского, легшего в основу образования языка восточных славян, свидетельствуют и факты белорусского языка.

Старобелорусский язык, испытавший в силу определенных причин значительно меньше, чем русский и украинский языки, влияние церковной письменности, в большинстве своих памятников не дает вообще примеров употребления форм *тебѣ*, *себѣ*. Последние отмечены в ряде старобелорусских произведений, например в летописи Авраамки, в которой отражаются черты русского письменного языка XV в., в „Летописи великих князей литовских“ и пр: Иоаннъ бо въ euаггелии самъ о себѣ глаголеть (Аvr., стр. 32); *тебѣ* трепещеть вся тварь, *тебѣ* поклоняются небесныя силы (Аvr., стр. 112); и повеле ему быти *к себе* (Лет. кн. лит., стр. 22); се князь бы Скиргайло *о тебе* далъ правду (Отр. кр. лит. л., стр. 7).

Основными формами дат.-мест. ед. в старобелорусской письменности являются варианты *с о* в основе: почаль со немци *собе* сеймы чинити (Лет. кн. лит., стр. 3); а каждый городъ *собѣ* иметь своего судью (АЗР, № 2, 1317 г.); Князь великий Ягайло послалъ насъ *к тебѣ* (Отр. кр. лит. л., стр. 6); приказуемъ *тобѣ*, ачъ бы еси через то кривдъ имъ нечинилъ (А. лит.-р. г., № 41, 1496 г., стр. 33); Аби ты братъ нашъ, великіи вольный царь ... *ку собѣ...* жаловалъ (Арх. сб., № 32, 1548 г.) и др.

III. СИСТЕМА ПОЛНЫХ И КРАТКИХ ОБРАЗОВАНИЙ ДАТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

В древнейших памятниках славянской письменности фиксируются две разновидности форм дат. ед.: полные — *мнѣ* (*menē*), *тебѣ* (*tebē*, *tobē*), *себѣ* (*sebē*, *sobē*) и краткие — *ми* (*mi*), *ти* (*ti*), *си* (*si*), имеющие специфические сферы употребления.

В отличие от полных образований дат. ед., обнаруживающих различия по языкам, восходящие к праславянской эпохе краткие формы подобных различий в древности не имели. В памятниках письменности южных, западных и восточных славян они имеют одно и то же оформление — *ми* (*mi*), *ти* (*ti*), *си* (*si*).

Отсутствие различий по языкам делает вполне очевидной реконструкцию этих форм в праславянском языке позднего периода — **mi*, **ti*, **si*.

Безусловность реконструкции кратких форм дат. ед. в праславянском языке не означает, что вполне ясна древнейшая специфика употребления этих форм и история их взаимодействия с полными образованиями падежа в истории отдельных славянских языков. Специального рассмотрения требуют и те новообразования в системе форм дат. ед., которые возникли уже на почве отдельных славянских языков в результате общих предпосылок.

Современные славянские языки сохраняют древние условия употребления кратких и полных форм дат. ед. в значительно большей степени, чем древние условия употребления полных и кратких образований вин. ед., подвергшихся существенным изменениям в период письменной истории славянских языков. В отличие от вин. ед., краткая форма которого в праславянском была единственным образованием падежа, в дат. ед. искони употреблялись две формы личных местоимений: полная и краткая, имевшие специфические сферы употребления. Краткая форма была энклитической (атонической), не способной к употреблению в начале фразы, под ударением и при предлогах. В этих условиях последовательно выступали полные, тонированные образования падежа. Поэтому к системе форм дат. ед. неприменимы термины „первичные“ и „вторичные“ образования, механически переносимые из вин. ед.⁷¹, полные формы которого являются действительно генетически „вторичными“, проникшими из род. ед. образованиями.

1. Южнославянские языки

В старославянских памятниках письменности фиксируется древнейшая система употребления полных и кратких форм дат. ед.: краткие формы употребляются атонически, являясь энклитиками, полные формы — под ударением: и́ли нѣсть ми лѣтъ сътворити (Мар., Мт., XX); Въсъ денъ поношаахъ ми врази мои (Син., Пс. 101, 9); молѣти са мажи ми срѣдь це на дльзѣ. да ми прѣстанетъ ѡдрѣжаши ма болѣзнъ (Супр., 516, 20); потрѣпи на мѣнѣ и вѣсе ти вѣздам (Ас., Мт., XVIII); хоштѣ же семоу послѣднюю дати чѣко и тебѣ (Мар., Мт., XX); не подобаше ли ѵ тебѣ помиловать подруга своего. Икоже ѵ азъ тебе помиловахъ (Савв., Матф., XVIII, 33); ѵде дроуг ми придѣ съ пѣти къ мѣнѣ (Мар., Лк., XI).

Краткая форма дат. ед. возвратного местоимения в большинстве старославянских памятников ограничена в употреблении, являясь „регулярно только с некоторыми глаголами в возвратных оборотах типа (по)жалити си“, и фиксируется также

⁷¹ Подобное отождествление системы форм дат. ед. с вин. имеет место в работе С. Ф. Самойленко „Из истории восточнославянских местоимений“, стр. 25.

в отдельных старославянских рукописях — в Синайском требнике, Саввиной книге и Супрасльской рукописи⁷².

Древняя система употребления полных и кратких образований дат. ед. сохраняется с некоторыми отступлениями всеми южнославянскими языками.

Средне- и новоболг.: а віе **ми** кажете (В., XXI, стр. 42); че страх и болест **ми** си дал, дор'оги **ми** си затегнал (Черг., № 8, стр. 85); и нинѣ **ти** говора и мола та (Тр. рг., стр. 178); что **ти** повелю това сториј (Копр., стр. 37); И павел **ми** реч(е) (Любл., стр. 558); да сие **себѣ** наишле съм рѣнь, а **тебѣ** срамоту (Тр. рг., стр. 170); приди **къ мнѣ**, да ти повѣмъ въса таины троискыж (Тр. рг., стр. 162); Тогдѣ же призванна мѣ **къ себѣ** сътворь (Бѣлг. стар., 1466 г., стр. 152).

Др.-с.-хорв.: принеси **ми** прѣс(ве)тоую б(огороди)доу (Сп. св. Саве, стр. 169); Поклониаємъ **ти** се, троице єдиносоушаа (Ст. срп. зап., № 444, 1519—1520 гг., стр. 137); и плати **ми** все и не ѿста **ми** дльжнъ нища. (Ст. срп. п. I, № 403, стр. 398); ter **mi** vite s pravdom (Hrv. parba, стр. 317); ukaži **mi** put kud se ovamo idé (Drž., стр. 131); кѣ єадль краль владиславъ **мънѣ** и и мои жентѣ (Ст. срп. п. I, № 32, 1276 г., стр. 32); не ѿта живъко **мнѣ** дльжнъ ни та живъку (Ст. срп. п. II, № 1026, 1370 г., стр. 417); hoću djevojku kojoj ѿја gospodar bit, a ne ona **meni** (Drž., стр. 212); **Tebi**, sudče v Vrbnici, zapovidamo (St. o. Krka, стр. 287).

Показания древнесловенских памятников письменности в отношении форм дат. ед. ограничены и не дают оснований для того, чтобы судить о древнем употреблении кратких и полных форм дат. ед. в словенском: у Трубера последовательно фиксируются только полные формы, во Фрейзингенских отрывках Н. Глокке отмечает лишь краткие образования *ti* и *si*⁷³: da **mi** ie nazem zuete (Фрейз. отр., стр. 167).

Современные южнославянские говоры сохраняют в основном древнюю специфику употребления кратких и полных форм дат. ед. и древнюю структуру кратких образований дат. ед.

В употреблении *ме* вместо *ми*, отмеченном в Диадаскалии, обычно видят „не морфологическое преобразование древней формы дат. ед. на почве македонского языка, но проявление влияния аромунского или албанского языка“⁷⁴.

В зафиксированных И. А. Бодуэном де Куртенэ в терских говорах словенского языка формах *ть*, *ть*, *тә*, *т*, употребляемых параллельно с обычными образованиями дат. ед. *ti*,

⁷² А. Вайан. Руководство по старославянскому языку, стр. 176.

⁷³ Н. Глокке. Разбор языка Фрейзингенских отрывков. — „Изборник Киевский“. Киев, стр. 190.

⁷⁴ А. М. Селищев. Очерки по македонской диалектологии, I. Казань, 1918, стр. 189.

*ti*⁷⁵, следует, как кажется, видеть непривычно транскрибированные краткие формы дат. *mi* и *ti*, конечный гласный которых, подвергшийся редукции, был передан через *ə* либо через *ь*: *sъda* **ть** — *púšča meně neγá-blaγwó* (стр. 148); *Tó* — **ть** — *sə — zdì* (стр. 125) либо был утрачен перед глагольной формой *je*⁷⁶: *àn* — **м** — *jé* — *dàw* (стр. 8); *ùn* — **м** — *jə* — *jàla* (стр. 9).

2. Западнославянские языки

Специфика древнейшего употребления полных и кратких форм дат. ед. сохраняется и в большей части западнославянских языков. В отличие от южнославянских языков, которым неизвестны морфологические преобразования кратких форм, в значительной части западнославянских языков происходит процесс активной выработки новых кратких форм изучаемого падежа. В одних языках новые краткие формы существуют с древними образованиями *mi* и *ti*, в других древние формы исчезают, уступая место новым.

Процессы образования новых форм почти не находят отражения даже в позднейших памятниках западнославянской письменности, что свидетельствует о весьма позднем характере этих образований.

Образование новых кратких форм дат. ед. в западнославянских языках находится в безусловной связи с процессами выработки общих падежных форм косвенных падежей, которые охватили большую часть говоров западнославянских языков.

Устойчиво сохранялась древняя специфика употребления полных и кратких форм дат. ед. в истории западнославянских языков.

Краткие формы в древних письменных памятниках западных славян последовательно фиксируются в лишенных ударения частях предложения в беспредложном употреблении: др.-чешск.: *žel mi jest, že ste tak rano přišli!* (Dal. chr., стр. 100); *Zaplat' mi to, želes pil, a vrat' mi víno také potom* (Štíť. Kn. šest., стр. 174); *Vzdy mi bylo na utrobie* (Mar., стр. 120); *oddal mi swú dceru pannu Žofku* (Záp. Štern., N 8, стр. 144); др.-слвц.: *gest tav sle mi rozkazali* (Kremn. I., N 121, 1569 г., стр. 324); *czo mi j(es)t dal kral jeho milost* (Slov. I., N 103, 1538 г., стр. 204); *Tak si mi v tom Pan Buch pomachaj* (Lev. pris., N 7, стр. 244); *aby mi byl na pomoci* (Lev. pris., N 65, 1721 г., стр. III); др.-польск.: *oplacy my gospodzin* (Flor., стр. 17); *ryuacz czy będą boze* (Puł., стр. 196v); *tego mi żal* (K. Gn., стр. 148); *Thak my bog pomoży* (Kur. Wolf. Zap., N 2326,

⁷⁵ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии, II, стр. 4, 6, 13 и др.

⁷⁶ Форма *m* отмечается исключительно перед формой *je*.

1519—1520 гг., стр. 231); coz **ci** się podobała ta udowa (Wyb. t. st.-p., стр. 193, Pasek); др.-луж.: Ag **my** bog pomógej a jogo swete slowo (Deln. př., стр. 70); a ie **mi** dal czilo a dušchu (Oberwend. Kat., стр. 82); á tří mědaſch **mi** to praestupeni (Mart. ps., стр. 7).

Полные формы дат. ед. употребляются в сильных позициях: в начале фазы, в условиях противопоставления и при предлогах: др.-чешск.: **Tobě** chciu byti veren viece (Dal. chr., стр. 119); Obojemu vojsku kazve s mirom stati, ni **mne** ni **tobě** pomahati (Dal. chr., стр. 25); nebud' **ke mne** tak ukrutna (St. Kn. šest., стр. 271); др.-слвц. а **mne** potomto mogim složebnikovy kery tonto list (Kremn. l., 1565 г., стр. 316); pismo spalili a **mne** mizerni nedaji (Lev. pris., N 243, стр. 351); а sami też **ke mne** prijely (Slov. l., N 26, 1582 г., стр. 119); др.-луж.: **Tebi** samemu sum ga sbreſhil (Mart. ps., стр. 10); Nech te dzeczatka **kemni** psichidu (Oberwend. Kat., стр. 95); Dajcze tha czicuratka **kemnj** pficz (Rukop. ág., стр. 47).

Изменение древней структуры кратких форм дат. ед., а также нарушение специфики древнейшего функционирования полных и кратких образований дат. ед. наблюдается лишь в древнепольском языке.

Нарушение специфических условий употребления полных и кратких форм дат. ед., отразившееся в польской письменности XVIII в., обусловлено процессом утраты кратких форм дат. ед., охватившим восточную часть Польши. Я. Лось, отметивший изменения в формах дат. ед. у определенных авторов, пишет, приводя соответствующие примеры из Бенеславской: „В XVIII в. у некоторых писателей не стало знания, являются ли эти формы энклитическими, а поэтому они употребляют их там, где нормально должно быть *tpie*, *tobie...*”⁷⁷ Употребление полных форм дат. ед. в слабой позиции, наблюдаемое у А. Мицкевича, В. Дорошевского⁷⁸, вслед за Й. Добрицким⁷⁹, трактуется как проявление восточной диалектной черты. Э. Деко считает неправильное употребление полных и кратких местоименных форм у поляков из северо-восточных провинций результатом влияния белорусского языка⁸⁰. Частое употребление полных форм дат. ед. в безударных позициях отмечается в мазурских говорах⁸¹. Процесс этот локально ограничен незначительной частью территории, занимаемой польским языком. Основная часть польских говоров сохраняет древние специфические условия употребления полных и кратких образований дат. ед.

⁷⁷ J. Łoś. Gramatyka polska, cz. III, стр. 163.

⁷⁸ W. Dorożewski. Podstawy gramatyki polskiej, cz. I. Warszawa, 1952, стр. 222.

⁷⁹ J. Dobrzycki. Notatki do dziejów języka polskiego literackiego. — P F, VII, 1911, стр. 338.

⁸⁰ E. Decaux. Указ. соч., стр. 48.

⁸¹ K. Nitsch. Dialekty polskie Prus wschodnich. Kraków, 1907, стр. 452.

Изменение древней структуры кратких форм дат. ед., отразившееся в ряде древнепольских памятников письменности, является, по-видимому, более ранним проявлением общего для всех западнославянских языков процесса возникновения новых кратких образований в системе форм личных местоимений и требует рассмотрения на фоне соответствующих процессов в современных говорах других западнославянских языков.

Устойчиво сохраняется древняя структура кратких образований дат. ед. современными словацкими говорами. Древние краткие формы дат. ед. фиксируются во всех группах говоров словацкого языка: в среднесловацких — липтовских⁸², горно-оравских⁸³ говорах, в Гонтянской и Новоградской столицах в Венгрии⁸⁴; восточнословацких — на территории Спишской, Шаришской, Униской и Земплинской столиц⁸⁵, в говоре Долгой Луки в Бардеевском округе⁸⁶, в говоре Погорелой Гемерской жупы⁸⁷, в Комарнянской и Беспремской столицах в Венгрии⁸⁸, а также в ряде говоров западнословацкого наречия — в угорско-словацких⁸⁹ и элинских говорах⁹⁰. Сохраняются древние краткие образования дат. ед. и некоторыми чешскими говорами. Формы *mi*, *ti* отмечены в отдельных населенных пунктах ганацкого наречия⁹¹, в штрамберском говоре⁹², в части поленских говоров, расположенных в западной части чешско-моравского наречия⁹³, в юго-западночешских говорах⁹⁴.

Весьма устойчиво сохраняются формы дат. ед. *mi*, *ti* (*my*, *c'i*) в польских говорах. Они отмечены в куявских⁹⁵, опольских⁹⁶, силезских⁹⁷, северных великопольских⁹⁸ говорах, а также в говорах на юге от Карпат⁹⁹ и в срединной Галиции¹⁰⁰.

⁸² J. Stanislav. Liptovské nárečia, стр. 431.

⁸³ E. Pauliny. Nárečie zátopových osád na hornej Orave, стр. 80.

⁸⁴ P. Ondrus. Stredoslovenské nárečia v Maďarskej ľudovej republike, стр. 118.

⁸⁵ S. Czambel. Slovenska reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov, I, стр. 211, 231 и др.

⁸⁶ F. Buffa. Nárečie Dlhej Lúky v Bardejowskom okrese, стр. 93.

⁸⁷ G. Horák. Nárečie Pohoreľj, стр. 77.

⁸⁸ J. Štolc. Nárečie troch slovenských ostrovov na Maďarsku, стр. 127.

⁸⁹ Fr. Bartoš. Dialektologie moravská, d. I, стр. 72.

⁹⁰ Там же, стр. 42.

⁹¹ Там же, d. II, стр. 171.

⁹² Ad. Kellner. Štramberké nárečí, стр. 58.

⁹³ J. Hošek. Nárečí českomoravské, стр. 61.

⁹⁴ J. Voráč. Česká nárečí jihozápadní, стр. 94, 96 и др.

⁹⁵ Z. Sobotański. Gwary kujawskie, стр. 77.

⁹⁶ P. Gołąb. Gwara Schodni i okolice, стр. 115.

⁹⁷ K. Nitsch. Dialekty polskie Śląska, cz. I, стр. 120.

⁹⁸ A. Tomaszewski. Gwara Łopienna i okolice w północnej Wielkopolsce, стр. 70.

⁹⁹ M. Małecki. Język polski na południu od Karpat, Kraków—Warszawa—Poznań, 1938, стр. 48.

¹⁰⁰ K. Nitsch. Wybór pism polonistycznych, t. IV, 1958, стр. 155.

Древняя структура кратких образований дат. ед. сохраняется и современными верхнелужицкими говорами, в которых эти последние почти вытеснили из употребления полные образования падежа: *moja mać mi jenmol powědala* (Sil. 67/004, стр. 3); *Cert jo c'i tu mudrosc dal!* (Sil. 56/004, стр. 3); *Ja b'du c'i potom přińc pomohác* (Přir., стр. 38); *Powjez dze mi tola* (Nar. pěsn., стр. 115).

В значительной части западнославянских языков в настоящее время происходит процесс интенсивного образования новых кратких форм дат. ед. В ряде западнославянских говоров эти новые формы сосуществуют с древними краткими образованиями падежа, в иных вытесняют или преобразуют эти последние.

Несмотря на специфичность изменений кратких форм дат. ед. в отдельных западнославянских языках, проявляющуюся и в степени интенсивности этих преобразований и в фактическом изменении их структуры, мы считаем возможным рассматривать эти изменения как проявление общего для всех западнославянских языков процесса, обусловленного едиными предпосылками.

В стороне от этого общего для всех западнославянских языков процесса находится лишь словацкий язык, преобразования кратких форм дат. ед., в котором известны лишь западной части его говоров, пограничных с чешским языком — в мораво-словацкой группе говоров¹⁰¹, и ряду говоров валашского наречия¹⁰².

Наиболее интенсивно происходит процесс преобразования кратких форм дат. ед. в чешском языке. Он охватывает значительную часть современных чешских говоров. Формы *tě, tē* отмечены в ряде говоров ганацкого наречия¹⁰³, большей части ляшских говоров¹⁰⁴, среднеопавском¹⁰⁵ и дольских¹⁰⁶ говорах.

В значительной части чешских говоров развитие новых кратких образований связано с разрушением системы употребления форм дат. ед., нарушением специфических условий древнейшего функционирования полных и кратких его образований. Отмечено расширение сферы употребления кратких форм дат. ед. в среднеопавских¹⁰⁷, восточноляшских говорах¹⁰⁸, исчезновение

¹⁰¹ V. Vážný. Nářečí slovenská. — „Česko-slovenská vlastivěda“, d. III, Praha, 1934, стр. 244.

¹⁰² F. Bartoš. Dialektologie moravská, d. I, стр. 72.

¹⁰³ Там же, d. II, стр. 24, 50, 79, 117, 216.

¹⁰⁴ Там же, d. I, стр. 118.

A. Kellner. Východolašská nářečí, стр. 223.

¹⁰⁵ A. Lampricht. Středoopavské nářečí, стр. 57.

¹⁰⁶ J. Bělič. Dolská nářečí na Moravě, стр. 152.

¹⁰⁷ A. Lampricht. Středoopavské nářečí, стр. 57.

¹⁰⁸ A. Kellner. Východolašská nářečí, стр. 223.

различий в употреблении полных и кратких форм дат. ед. фиксируется в большей части поленских говоров¹⁰⁹.

Определенную роль в преобразовании кратких форм дат. ед. в чешском языке сыграл факт совпадения в большинстве его говоров полных форм дат.-мест. и род.-вин. ед. в парадигме местоимения 1-го лица в образовании *tlé* обобщения дат.-мест. и род.-вин. падежей, имеющих, как полагают, фонетический характер¹¹⁰. В результате обобщения полных форм этих падежей явились возможность взаимодействия и взаимозамены кратких образований дат. и вин. ед., почему краткие формы вин. ед. стали функционировать и в значении дат. ед. Именно в этом О. Гуйер видит причину употребления формы *tě* в значении дат. ед. в пражской речи, юго-западных говорах, коетском, вышковском и забрежском говорах на Мораве¹¹¹.

Несмотря на то, что обобщение четырех падежей в одной форме *tlé* произошло лишь в парадигме местоимения 1-го лица, краткая форма вин. ед. местоимения 2-го лица тоже начинает функционировать в значении дат. ед., хотя в более ограниченном, чем форма *tě*, объеме. Видимо, форма *tě* имеет вторичное происхождение, возникнув по аналогии с соответствующей формой местоимения 1-го лица. Древняя краткая форма дат. ед. *ti* сохраняется в чешских говорах значительно устойчивее, чем соответствующая форма местоимения 1-го лица.

Формы-новообразования дат. ед. могут, однако, трактоваться и как возникшие в результате контаминации полного и краткого образований дат. ед., когда полная форма утрачивала *п* основы, а краткая заимствовала окончание полной формы. Промежуточный характер этих образований проявляется в особенностях их употребления: формы-новообразования дат. ед. не имеют определенной сферы употребления, выступая то в сильной, то в слабой позициях.

Изменение структуры кратких образований дат. ед. в польском имеет более ограниченный, чем в чешском языке, характер, хотя отдельные примеры подобной трансформации форм отмечены уже в древнепольских памятниках письменности. Форма дат. ед. *tie* отмечена в силезских говорах¹¹², в говорах, расположенных к югу от Карпат¹¹³.

Изменение древней структуры краткого образования дат. ед., имеющее место в отдельных польских говорах и в разговорном польском языке, явилось предметом широкого обсуждения полонистов К. Нитша, Ст. Шобера, А. Отрембской и В. Ташец-

¹⁰⁹ J. Hošek. Nářečí českomoravské, стр. 61.

¹¹⁰ См., например, M. Vey. Morphologie du Tchèque parlé. Paris, 1946, стр. 39.

¹¹¹ O. Hujer. Vývoj jazyka československého, стр. 68.

¹¹² K. Nitsch. Dialekty polskie Śląska, cz. I, стр. 120.

¹¹³ M. Małecki. Język polski na południu od Karpat, стр. 47.

кого. Наиболее интересное объяснение формы *mie* дает, как нам кажется, Ст. Шобер, видящий возможность ее объяснения в пропорции: вин. *mnie : mie* = дат. *mnie : mie* = вин. *mnie : mie* = дат. *mnie : mie*. „Формы вин. и род. *mie* являются энклитиками, а их равноправным соответствием является, как известно, однослоговая форма *mnie*. Так как в сфере ударенных форм дательного выступает также форма *mnie*, то, следуя отношениям, господствующим в ударенных формах, образуется энклитическая форма дательного *mie*“¹¹⁴.

Однако нам не кажется верным безоговорочное отнесение Ст. Шобером этой формы в польском языке к образованиям новейшего времени, поскольку аналогичное образование весьма широко представлено в древнепольской письменности.

Отдельные примеры употребления формы *mie* отмечает Я. Лось: nie starczy **mie** i tobie (XV SKJ V, 301); ротосно bądź **mie** (XV, Mac. Dod. 66); miłośćciv bądź **mie** grzesznemu (1479, R. XXU, 243)¹¹⁵; значительное количество примеров ее употребления приводит В. Ташицкий, пытающийся выяснить вопрос о том, имеется ли связь между наблюденными Шобером и иными исследователями формами современного польского языка и формами, представленными в древнепольской письменности¹¹⁶, приводит соответствующие факты и А. Обрембская¹¹⁷: Jako **mye** obręczil Marcin sukno czenye zapolthori kopy (Kur. Wolf. Zap., 1422—1423 гг., стр. 5, Nr. 50); Jako **mye** sbyly stoyacz szemna wpyrwszych powszwyech (Kur. Wolf. Zap., 1527—1536 гг., стр. 240, Nr. 2378).

Мы считаем, что форму дат. ед. *mie* в современных польских говорах следует рассматривать как „продолжение“ формы, фиксируемой в древнепольских памятниках, явившуюся в результате процессов, аналогичных древнейшим.

Новообразованием, возникшим в результате контаминации полной и краткой форм дат. ед. местоимения 1-го лица, является форма *pi*, отмеченная в Восточной Пруссии¹¹⁸. Наблюдения над употреблением этой формы свидетельствуют о том, что она является результатом преобразования краткой формы под воздействием полной, так как сфера ее употребления соответствует древнейшим энклитическим образованиям.

Нельзя не отметить, говоря о новообразованиях дат. ед. в польском, формы возвратного местоимения *se*, фиксируемой в некоторых польских говорах. Я. Лось, характеризуя ее как

¹¹⁴ St. Szober. Nowotwór zaimkowy cel. I. pojed. zaimka 1 os. w formie *mie*. — JP, t. XV, Kraków, 1930, стр. 78.

¹¹⁵ J. Łoś. Gramatyka polska, cz. III, стр. 163.

¹¹⁶ W. Taszycki. Formy celownika liczby pojed. zaimka osobowego 1 os. w polszczyźnie średniowiecznej, стр. 9—13.

¹¹⁷ A. Obrebska. Niektóre wyrównania w dzisiejszej odmianie zaimków polskich — PF, t. XV, Nr. 2. Warszawa, 1931, стр. 336—344.

¹¹⁸ J. Łoś. Gramatyka polska, cz. III, стр. 164.

форму „стянутую“ из *sobie*, не решает вопроса о времени ее появления в польском, ссылаясь на мнение П. Калины (*Hist. jęz. pol.*, стр. 336), относящего ее к XVIII в. Я. Лось не отрицает, однако, и мнения А. Брюкнера, считающего, что форма *se* из *sobie* была вообще употребима в литературе со времен *„saskich“*¹¹⁹. Мы считаем, что эта форма является позднейшей, аналогичной по образованию соответствующим формам восточнославянских языков. Так ее понимает и Э. Деко¹²⁰.

Краткое новообразование *te* вытеснило древнюю энклитическую форму дат. ед. в нижнелужицком языке. Древняя противопоставленность кратких форм дат. и вин. ед. в нижнелужицком утрачена: в значении обоих падежей функционируют формы *tě* и *si*. Нейтрализация в значениях и оформлении кратких форм в нижнелужицком явилась следствием обобщения полных образований дат. и вин. ед., как и в чешском языке.

Начало смешения кратких форм в нижнелужицком отражено уже в „Новом Завете“ Якубицы, где форма *ti* употребляется и в значении вин. ед.¹²¹

Изменение древнейшей структуры кратких образований дат. ед. и их обобщение с краткими формами вин. ед. привело к нарушению древней специфики употребления полных и кратких форм дат. ед.: последние употребляются в лужицких языках и как акцентованные, тонированные образования. Э. Деко приводит пример употребления формы *ti* в условиях сопоставления объектов из Якубицы: *chtó se pak tī a mojich slow sroma*¹²².

Процессы преобразования древних парадигм склонения, в начальных периодах наблюдаемые в чешском и польском языках, в кашубском близки к завершению.

Обобщение форм косвенных падежей местоимения 1-го лица в форме *tě (tie)* завершено; в парадигме местоимения 2-го лица полноправной формой является образование *ta*¹²³, в чешском языке представленное лишь спорадически. Древние условия употребления полных и кратких форм дат. ед. в кашубском, естественно, нарушены: отмечается употребление полных форм дат. ед. в неакцентованных позициях¹²⁴.

3. Восточнославянские языки

Восточнославянскими языками краткие образования дат. ед. почти полностью утрачены. Лишь отдельные украинские говоры, отличающиеся архаичностью структуры, сохраняют древние

¹¹⁹ J. Łoś. Gramatyka polska, cz. III, стр. 164.

¹²⁰ E. Decaux. Указ. соч., стр. 48.

¹²¹ E. Mucke. Historische und vergleichende Laut- unb Formenlehre der niedersorbischen Sprache, стр. 390.

¹²² E. Decaux. Указ. соч., стр. 48.

¹²³ Fr. Lorentz. Gramatyka pomorska, стр. 917.

¹²⁴ Там же.

краткие формы дат. ед. Незначительная часть русских говоров развила новые краткие образования, имеющие отличную от древних структуру и специфические особенности употребления. Говорам белорусского языка, как и большей части русских и украинских говоров, краткие формы дат. ед. неизвестны.

Процесс утраты кратких образований дат. ед., совершившийся в отдельных восточнославянских языках в различное время, был процессом проникновения полных образований в слабые позиции.

В древнерусских памятниках письменности употребление форм дат. ед. отражало древнейшую, фиксируемую в старославянской письменности систему: краткие формы употреблялись в слабых, полные — в сильных позициях: и нача **ми** глаголати (Лавр., стр. 113); передайте **ми** ся (Новг. стр. 50); А что есмъ придобылъ золота, что **ми** даль Богъ... а то есмъ даль Княгини (С. Г. Гр., № 21, 1328 г., стр. 32); Понеже възвѣщено **ми** бысть о васъ (А. И., № 6, 1388—1395 гг., стр. 9); а на Озвадо ти, княже, ездити дѣтѣ звери гонить (Гр. Н. Пск., № 1, 1264 г., стр. 10); не рекль **ми** еси фъ варити перевары (Б. гр., № 3, стр. 191); А **тобѣ** брату моему молодшему мнѣ служити без ослушанья по згадѣ, како будетъ мнѣ слично..., а **мнѣ** тебе кормити по твоей службѣ (С. Г. Гр., № 27, 1362 г., стр. 45); и ты **ко мнѣ** пришли (Б. гр., № 21, стр. 197).

Изменения в системе употребления форм дат. ед. начинают происходить с XV в. Стилистический анализ употребления кратких форм дат. ед. в старорусской письменности XV—XVI вв. свидетельствует о начавшемся в этот период процессе вытеснения их из народноязыкового языка.

Краткая форма дат. ед. местоимения 2-го лица выходит из употребления уже в XV в.: в этот и позднейший периоды она широко представлена лишь в документах духовных лиц и в традиционных штампах договорных грамот. В ряде старорусских произведений XV в., отличающихся живым, близким к народноязыковому языку, форма *ти* отсутствует.

Предположение о выходе формы *ти* из народноязыкового русского языка в XV в. не может быть опровергнуто фактом ее широкого употребления в ряде произведений XVI и даже XVII вв. — в „Домострое“, переписке И. Грозного с А. Курбским, в Воскресенской летописи и т. п., так как наличие ее в подобных произведениях определяется славянанизированным и архаизированным языком этих произведений: а хотѣти **ти** мнѣ Великому Князю... добра вездѣ — ... и быти **ти** со мною съ Великимъ княземъ... вездѣ за одинъ (С. Г. Гр., 1473 г., стр. 236); Благопослушиву же **ти** бывшу, государю, и дѣломъ сотовршу (Обл. Ник., стр. 163); да отверзеть **ти** очи сердечные поразумѣти въ нихъ глубину (Курб., стр. 88).

Время выхода из употребления формы *ми* можно датировать лишь XVI в. В XV в. и начале XVI в. не употреблялась в языке

всех жанров русской письменности без каких бы то ни было ограничений: дасть **ми** богъ, буду на царствѣ и доколе буду живъ, дотоля **ми** земли Русские стеречь а по выходы **ми** не посылати (Моск., стр. 260); а сталь **ми** сто рублевъ (Аф. Ник., стр. 13); судъ **ми** с вами. (Гр. Н. Пск., № 132, XV в., стр. 188).

К концу XVI и в XVII в. краткая форма местоимения 1-го лица употребляется, как и форма *ти*, по традиции, не отражая состояния форм народноразговорного языка¹²⁵.

Современными русскими говорами древние краткие образования дат. ед. утрачены. Формы дат. ед. *те*, *се* (и редко *ме*) в русском языке появились из соответствующих полных образований дат. ед. — *тебе*, *себе* (редко *мене*) в результате „стяжения“ в быстрой, часто экспрессивной речи. Весьма важным моментом, проливающим свет на происхождение этих форм, является факт их употребления в говорах, для которых характерны полные образования дат. ед. с корневым *e* (не *o*). Подобное соотношение полных и кратких форм дат. ед., последовательно выдерживающееся во всех русских говорах¹²⁶, дает возможность представить образование новых кратких форм дат. ед. в следующем виде:

тебе → *те⁶e* → *тее* → *те*;
себе → *се⁶e* → *cee* → *се*.

Это предположение подтверждает и факт почти полного отсутствия в говорах краткой формы местоимения 1-го лица *ме*. Если бы краткие формы дат. ед. в современных русских говорах являлись преобразованными древними образованиями, то форма *ме* была бы наиболее распространенной в говорах, поскольку древние памятники фиксируют более длительное употребление краткой формы дат. ед. местоимения 1-го лица по сравнению с соответствующими формами местоимений иных лиц.

В современных русских говорах наиболее употребительной является форма *те*; значительно реже отмечается форма дат. ед. возвратного местоимения. Форма *ме* представлена единичными примерами употребления в тех, в основном, говорах, которым известно двусложное образование дат. ед. *мене*. Развиться непосредственно из односложной формы *мне* форма *ме* не могла ввиду отсутствия необходимых условий для стяжения.

Краткие формы дат. ед. в староукраинской письменности сохраняются вплоть до XVIII в. включительно.

В период XIV—XV вв. преобладание кратких форм над полными и соблюдение специфических условий их употребления в юго-западнорусской письменности соответствовало, по-види-

¹²⁵ Подробнее об этом: М. А. Гадолина. К истории форм..., стр. 75—76.

¹²⁶ Там же, стр. 77—78.

мому, фактам народноразговорного староукраинского языка: не ходати бо **мі** по земли не трѣбѣ **ми** есть (Апокр., VIII, стр. 26); Молю, скажи **ми**, гдѣ он обыташе (Др. укр., IV, стр. 145); не есть **ми** ніякой помочи (Мат. Угр. Р., VII, стр. 16); што^{*} **ти** за пожито^в с того (Бод. ев., стр. 10); а слушати **ми** господара своего великого коро^х во всемь как **ми** повелить (Укр. гр., I, № 15, 1386 г., стр. 30).

Для выяснения времени исчезновения кратких форм дат. ед. в народном украинском языке, так же как и в русском, необходим тщательный стилистический анализ текстов. В языке памятников староукраинской письменности, в большей мере отражающих народноразговорный язык, краткие формы дат. ед. в XVI—XVII вв. имеют ограниченное употребление: всако **ми** речете притьчуо сю (Пер. р., стр. 32); А штошъ тутъ написаль, верь **ми**, же не завадитъ (Киевск., стр. 87); ѿле **ми** не допускаеть рѣка его (Гал. Н. нов., стр. КС); а захована **ми** имъ корона правда (Пам. полем. письм., стр. 63); коли Дасть **ти** сѧ всака властъ на Нѣсі (Огор., стр. Й); Іще, що **ми** ест, питаеш (Хр. укр. л., № 101, стр. 178).

В XVII в. выходит из употребления в письменности форма *ти*. По-видимому, в народноразговорном украинском языке она вышла из обращения уже в XVI в.

Краткая форма дат. ед. местоимения 1-го лица являлась, по-видимому, живым образованием и в XVII в., но в конце его вышла из употребления в большей части украинских говоров, в частности в тех, на основе которых сложился украинский литературный язык, т. е. в говорах полтавско-киевского диалекта.

Отсутствие в нашем распоряжении достаточного количества памятников украинской письменности, имеющих совершенно определенную территориальную отнесенность, не дает возможности датировать время выхода из употребления кратких форм дат. ед. в остальных украинских говорах, утративших эти образования.

Ряд украинских говоров сохраняет и в своем современном состоянии древние краткие образования дат. ед. Краткие формы дат. ед., фиксируемые в западноукраинских говорах, не обнаруживаются в своем употреблении каких-либо особенностей, которые поставили бы под сомнение существующее в науке мнение об их архаичности. Соотношение полных и кратких форм дат. ед., существующее в говорах, также не дает оснований сомневаться в правильности данного утверждения. Наблюдения над употреблением кратких форм дат. ед. в украинских говорах дают основание видеть в них живую, характерную для этих говоров черту, не обнаруживающую тенденции к исчезновению.

Степень употребительности кратких форм дат. ед. различна в западноукраинских говорах. В ряде говоров формы *ми* и *ти*

являются едва ли не основными формами падежа, в иных употребляются только спорадически.

Наибольшее распространение краткие формы дат. ед. имеют, судя по исследованным нами материалам ДАУ, в районе бойковско-среднезакарпатских говоров, на территории Закарпатской, Драгобицкой и Станиславской областей. В ряде пунктов отмеченных областей в ответах на программу ДАУ приводятся только краткие формы, большая часть ответов фиксирует параллельное употребление полных и кратких форм.

Краткие формы дат. ед. *mi*, *ti* фиксируются в говорах галицких¹²⁷ лемков, в бойковском говоре с. Битля¹²⁸, в говорах Верховины, Краины, западной части Угорской Руси¹²⁹, в гуцульских говорах¹³⁰.

Количество кратких форм дат. ед. убывает по мере продвижения их на северо-восток. В ответах ДАУ на территории Черновицкой области в районе буковинских говоров краткие формы отмечены лишь в отдельных населенных пунктах; в подольских, волынских говорах фиксируется их спорадическое употребление. Основной массе украинских говоров краткие формы дат. ед. неизвестны. Не употребляются краткие формы дат. ед. и в украинском литературном языке¹³¹.

Зафиксированные в отдельных украинских говорах параллельно с обычными краткими формами дат. ед. формы *me* и *te* являются весьма редкими образованиями, вызывающими различные объяснения учченых¹³². По-видимому, в форме *me*, наиболее распространенной в украинских говорах, следует видеть контаминацию форм *meni* и *mi*, параллельно с которыми она и фиксируется. Форма *te*, значительно более редкая в говорах, могла возникнуть по аналогии с формой *me*.

Утрачены краткие образования дат. ед. и в белорусском языке.

В западнорусской письменности XIV—XVII вв. древние краткие образования дательного фиксируются весьма широко, как и в русском и украинском языках, однако стилистический анализ их дает основание датировать время выхода их из употребления в старобелорусском более ранним периодом, чем в русском и тем более в украинском языке.

А. А. Кривицкий считает, что форма *ti* в старобелорусском вышла из употребления до XIV столетия, поскольку в эту эпоху

¹²⁷ І. Верхратський. Про говор галицких лемків, стр. 126.

¹²⁸ І. Свенціцький. Бойківський говор с. Битля, стр. 124.

¹²⁹ Г. А. Де-Воллан. Угро-русские народные песни, стр. 34.

¹³⁰ В. Шухевич. Гуцульщина, ч. III, стр. 115.

¹³¹ С. П. Самойленко. З історичних коментаріїв до української мови, стр. 23.

¹³² См. основательное изложение этих объяснений в работе М. Грунского и П. Ковалева „Історія форм української мови“, стр. 205.

ее употребление ограничивается рамками произведений, находящихся под значительным влиянием языка церкви, каковыми являются Летопись Авраамки, Житие Ефросинии Полоцкой, Повесть о Трищане (в сб. ОРЯС, 44, № 3, СПб., 1888) и ряд других произведений, не отличающихся близостью к народному языку: еже **ти** велить, так сотвори (XV ст. Ефр. Пол., 8); бог да благословить тя и дастъ **ти** терпѣніе (Евр. Пол., 7); и могу **ти** все споведати (Пов. о Трищане, стр. 3); не говору **ти** для того, абых **ти** что напред дал (Пов. о Трищане, стр. 51); то **ти** железный урокъ (Лет. Авр., стр. 286)¹³³.

Краткая форма дат. ед. местоимения 1-го лица весьма широко употреблялась в западнорусской письменности вплоть до XVI в. включительно. Ее употребление в языке юридических памятников XIV—XVI вв. свидетельствует о длительном сохранении в народноразговорном языке:... присудиль **ми** на нихъ тридцать копъ грошей („Литовская метрика“, РИБ, т. XX, СПб., 1903, стр. 401, 1484 г.); то тестамент правый тотъ, которыми **ми** панъ мой даль (Акты Литовской метрики, т. I, Варшава, 1896, стр. 113, 1546 г.); присегаю на томъ, ижъ **ми** служити верно (Акты, относящіеся к истории Западной России, т. III, 1450 г., стр. 68) и др.

Хотя большая часть примеров, приведенных А. А. Кривицким, относится к эпохе XV в., он считает возможным датировать время выхода из употребления формы **ми** лишь XVI в., поскольку в Актах Литовской метрики начала XVI в. он находил значительное количество примеров употребления формы **ми**, хотя и весьма однотипных.

Современные белорусские говоры не знают кратких образований дат. ед.

Таким образом, рассмотрение употребления кратких форм дат. ед. на фоне употребления полных образований падежа в истории всех славянских языков убеждает нас в том, что специфической особенностью их употребления как в древности, так и в настоящее время является их последовательная сохраняющаяся в течение веков энклитичность. Мнение о том, что „считать безоговорочно формы дат. ед. **ми**, **ти**, **сц** энклитиками серьезных оснований нет“¹³⁴, высказанное в последнее время С. Ф. Самойленко, является ошибочным. Случаи препозиционного употребления кратких форм не могут служить опровержением для традиционного и совершенно правильного определения этих форм как энклитических, тем более, что среди приводимых примеров препозиционного их употребления случаи акцентованного употребления отсутствуют.

¹³³ А. А. Кривіцкі. Указ. соч., стр. 165.

¹³⁴ С. Ф. Самойленко. Из истории восточнославянских местоимений, стр. 25.

Последовательная энклитичность кратких форм дат. ед. была характерной и для праславянского языка периода его диалектной дробности.

Утверждение об энклитичности кратких форм дат. ед. в праславянском означает, что в определенных условиях уже на почве праславянского языка существовали полные формы, функционирующие в акцентованных сильных позициях, которые нельзя в силу их исконности квалифицировать по аналогии с полными формами вин. ед. как „вторичные“ образования.

Изменения древнейшей специфики употребления полных и кратких форм дат. ед. в славянских языках, сохранивших в системе форм личных местоимений краткие формы, незначительны.

В восточнославянских языках, а также в восточных говорах польского языка, утративших краткие образования падежа, в период, предшествующий их исчезновению, происходили, естественно, некоторые нарушения специфических условий их древнейшего употребления.

Г л а в а ч е т в е р т а я

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

Изменения форм тв. ед. личных местоимений, произошедшие в период письменной истории славянских языков, незначительны.

Обнаруживая во флексии в древнейший период развития славянских языков и, по-видимому, в поздний праславянский период параллелизм с существительными *a*-основ, формы тв. ед. переживают общие с указанной группой имен процессы в истории отдельных славянских языков.

Реконструкция форм тв. ед. в праславянском языке периода его диалектной дробности затруднений вызвать не может, поскольку в древний период колебания в образовании указанных форм в славянских языках были незначительны. В период письменной истории славянских языков появляются изменения во флексии тв. ед., в иных происходит и изменение в основах, вызванное тенденцией к унификации основ косвенных падежей.

1. Южнославянские языки

Значительным изменениям подверглись формы тв. ед. в южнославянских языках. В сербско-хорватском языке изменению подверглась лишь флексия тв. ед. Словенский язык в ряде говоров обнаруживает и изменения основ изучаемых форм.

Изменение флексий тв. ед. по типу флексий имен существительных *o*-основ отражено уже в древнесербских памятниках письменности, формы *мномъ*, *тобомъ*, *собомъ* в которых представляют основные образования падежа: *сије светы цркве пре које имају мегоу собомъ* (Зак. спом., № 5, стр. 387); и *бѓь с тобо^м* (Ст. срп. п. I, № 258, 1396 г., стр. 244); И ако би осидијела *ծдовицомъ за мномъ* (Ст. срп. п. II, № 1077, 1512 г., стр. 466); и раздилени есѹ *мею собомъ* (З. Вин., стр. 91); *изео sa sobom čestite. ljude* (Pet. istarsk. razv., № 1, стр. 195).

Формы с древней, фиксируемой в старославянском флексией *-ю*, могут квалифицироваться для сербско-хорватского языка

как иноязычные элементы, поскольку большая часть примеров их употребления обнаруживается в памятниках, языком которых славянанизирован: Й прѣбыс(ть) же съ мню пр(т)п(о)добны ѿ(ть)цъ (Сп. св. Саве, стр. 163); съвршившиимъ се мню грѣшными спод(о)бихъ се жити 8 Пеки (Ст. срп. зап., № 7, 1202 г., стр. 5); и тобою пригасм^о божаственюю благоде^т (Ст. срп. п., I, № 432, 1399 г., стр. 427); сиё мню записаное не (по)вторено быти (Зак. спом., № 25, 1348 г., стр. 423).

В ряде древнесербских памятников отмечены отдельные случаи употребления форм тв. ед. мновь, тобовь, собовь, не занимающие существенного места в сербско-хорватском: да се предь мновь (Зак. спом., XIII, 1240 г., стр. 146); не раздроушимо сие клетве с тобовь (Зак. спом., IX, 1237 г., стр. 140); Что смо 8говорили с тобовь (Ст. срп., п. I, № 14, 1234—1235 гг., стр. 14); до колѣ стое съ мновь 8 правѣк (Ст. срп., п. I, № 18, 1240 г. стр. 16). Употребление форм мновь, тобовь, собовь ограничено рамками XIII в. Отражения в современных говорах эти формы не имеют.

В словенском языке помимо изменений во флексиях происходит и изменение основ тв. ед.: в основе местоимения 1-го лица под влиянием иных косвенных падежей развивается корневой гласный *e*, исконный гласный *o* в формах местоимения 2-го лица и возвратного местоимения заменяется гласным *e*, заимствованным из форм род.-вин. и дат.-мест. ед.

Формы тв. ед. с основами *ten-*, *teb-*, *seb-* характеризуют значительную часть словенских говоров.

Древние основы тв. ед. сохраняются отдельными словенскими говорами. Односложная основа тв. ед. местоимения 1-го лица отмечается в резьянском говоре словенского в сочетании *zizmbi*¹, древние основы местоимения 2-го лица и возвратного местоимения сохраняются в Средищцу², причем в вокализме форм *tobom*, *sđbom* Ф. Рамовш видит значительное влияние кайкавских говоров.

Фиксируемые в говоре венецианских словенцев формы *tano*, *tâbo* *sâbo*³, корневой гласный которых не является заимствованным из основ иных косвенных падежей, объясняются Ф. Рамовшем как возникшие следующим образом: „*z tano* < *sъtъnо> > *sъtъnо* > *z tâno*“, откуда *s tâbo*, *s sâbo*⁴.

Изменение флексий тв. ед. в словенском происходило в различных его говорах со значительным своеобразием, почему современные словенские говоры обнаруживают различные окончания изучаемых форм.

¹ Fr. Ramovš. Morfologija slovenskega jezika, стр. 84.

² Там же, стр. 84.

³ А. Клодич. О наречии венецианских словенцев. СПб., 1878, стр. 13.

⁴ Fr. Ramovš. Morfologija slovenskega jezika, стр. 84.

Наиболее древним изменением флексии тв. ед. является ее сокращение (общее с флексиями имен существительных о-основ), отраженное в ряде древнесловенских текстов: *de bode uſe toistu nad móno sgoblenu* (Slov. Schwurf., стр. 477); *de se ui lubite ennei sebo* (Сок. П. Труб., стр. 326).

Формы *tēno*, *tēbo* отмечаются в горичанском говоре словенского⁵, фиксируются параллельно с формами с флексией *-om* в белокраинском говоре⁶, а также в с. Мажароли на территории терских говоров⁷ (*z mólo*).

В дальнейшем флексия *-o* была осложнена „партикулой“ *i*⁸, почему окончание *-oj* словенского нельзя рассматривать как идентичное по образованию с окончанием *-oi* русского языка. Формы тв. ед. с флексией *-oi* характеризуют собой значительную часть словенских говоров и литературный язык. Параллельно с иными образованиями тв. ед. они фиксируются в говоре корошских словенцев⁹, отмечены в прлешском говоре словенского¹⁰. Иные словенские говоры иначе преобразуют флексию тв. ед.: в белокраинском говоре фиксируется форма *tapot*¹¹, известная также прлешскому говору словенского¹²; Ф. Рамовш отмечает наличие флексий *-om* в прекмурском говоре¹³.

Флексия *-of*, отмечаемая в прекмурском говоре параллельно с окончанием *-om*¹⁴, „напоминает, — как пишет Ф. Рамовш, — староштокавское окончание *oov*“¹⁵, почему объясняется иногда как заимствованное из хорватского языка.

В многообразии флексий тв. ед. личных местоимений в словенских говорах следует видеть различные хронологические этапы развития древнего окончания (*oiø*, *o*, *oi*) и влияние флексий имен существительных о-основ (*-om*).

2. Западнославянские языки

Западнославянские языки обнаруживают наибольшие изменения форм тв. ед. личных местоимений.

В отдельных западнославянских языках изменения охватывают и основы изучаемых падежей и их флексии, в ряде — относятся

⁵ F. Ramovš. Historična gramatika slovenskega jezika, VII, стр. 176.

⁶ Там же, стр. 141.

⁷ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии, II, стр. 158.

⁸ F. Ramovš. Morfologija slovenskega jezika, стр. 83.

⁹ V. Modendorfer. Narodno blago Koroških slovencev. Maribor, 1934, стр. 10, 21 и др.

¹⁰ F. Ramovš. Historična gramatika slovenskega jezika, VII, стр. 141, 182.

¹¹ Там же, стр. 141.

¹² Там же, стр. 182.

¹³ Там же, стр. 191.

¹⁴ Там же.

¹⁵ F. Ramovš. Morfologija slovenskega jezika, стр. 83.

лишь к области флексии. Неодинакова и степень диалектных различий указанных изменений в говорах отдельных западнославянских языков.

Наиболее интенсивно проявляется процесс преобразования форм тв. ед. в чешском языке.

Процесс замены древних основ тв. ед. *tob-*, *sob-* основами с *e* в корне в истории чешского языка был весьма интенсивным: если в Далимиловой хронике формы *tobi*, *sobi* являются преобладающими, то в деловой древнечешской письменности XV—XVI вв. они являются лишь спорадически, и Я. Гебауэр считает их для XV в. уже архаизмами¹⁶. Основными формами падежа являются формы с *e* в основе: že s *sebu* děti ma (Vyp. kn. svěd., № 2, стр. 300); a ja na tě pěcě neměl, a jezdil sem s *tebu* (Dop. Baw., № 16, стр. 331); abyste *mezi sebau* o to srownali jako bratří (Psaní V. Pernšt., стр. 137).

Формы тв. ед. с основами *teb-*, *seb-* характеризуют собой почти все чешские говоры. Варианты тв. ед. с *o* в основе фиксируются лишь в некоторых восточнолашских говорах¹⁷ параллельно с формами с *e* в основе.

Значительные колебания обнаруживаются чешские говоры и в окончаниях тв. ед. личных местоимений. Изменения древних окончаний тв. ед. в *-i*, происшедшие в результате ассимиляции и стяжения гласных после утраты интервокального *ž*, отражены уже в древнейших чешских памятниках письменности: соž o tom jest', *mnu* poviedano (Dal. chr., стр. 118); J moje nekteru wec *pred sebú* (Dop. Baw., № 16, стр. 331); stuoj se *mnu*, kdež jest toho miesto (Dop. Zw., № 28, стр. 242); jakož su byly mezi kralewu M^{te} s jedne strany a *mezi mnú* s druhé strany (Záp. pražské, № 3, стр. 191); (P) oyma zzobu zzwe paztysie (Mar., стр. 118).

Формы *mnu*, *tebu*, *sebu* отмечены в злинском¹⁸, валашском¹⁹ и штрамбергском говорах²⁰.

Окончание тв. ед. личных местоимений *-oi*, характеризующее литературный чешский язык, фиксируется в полническом²¹ и поленском²² говорах чешско-моравской области, в литомышльских говорах²³, в горноблатницком²⁴, поджицких²⁵ и юго-запад-

¹⁶ J. Gebauer. Historická mluvnice jazyka českého, d. III, стр. 529.

¹⁷ A. Kellner. Východolášská nárečí, стр. 163.

¹⁸ F. Bartoš. Dialektologie moravská, d. I, стр. 73.

¹⁹ Там же, стр. 23.

²⁰ A. Kellner. Štramberské nárečí, стр. 58.

²¹ J. Hošek. Nárečí českomoravské, d. II, стр. 50, 54 и др.

²² Там же, d. I, стр. 140, 156 и др.

²³ O. Hodura. Nárečí litomyšlské, стр. 32.

²⁴ Dr. Vydra. Popis a rozbor nárečí hornoblanického, стр. 131.

²⁵ J. Haller. Popis a rozbor lidové mluvy v pěti podřipských obcích, d. I, стр. 138.

ноческих говорах²⁶. Распространены формы *tpoi*, *tebou*, *sebou* и в Рожновской околии²⁷.

Узкоограниченную локализацию имеет флексия *-it*. В привлеченных к работе диалектных источниках формы тв. ед. с этим окончанием отмечены в отдельных лашских²⁸, восточнолашских²⁹ и среднеопавских говорах³⁰. Я. Гебауэр считает эти формы тв. ед. результатом польского влияния³¹.

Формы тв. *tpo*, *tebó*, *sebó* распространены в ряде ганацких говоров³², фиксируются в говоре Урчиц и окрестностей³³ и в босковицком говоре³⁴.

Колебания в основах и окончаниях тв. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения обнаруживает и словацкий язык. В древнесловакских памятниках письменности фиксируются обе разновидности основ указанных форм *teb-*, *seb-* и *tob-*, *sob-*: protož učinva *mezi sebú* jednostajné dokonání (Kn. žil., № 73, 1469 г., стр. 122); *mezi sobú* (Kn. žil., № 98, 1494 г., стр. 140); nez on vie jake wiecza przed *sebu* czyniti (Slov. l., № 14, 1512 г., стр. 107); a statek pobrali *sobu* (L. pod., № 56, нач. XVIII в., стр. 99); aby ona czo *sebu* przynesla (Kremn. l., 1568 г., стр. 340)³⁵.

Имеют место колебания в основах тв. ед. местоимения 2-го лица и возвратного в современных словацких говорах. Формы *so* в основе фиксируются в некоторых гемерских говорах и в северо-восточной Венгрии³⁶. Основной массив словацких говоров характеризуется наличием *e* в основе изучаемых форм.

Современные словацкие говоры не обнаруживают общности и в оформлении окончаний тв. ед. личных местоимений: если среднесловакские говоры характеризуются в основном флексией *-oú*³⁷, то западнословакские и восточнословакские говоры имеют окончание *-i* в формах тв. ед. (*tebú*, *sebú* на западе и *tebi*,

26 J. Voráč. Česká nářečí jihozápadní, стр. 110.

27 M. Kulda. Moravské národní pohádky, pověsti, obyčeje a pověry, стр. 24, 31 и др.

28 Fr. Bartoš. Dialektologie moravská, d. I, стр. 118.

29 Ad. Kellner. Východolašská nářečí, стр. 164.

30 A. Lamprecht. Středoopavské nářečí, стр. 57.

31 J. Gebauer. Historická mluvnice jazyka českého, d. III, стр. 529.

32 F. Bartoš. Dialektologie moravská, d. II, стр. 24, 50 и др.

33 F. Kopečný. Nářečí Úrčic a okoli, стр. 91.

34 F. Sverák. Boskovické nářečí, стр. 56.

35 Подробнее об этом см.: J. Stanislav. Dějiny slovenského jazyka, d. II, стр. 296.

36 J. Stanislav. Dějiny slovenského jazyka, d. II, стр. 296.

37 V. Vážný. Nářečí slovenská, стр. 267; J. Stanislav. Liptovské nářečia, стр. 328, 492 и др.; P. Ondrus. Stredoslovenské nářečia v Maďarskej Ľudovej republike, стр. 118; J. Mihaľ. Charakteristika breznianského nářečia, стр. 201; J. Štolc. Nárečie troch slovenských ostrovov v Maďarsku, стр. 262.

sebi на востоке)³⁸. Я. Станислав считает формы *tli*, *tēbū*, *sebū* развившимися из **tъpojo*, **tobojo*, **sobojo* в результате известных всем западнославянским языкам процессов.

Западнословацкие говоры характеризуются формами тв. ед. с долгим окончанием — *tli*, *tēbū*, *sebū*; восточнословацкие говоры — с -i, лишенным долготы, возникшим из ī³⁹.

Изоглосса различных окончаний форм тв. ед. личных местоимений, совпадающая с соответствующей изоглоссой имен существительных *a*-основ, представлена В. Важным⁴⁰.

Флексия *ot* в формах тв. ед. личных местоимений, отмеченная в ряде словацких говоров⁴¹, большого распространения в словацком не имеет, представляя собой, по-видимому, рефлекс заимствованного из польского образования.

Изменение форм тв. ед. в польском ограничивается областью флексии.

В результате ассимиляции и стяжения гласных после утраты интервокального i в древнем окончании тв. ед. в большей части польских говоров и в литературном языке формы тв. ед. личных местоимений имеют образования *tło*, *tobą*, *sobą*.

Указанные изменения флексий тв. ед. произошли в дописменный период, и в древних польских памятниках фиксируются формы тв. ед. с окончанием o: **nademno** (Pul., стр. 78); **vczoszily se nademno** (Flor., стр. 37); nie możesz tuta być ze **tlą** (K. Cn., стр. 41); Coz mam z **tobą** czynić (Wyb. t. st.-p., стр. 123, Skarga); hieru zaio e **sobą**, ani na prawo ani na lewo (Wyb. t. st.-p., стр. 57, Orzechowski).

Отступления от подобного написания форм тв. ед. — *tłojż* (Flor., стр. 30), *tmo* (Flor., стр. 37), имеющие место в отдельных древнепольских памятниках письменности, носят характер графический.

Изменения форм *tło*, *tobą*, *sobą* в современных польских говорах обусловливаются различными рефлексами ж (o). Более высокий подъем артикуляции при произношении o, характерный для части польских говоров, вызывает появление форм *tlj*, *tobū*, *sobū*⁴² или соответствующих форм без ринезма — *tli*, *tobū*, *sobū*⁴³; *tlji*, *tobu*, *sobu*⁴⁴.

³⁸ J. Stanislav. *Dejiny slovenského jazyka*, d. II, стр. 296.

³⁹ Там же, стр. 587.

⁴⁰ V. Vážný. *Nárečí slovenská*, стр. 266.

⁴¹ G. Horák. *Nárečie Pohorej*, стр. 77; E. Pauliny. *Nárečie zátopových osád na hornej Orave*, стр. 80.

⁴² K. Nitsch. *Dialekty polskie Prus Zachodnich*, cz. I, стр. 136; P. Gołąb. *Gwara Schodni i okolicy*, стр. 116.

⁴³ K. Nitsch. *Dialekty polskie Prus Wschodnich*, стр. 451; его же. *Dialekty polskie Śląska*, cz. I, стр. 121; P. Gołąb. *Gwara Schodni i okolicy*, стр. 115.

⁴⁴ K. Nitsch. *Dialekty polskie Prus Zachodnich*, cz. II, стр. 201.

В говорах, где в соответствии с *o* литературного польского языка имеется *i+носовой*, являются формы *tput*, *tobut*, *sobut*⁴⁵.

Областью флексии ограничены изменения тв. ед. и в кашубском языке.

Большая часть кашубских говоров характеризуется употреблением форм *tpo*, *tbo*, *sobø*. В зависимости от произношения носового в кашубских говорах фиксируются фонетические разновидности форм тв. ед. — *tpo*, *tbo*, *sobø*⁴⁶, *tpor*, *tboŋ*, *sobɔŋ*⁴⁷ и *tpi*, *tbi*, *sobi*⁴⁸. Неизвестным иным славянским языкам образованием является форма тв. ед. *to*, отмеченная Ф. Лорентцом в Рабадине параллельно с обычным образованием падежа *tpr*⁴⁹. В возникновении ее следует видеть проявление унификации основ названных падежей в парадигме местоимения 1-го лица, *n* в основе всех иных косвенных падежей в которой утрачено.

Отмечаемая исследователями полабского языка форма тв. ед. *topa* (*sa tpane H*, *sa tþne NBC*) неясна по образованию. А. Шлейхер видит в *så tpe* замену тв. ед. формой дат. ед. по образцу немецкого⁵⁰, Т. Лер-Славинский более правдоподобным считает ее объяснение как „ошибки записывающего“⁵¹. Форма *topo* в полабском является фонетическим изменением праславянского образования **tъnoiō*, возникшего в результате рефлекса редуцированного в корне в *a*, происшедшего во всех косвенных падежах парадигмы местоимения 1-го лица.

Известны преобразования основ тв. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения части *нижнелужицких* говоров.

В древних памятниках письменности и современных говорах верхних лужичан фиксируется вполне последовательное *o* в основе указанных местоимений: *ſhn pred tobu ſchczinil* (Mart. ps., стр. 10); *Ten pástyr ze so ſqbú a ten lutk* (LB 202, N 4, стр. 3); *Bech sobu na katoliskim zjedze* (Sil. 53/64); *Na, zo mnu je cas* (Sil. 54/015); *aber holcy by sobu ſli ...* (Sil. 56/004).

Единственными являются формы тв. ед. *c o* в основе и в Новом Завете⁵².

Формы тв. ед. с основами *tob-*, *sob-* характеризуют и все почти группы *нижнелужицких* говоров⁵³. Е. Мука считает

⁴⁵ Z. Sobierajski. Gwary kujawskie, стр. 77; С. Кульбакин. Морфология сважендского говора, стр. 11.

⁴⁶ F. Lorentz. Teksty pomorskie (kaszubskie), zesz. 3, стр. 612, 613 и др.

⁴⁷ Там же, стр. 667, 678 и др.

⁴⁸ Там же, стр. 764 и др.

⁴⁹ F. Lorentz. Gramatyka pomorska, zesz. 8, стр. 916.

⁵⁰ A. Schleicher. Laut- und Formenlehre der Polabischen Sprache, стр. 262.

⁵¹ T. Lehr-Sławinski. Gramatyka polabska, стр. 186.

⁵² A. Leskin. Das sorbische Neue Testament von 1548. — AfslPh, Bd. I, H. 2, стр. 200.

⁵³ E. Mucke. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersорбischen Sprache, стр. 384, 391, 393.

тв. ед. с основами *tēb-*, *seb-* „появившимися“ в течение веков формами, отмечая, что они неизвестны Фабрициусу и Хаутману⁵⁴.

Неизвестны формы тв. ед. с основами *tēb-*, *seb-* и восточно-лужицким говорам, в которых фиксируются формы *tobu*, *sobu*⁵⁵.

3. Восточнославянские языки

Изменения в формах тв. ед. личных местоимений в восточнославянских языках ограничены областью флексии. В русском, белорусском языках и в значительной части украинских говоров эти изменения заключаются лишь в сокращении древней флексии *-ю* (**oio*) в *-ой*.

В современном русском литературном языке „типовыми“ и „господствующими“ формами тв. ед. являются формы *мной*, *тобой*, *собой*⁵⁶. Формы тв. ед. с флексией *-ю* определяются авторами академической „Грамматики русского языка“ как варианты, встречающиеся „в особых условиях, главным образом, в стихотворной речи, где выбор их бывает обусловлен ритмическими и мелодическими требованиями“⁵⁷.

Не представляет собой картографируемого явления указанное различие формы тв. ед. и в современных русских говорах.

А. А. Кривицкий предпринял попытку определения границ распространения тех или иных форм тв. ед. в белорусских говорах. В результате привлечения новых диалектных материалов ему удалось подтвердить наблюдение Е. Ф. Карского о большом распространении флексии *-ю* в юго-западных районах Белоруссии — в Брестской, Гродненской, Гомельской областях⁵⁸. Распространение флексии *-ю* в юго-западных говорах белорусского языка, пограничных с украинскими, обусловлено, по-видимому, влиянием последних, поскольку названная флексия тв. ед. является господствующей в большей части украинских говоров и в современном украинском литературном языке.

Преобразования древней флексии тв. ед., имеющие место в западноукраинских говорах, неоднородны по своему происхождению. В образованиях *мноў*, *тобоў*, *собоў*, фиксируемых в ряде диалектологических описаний западноукраинских говоров⁵⁹

⁵⁴ Там же, стр. 381.

⁵⁵ Л. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие, стр. 106; М. Ногник. *Příklad mužakowského podryče*, стр. 119.

⁵⁶ „Грамматика русского языка“, т. I. Фонетика и морфология“. М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 389.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ А. А. Кривицкий. Указ. соч., стр. 106.

⁵⁹ І. Панькевич. Говір с. Валашковець б. Землинської жупи на Закарпатті, стр. 19, 20; J. Janów. Gwara małoruska Moszkowieci Słówki Nadnidzistrańskie z uwzględnieniem wsi okolicznych, стр. 81; О. Брокъ. Угро-русское наречие с. Убли, стр. 96; І. Верхратський. Говір батюків, стр. 49.

и отмеченных в материалах ДАУ сплошным массивом на территории бойковско-среднезакарпатских, покутских, гуцульских говоров и в значительной части надднестрянских и буковинских говоров, следует видеть результат фонетического преобразования древней флексии тв. ед.: ассимиляции неслогового и утрачиваемому у окончания.

Дальнейшим фонетическим преобразованием форм *мноў*, *тобоў*, *собоў* являются, по-видимому, формы *мнов*, *тобов*, *собов*, фиксируемые, как и формы с флексией *оў*, в западноукраинских памятниках письменности, имеющих западную территориальную отнесенность: ...икъ са межи собовъ злагодать (Мат. Угр. Р., V, стр. 53); ...водили изъ собовъ жоны (Мат. Угр. Р., VII, стр. 92).

Известны эти образования и современным украинским говорам⁶⁰.

В формах *мном*, *тобом*, *собом*, отмеченных в лемковском говоре⁶¹, в некоторых закарпатских говорах⁶² и в ряде говоров Каменец-Подольской, Тернопольской и Львовской областей (по материалам ДАУ), можно видеть лишь факт морфологического преобразования форм тв. ед., обусловленного обобщением флексий тв. ед. м., ж. и ср. родов по типу окончаний тв. ед. существительных о-основ.

⁶⁰ І. Свєнціцький. Бойківській говор с. Битля; І. Франко. Галицько-русські народні приповідки, стр. 212, 225 и др.; В. Шухевич. Гупудьшина, III, стр. 114, 138.

⁶¹ І. Верхратський. Про говор галицьких лемків.

⁶² І. Панькевич. Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей, ч. I, стр. 264.

Г л а в а п я т а я

ДВОЙСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Начало разрушения категории двойственного числа относится к дописьменному периоду развития славянских языков.

Дв. ч. личных местоимений занимает, по утверждению А. Белича, „особое место“¹ в системе дв. ч., и наиболее древние славянские памятники письменности отражают систему форм дв. ч. личных местоимений почти ненарушенной.

Все формы парадигмы дв. ч. личных местоимений представлены лишь в старославянских и древнерусских памятниках письменности, не выходящих за пределы XII в., причем в древнерусском несомненно их пережиточное употребление.

В настоящее время большая часть славянских языков полностью утратила формы дв. ч. личных местоимений. В некоторых языках, утративших категорию двойственности, отдельные формы дв. ч. личных местоимений, потерявшие значение двойственности, функционируют со значением мн. ч., вытеснив исконные образования мн. ч. И только отдельные славянские языки сохраняют в несколько преобразованном виде до настоящего времени систему форм дв. ч. личных местоимений.

Система форм дв. ч. личных местоимений в словенском и лужицких языках, сохранивших категорию двойственности, значительно отклонилась от древнейшей, почему для реконструкции соответствующих праформ материала этих языков многое дать не может. Большее значение имеют данные древнейших памятников славянской письменности, восходящих к эпохам, когда дв. ч. было еще живой категорией языка, т. е. прежде всего факты старославянского и древнерусского языков.

Отдельные формы дв. ч. личных местоимений обнаруживают различную степень устойчивости в процессе разрушения древней системы двойственности. Наименьшей устойчивостью обладали формы им. и вин. дв. местоимения 1-го лица *въ* и *на*, уже

¹ А. Белић. О двојини у словенским језицима. Београд, 1932, стр. 32.

в старославянском допускавшие случаи замены их формами мн. ч. Наибольшей устойчивостью отличались формы род.-мест. и дат.-тв. — *наю, ваю* (*naju, vaju*) и *нама, вама* (*nama, vama*), исключительно долго сохранявшиеся в древних памятниках письменности и в отдельных языках представленные в настоящее время.

Некоторые формы дв. ч. представлены единичными примерами, а потому нет оснований для обоснованных реконструкций их в праславянском. Иные формы дв. ч. устойчиво сохраняются в говорах, и реконструкции соответствующих образований сомнений не вызывают.

Перераспределение падежных значений между формами дв. ч.личных местоимений, имевшее место в истории отдельных славянских языков, нами не рассматривается.

I. ФОРМА ИМЕНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА МЕСТОИМЕНИЯ 1-ГО ЛИЦА *вѣ* (*vē*)

Форма им. дв. местоимения 1-го лица *вѣ* (*vē*), отличавшаяся в древности от вин. дв., является пережиточным образованием уже в эпоху древнейших славянских памятников письменности. Она фиксируется лишь в одном чтении Мариинского, Ассемания и Зографского евангелий: ...кто емоу отвръзе очі *вѣ* не *вѣвѣ* (Mar., Io. IX)².

Широко употребляет форму *вѣ* лаврентьевский летописец: Встаста два вольхва отъ Ярослава, глаголаше: „Яко *вѣ* свѣве кто обилье держить“ (Лавр., стр. 170); и поидоста 2 уноши къ нему красна... и глаголаста: Исакие. *Вѣ* есвѣ ангела“ тако *вѣ* даяла (Лавр., стр. 245); и затворися Давидъ и Володимеръ ... и послали къ Володимердемъ глаголюще: *вѣ* не придоховѣ на градъ вашъ (Лавр., стр. 258).

Ряд примеров употребления формы *вѣ* приводится в древнерусском словаре И. И. Срезневского³, однако большая их часть зафиксирована в памятниках, написанных под значительным церковнославянским влиянием, — в евангелиях, житиях святых — и не может свидетельствовать о наличии формы *вѣ* в русском народноразговорном языке XI—XII вв.

Отмечается эта форма в одной боснийской грамоте XIV в. — *вѣ* можева (Босн. гр. II, 7).

До XV в. включительно сохраняется форма *wie* в древнечешской письменности. Отдельные примеры ее употребления фиксируются в памятниках XIV—начала XV в.: *wie tuto muku trpíve* (Hrad. 90^в — рукопись первой половины XIV в., изд. A. Patera

² Все грамматики старославянского языка приводят именно этот евангелический отрывок в качестве примера употребления формы им. дв. местоимения 1-го лица.

³ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, стр. 477.

в 1882 г.); **wye** na každý den obět vzdáváva (Pass. 601 — рукопись XV в.); jako svě **wye**, ty a já, jedna věc (Krist. 93^b — рукопись XIV в.); jest byl silnější než **wye** (Pror. Dan, 13, 39 — рукопись конца XIV в.); neb je byl silnější než **wye** (Nový Zákon, naps. od. Mart. Kořečka 1425 г.)⁴.

Замена формы **wie** образованием **wa** произошла в чешском лишь в XV в.

Причину более ранней утраты им. дв. местоимения 1-го лица по сравнению с иными формами парадигмы дв. ч. можно видеть в том, что наличие четырех, а не трех форм дв. ч. у местоимения 1-го лица не соответствовало общему количеству форм дв. ч., которое в славянских языках „имело лишь три формы“, каждая из которых использовалась для выражения нескольких падежей⁵.

Дальнейшее изменение формы им. дв. местоимения 1-го лица в славянских языках пошло не по пути ее унификации с формой вин. дв., но совершенно иными, специфическими для каждого славянского языка путями.

В словенском форма им. дв. уже в период древнейших памятников письменности имела образование *midva*, весьма прозрачное по своей структуре. Это новообразование фиксируется в древнесловенских памятниках письменности начиная с П. Трубера. Оно детально описано Л. Тениером⁶ и в плане морфологическом в большем исследовании не нуждается.

В чешском и польском языках древнее образование дв. ч. 1-го лица *vie* заменяется новообразованием **wa**. Последнее весьма широко фиксируется в чешских памятниках письменности: snad **wa** umřeva hladem (*Život Adamův*, стр. 198^a, рукопись первой половины XV в.); pod'va **wa** napřed (*Petra Comestora Historia*, стр. 180^b, рукопись конца XV в.); odpovědě matí: O milý synu, **wa** oba máva přičinu k plakání, nebo... **wa** vždycky jsmá ve tmě (*Gesta Klementiská*, стр. 149, рукопись половины XV в.)⁷. Чехисты считают, что форма **wa** заимствовала гласный *a* из форм дв. ч. *dva*, *dobra*⁸, полонисты предполагают, что данный гласный заимствован из флексии глагола⁹.

В древнепольском, „очень рано потерявшем синтаксическое дв. ч.“¹⁰ примеры употребления формы **wa** немногочисленны.

⁴ Примеры взяты из *Slovníka staročeského* J. Gebauer'a, d. I, стр. 607.
⁵ А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 317.

⁶ L. Tesnière. Les formes du duel en slovène. Paris, 1925, стр. 233, 248—249.

⁷ Примеры взяты из „*Slovníka staročeského*“ J. Gebauer'a, d. I, стр. 607.

⁸ См. J. Gebauer. Historická mluvnice jazyka českého, стр. 529; F. Trávníček. Historická mluvnice česko-slovenská, стр. 354.

⁹ A. Kalina. Formy gramatyczne języka polskiego, стр. 339; J. Łoś. Gramatyka polska, cz. III, стр. 166; Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Spaliński, St. Urbanczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego, стр. 322.

¹⁰ А. Белић. О двоинни у словенским језицима, стр. 189.

Все исторические грамматики польского языка приводят следующие примеры ее употребления: *wa oba* (Blsk. 183У), *wa* (Groch, Wieroz. 335)¹¹, *wszytko* со *wa przysieglą* (BZ, 20). Несмотря на различные существующие объяснения формы *wa* в польском и чешском языках, как кажется, нет оснований не видеть в этих формах общее обоим языкам образование.

Преобразование формы им. дв. в лужицких языках пошло по третьему пути: вместо исчезнувшей в дописьменный период формы в значении им. дв. употребляются образования *toj* — в верхнелужицком и *tej* — в нижнелужицком. Происхождение согласного основы этих форм разногласий не вызывает: *t* безусловно явилось по аналогии с формой им. мн. 1-го лица. Характер окончаний названных форм неясен. Возможно, что определенную роль сыграла аналогия с окончаниями имен прилагательных типа *dobrej*¹² или с формой им. дв. местоимения 2-го лица *voj*, которая „полностью соответствует“ старославянскому¹³. Оба предположения имеют свои основания.

Э. Мука отмечает в верхнелужицком — в Лобауере и в южных горных говорах — форму *wi*¹⁴, которая является, судя по употреблению ее в народных песнях, формой им. дв. м. р.; соответствующим образованием ж. р. является форма *wie*. Иным лужицким говорам подобное разграничение форм неизвестно.

Изменения формы им. дв. в кашубском языке многообразны: исследователи отмечают формы им. дв. м. р. *ta*, *taiu*, *taii* и им. дв. ж. р. *t'ę*, *ta*, *ta*¹⁵. Часть их форм функционирует и со значением мн. ч., поскольку значения множественности и двойственности в кашубском резко не разграничены.

В заборских северных говорах фиксируются формы *ta* и *t'ę*, в южнозаборских — форма *t'ę* и польско-зaborских — форма *ti*, функционирующие со значением множественности¹⁶.

II. ФОРМА ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА МЕСТОИМЕНИЯ 1-ГО ЛИЦА *na* (*na*)

Наличие особой, отличной от им. дв. формы вин. дв. местоимения 1-го лица свидетельствуется фактами старославянского и древнерусского языков, фиксирующих в отдельных памятниках форму *na*, функционирующую в значении вин. дв.

¹¹ A. Kalina. Formy gramatyczne języka polskiego, стр. 339.

¹² A. M. Селищев. Славянское языкознание, I, стр. 248.

¹³ D-r Pfuhl. Laut-und Formenlehre der Oberlausitzische-wendischen Sprache, стр. 62.

¹⁴ E. Mucke. Historische und Vergleichende Formenlehre der niedersorbischen Sprache, стр. 394.

¹⁵ F. Lorentz. Gramatyka pomorska, стр. 916.

¹⁶ F. Lorentz. Teksty pomorskie (kaszubskie), Zesz. 3, стр. 624, 611, 692, 757.

Форма *на* представлена единичными примерами употребления даже в наиболее древних памятниках славянской письменности, что свидетельствует о древности замены ее формами вин. мн., происходившей, по-видимому, уже в дописьменный период развития славянских языков.

Ст-сл.: *ѝ се в слѣпъца сѣдѣста при пжти. слышавъша же*
тако іс мимо ходить възъста глаꙑща помилоуї на ги. сноу двъ.
(Савв., Матф., XX, 33, стр. 26).

Др.-русск.: Но аще *на* пустиши, много ти добра будетъ (Лавр., стр. 149); ...се брата Бъ скупилъ *на* по месту (Ипат., стр. 421); ...и прими *на* к собѣ (Ипат., стр. 441).

И. И. Срезневский приводит, кроме названных, еще несколько примеров употребления этой формы из Пролога XIII в.¹⁷

Пережиточный характер формы вин. дв. местоимения 1-го лица в ранний период древнеславянской письменности не может вызывать сомнений. В языке старославянских памятников письменности форма вин. дв. местоимения 1-го лица почти последовательно заменяется соответствующими формами мн. ч. — *ны* и *нась*: възописте глаголъ шта помилуи *ны* (Мар., Матф., XX); пришьдъша же къ немоу мѫжа рѣсте... посыла *ны* к тебѣ (Мар., Лука, VII); она же паче въписта глаꙑща. помилоуї *ны* ги сноу двъ (Савв., Матф., XX, стр. 26).

Иным славянским языкам в период их древнейших памятников форма вин. *на* (*na*) не была известна¹⁸.

III. ФОРМА ИМЕНИТЕЛЬНОГО-ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА МЕСТОИМЕНИЯ 2-ГО ЛИЦА *ва* (*va*)

Пережиточный характер употребления имела и форма им.-вин. дв. местоимения 2-го лица. В старославянском форме *ва* в значении им. и вин. дв. отмечена лишь в Савиной книге: *ѝ самъ іс сърѣте та гла. радоута ва са* (Савв., Матф., XXVIII, 9, стр. 116); *ѝ створж ва ловьца члкомъ.* (Савв., Матф., IV, стр. 11).

Древнерусскому языку форма *ва* в значении им. дв. неизвестна; в значении вин. дв. она представлена лишь отдельными примерами употребления в языке нескольких памятников письменности религиозно-богословской и житийной литературы: Темъ же проповѣдати *ва* (Служебные минеи за октябрь 1096 г., стр. 99); *человѣка ли ва* именую, князя ли *ва* прилаголю, ангела ли *ва*

¹⁷ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, СПб., 1895, стр. 265.

¹⁸ См. указание Э. Деко об ошибочном, основанном на неточном издании толкования текста Кохановского — *tѣj rzeczy na swiadki macie*, предложенном Челяковским (Čtení o srovnávací mluvnici slovanské стр. 228). — Е. Десаих. Указ. соч., стр. 86.

нареку (Сказание о Борисе и Глебе, стр. 16г—12—9)¹⁹; Се въшьдъшема вами въ градъ сърашеть ва члкъ въ скоудѣльнице воду носа (Юр. ев. п. 1119 г.)²⁰.

И в старославянском и в древнерусском языках изучаемая форма последовательно заменяется формой им. мн. *вы*: ... съ ли есть онъ ваю его же *вы* глета (Mar., Zogr., Io., IX, 19); *и* сътворѣ *вы* чкомъ ловыца (Zogr., Mt., IV, 19); почто *вы* распра имата (Лавр., стр. 173).

Иным славянским языкам форма *va* в названном значении неизвестна.

Древнее образование изучаемого падежа до настоящего времени сохраняется кашубским языком, утратившим, однако, в большинстве своих говоров специфическое значение двойственности этой формы. Ф. Лорентц отмечает форму *va* как форму вин. дв. м. р. и формы *va*, *ve*, *va* как соответствующие формы ж. р.²¹

Из числа изученных нами кашубских текстов форма *va* со специфическим для нее двойственным значением фиксируется в польско-зaborской группе говоров²²; в севернозaborских и южнозaborских говорах она функционирует и со значением мн. ч.

Значительную устойчивость по сравнению с им. и вин. дв. обнаруживают формы род.-мест. и дат.-тв. дв. личных местоимений, фиксируемые во всех древнеславянских памятниках письменности.

Причина подобной устойчивости форм заключается, как кажется, в их параллелизме с окончаниями соответствующих падежей имен существительных *a*-основ.

IV. ФОРМЫ РОДИТЕЛЬНОГО-МЕСТНОГО ПАДЕЖА ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА *наю* (*naju*), *ваю* (*vaju*)

Формы род.-мест. дв. *наю* (*naju*), *ваю* (*vaju*) фиксируются в древнейших письменных памятниках южных, западных и восточных славян.

Заменяются эти формы формами мн. ч. в старославянском „очень редко“²³. Обычными формами род.-мест. дв. являются формы *наю*, *ваю*: да отвръзете сѧ *наю* очи (Mar., стр. 736); не срдце ли *ваю* гора бѣ *въ наю* (Mar., стр. 310); ... съли

¹⁹ П. М. Кравченко. История форм личных местоимений... Приложение. Л., 1948, стр. 13, 24.

²⁰ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 223.

²¹ F. Lorentz. Gramatyka pomorska, стр. 916.

²² F. Lorentz. Teksty pomorskie (kaszubskie), zesz. 3, стр. 751.

²³ А. Белич. К двойственному числу в старославянском. — ИОРЯС, т. IV, кн. 4. СПб., 1899, стр. 1189.

есть снъ **ваю** (Мар., стр. 354²⁰); гла по вѣрѣ **ваю** бѣдеть вама (Савв., Матф., IX, стр. 19); ги да отврьзета сѧ очи **наю** (Савв., Матф. XX, стр. 26).

Значительным количеством примеров представлены формы род.-мест. дв. и в древних сербско-хорватских памятниках письменности: да не Ѹстáвляють **ваю** (Сп. св. Саве, стр. 158); и д(оу)хъ б(о)жїи да побѣть **на ваяу** (Сп. св. Саве, стр. 159); и потьшаасвѣ се створи(ти) храмъ светаго Николе въ помошь **наю** (Ст. срп. зап., № 60, 1332 г., стр. 27); милость **наю** кнезу влькѹ даевѣ (вѣрѣ) **наю** (Босн. гр., № V, стр. 57); да не Ѹнаю сѹжьнь (Босн. гр., № V, стр. 58); **безъ наю** сръдьца (Босн. гр., № 18, стр. 57).

Широко представлены эти образования и в древнерусском языке: Колико отъ **ваю** прияхъ (Лавр., стр. 196); се тарополъ бра^т **наю** по смрти своєи хощеть дати Кыевъ Все-володу (Новг., стр. 15); Съ ли юсть сынъ **вај** (Остр. ев., Ё. IX); Не сърдьце ли **наю** гора бѣ **въ наю** (Остр. ев., Лук., XXIV).

Без изменений сохраняются формы род.-мест. дв. *paju*, *vaju* в словенском языке. Они фиксируются в Новом тестаменте П. Трубера, в библии XVI в. Ю. Далматина, в произведениях А. Богорича, Юричича и др.: *zhes paju* (Trub. N. Test., Mat., IX, 27); *nayu ozli* (Trub. N. Test., Mat., XX, 33); *po vaju veri* (Trub. N. Test., Mat., IX, 29); *naju* (Dalm. Bibl., Mat., IX, 27); *vaju* (Dalm. Bibl., Mat., IV, 19); *vaju* (Bohorič, стр. 79); *neili nayu Sarze garelo vnavyu* (Juričič, стр. 11°).

Образования *paju*, *vaju* являются единственными формами род.-мест. и вин. дв. в современном словенском языке и его говорах. Они фиксируются в говоре венецианских словенцев²⁴, в резьянских говорах²⁵, в верхней и средней Карниолии, Нижней и Малой Штирии²⁶.

Формы *paja*, *vaja*, *pajë*, *vajë*, *paj*, *vaj* и *paji*, *vaji*, подробно описанные Л. Тениером²⁷, являются фонетическим вариантом древних форм и морфологического объяснения не требуют.

Сохраняются формы *paju*, *vaju* и в древних памятниках западнославянской письменности.

Значительное количество примеров употребления форм *paju*, *vaju* приводится в древнечешском словаре Я. Гебауэром: Mine *nayu* zlá ztráta (Mastičkář 107, рукопись XIV в.); nauč *nayu*,

²⁴ А. Клодич. О наречии венецианских словенцев.

²⁵ J. Baudouin de Courtenay. Resianische Texte, gesammelt in den Jahren 1872, 1873 und 1877. Materialien zur südslavischen Dialektologie und Etnographie, I, SPb., 1877 стр. 41; И. А. Бодуэн де Куртенэ. Опыт Фонетики резьянских говоров, стр. 13.

²⁶ L. Tesnière. Les formes du duel en slovène, стр. 269.

²⁷ Там же, стр. 269—272.

abychově v tvého boha uvěřila (Passionál 362, рукопись XV в.); uzdrav sě i **nagy** (Modlitby a legendy 105^b, рукопись XIV в.); by t'chtěl **nagy** hospodin zabiti (Bible Olomucká 13, XV в.)²⁸.

Изменение форм *naju*, *vaju* в *naji*, *vaji* является фонетическим, обусловленным перегласовкой *u > i* после мягких согласных.

Вплоть до XVIII в. сохраняются формы *naju*, *vaju*, потерявшие значение двойственности, и в польском языке: **od naju** (BZ, Tob., 5, 23); **naju** (BZ., 317в); *kto sie se mną puści z waju* (Loop. Rog. 26, 6); *Trzeba nam być do dnia w Kaju, Tesknią tam drudzy bez naju* (Grochowski, XVII в.); *Niechaj słucha obu naju* (там же); *Wszak wiesz, jako o naju u Ezopa stoi* (Bielsky, XVI в.); *Noster duorum naju aliqui Polonice vertunt* (Thesaurus Knapskiego, XVII в.); *Kto się ze mną puści z waju do obozu?* (Billia tlum. J. Leopoldy, 1561 г.)²⁹.

Значительной части современных польских говоров известны древние образования род.-мест. дв., функционирующие на большей территории со значением мн. ч. Лишь „над Вислой в окрестах Казимира и Пулав и в лясовском говоре под Тарнобрегом сохраняется значение дв. ч.“³⁰, постепенно исчезающее.

Кашубский язык сохраняет древние образования род.-мест. дв. *naiu*, *vaiu*, параллельно с развивающимися позднее формами *naii*, *vaii*, являющимися фонетическими вариантами древних форм³¹. Естественно, что специфическое значение двойственности этих форм является в современном кашубском утраченным, и названные формы функционируют в значении мн. ч.

В польско-заборской группе говоров кашубского отмечена форма *važi*, являющаяся фонетическим преобразованием древней формы³².

Сохраняются формы род.-мест. дв. *naji*, *vaji* лужицкими языками.

Параллельно с древними, фиксируемыми в лужицкой письменности формами *naju*, *vaju* — *Dha ie to waiu troßcht ſcho wę wiſtai a wiritai ſcho waiu stand* (Warich., стр. 61) — в современных лужицких говорах и в народноразговорном лужицком языке употребляются сокращенные варианты этих форм — *naj*, *waj*³³.

28 J. Gebauer. Slovník staročeský, d. I, стр. 607.

29 M. Linde. Słownik języka polskiego, t. III, Lwów, 1857, стр. 240; t. VI, 1860, стр. 211.

30 Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławiński, S. Urbanczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego, стр. 332.

31 F. Lorentz. Gramatyka pomorska, zesz. 8, стр. 916.

32 F. Lorentz. Teksty pomorskie (kaszubskie), zesz. 3, стр. 752.

33 G. Kral. Grammatik der wendischen Sprache in der Oberlausitz, стр. 50; E. Mucke. Historische und vergleichende Formenlehre, стр. 388; Dr. P fuhl. Laut- und Formenlehre der oberlausitzisch-wendischen Sprache, стр. 62; E. Mukka. Delnjolužiske pesnje Č. M. S., 1877, Bautzen, стр. 5.

V. ФОРМЫ ДАТЕЛЬНОГО-ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА *нама* (*nata*), *вама* (*vata*)

Формы дат.-тв. дв. личных местоимений фиксируются в древнейших памятниках славянской письменности. В старославянском языке замена их формами мн. ч. наблюдается „крайне редко“³⁴. Формы *нама*, *вама* представлены значительным количеством примеров: егда глаше **къ нама** на пжти. И ꙗко съка заше **нама** къниги (Mar., стр. 310₂₄); и рече. что хощета да сътвориѣ **вама** (Mar., стр. 73₅); учителю хощевѣ да ёгоже аще просивѣ створиши **нама** (Савв., Марк, X, стр. 67); се же рѣхъ **вама** (Савв., Матф., XXVIII, стр. 116); і аште **вама** къто речеть что се дѣта... (Zogr., Mark, XI, 3); ідѣта въ въсь тже есть **прѣмо вама** (Zogr., Mark, IX, 2).

Известны формы *нама*, *вама* и древнесербскому языку: кто *нама* не ѹчини зла (Босн. гр., стр. 57, № II).

В древнерусской письменности эти формы представлены значительным количеством примеров, однако они в отличие от старославянского языка часто заменяются формами мн. ч.: и рече има янъ: что *вама* бози молвят; ...она же рекоста: *нама* стати предъ Святославомъ; ... лжуть *вама* бози (все примеры из Лавр.).

Широко фиксируются эти формы и в древних словенских памятниках письменности и в современных словенских говорах: *nata* (Trub. N. Test., Marc, X, Luc. XXIV); *nata* (Trub. N. Test., Luc. XXI); *nata* (Dalm. Bibl., Marc, X); *nata*, *vata* (Bohorič, 79).

Формы *nata*, *vata* фиксируются почти на всей территории словенского языка. Они отмечены в Резии³⁵, в говоре Циркно³⁶, в Нижней, Верхней и Средней Карниолии³⁷, в Нижней и Малой Штирии³⁸, в Прекмурье и в Каринтии³⁹.

Изменением древнейших форм дат.-тв. дв. являются образования *nátmay*, *vátmay* и под., отмеченные Л. Тениером для отдельных словенских говоров. В них обычно видят „общеславянскую“ тенденцию присоединять *j* к окончаниям на гласный⁴⁰.

Формы дат.-тв. дв. *nata*, *vata* сохраняются и в древних памятниках западнославянской письменности, а также и в ряде говоров западнославянских языков, сохраняющих древние образования дв. ч.

В древнечешском форме *nata*, *vata* фиксируются

³⁴ А. Белич. К двойственному числу в старославянском, стр. 1189.

³⁵ I. Baudouin de Courtenay. Resianische Texte, стр. 40.

³⁶ I. Baudouin de Courtenay. Sprachproben des Dialektes von Cirkno. — AfSIPh, Bd. VIII, стр. 115.

³⁷ L. Tesnière. Les formes du duel en slovène, стр. 310.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, стр. 311.

⁴⁰ Там же.

вплоть до XV в. включительно, хотя примеры их употребления единичны: Proč s' ty **nama** to učinil (Zlomek legendy o sv. Alechioví, рукопись первой половины XV в., — Č Č Mus, 1851 г., стр. 142); nechce **k nama** ijeden kupec přijíti (Mastičkař, 212, рукопись XIV в.); staň sě **nama**, co žádáva (Passionál, 297, рукопись XV в.).⁴¹

В польском языке эти образования, потерявшие значение двойственности, фиксируются вплоть до XVII включительно: nie ugrozi zazdrość **nama** (J. Kochanowski, I, 306); gdyż się tak **vama** podoba (Orzechowsky, 101); miedzy **nama**, uzyń s **wama** pan miloserdzie daj **wama** naleźć pokój.⁴²

Сохраняются формы *nata*, *vata* до сих пор в кашубском языке⁴³ и его говорах, функционируя в значении мн. ч. Tāg ža **váma** zezvvolā⁴⁴; Moègä jw **zváma** grác?⁴⁵; pšínesuá **váma** fútrú⁴⁶; jw **váma** còs pòvýum.⁴⁷

Со специфическим значением двойственности сохраняются формы дат.-тв. в лужицких языках. В результате перераспределения падежных значений в формах дв. ч. формы *nata*, *vata* получили и значение мест. дв.

В нижнелужицком языке формы *nata*, *vata* не имеют колебаний по говорам. Лишь однажды в одной нижнелужицкой песне отмечена форма *wataj*: **wataj** ja wen tam pjerójdu (Deln. р., стр. 16). В этой форме следует видеть либо неточность записи (см. контекст: *wataj ja*), либо влияние верхнелужицкого языка.

Образования дат.-тв.-мест. дв. *wataj*, *wataj* верхнелужицкого языка обнаруживают параллелизм в окончаниях с соответствующими падежами дв. ч. именного склонения существительных *a*-основ, ими обусловлены, почему особых объяснений не требуют.

Таким образом, сохранившиеся в памятниках славянской письменности и в современных говорах славянских языков факты употребления форм дв. ч. личных местоимений дают основания для весьма предположительных реконструкций.

Едва ли возможно на базе нескольких примеров употребления той или иной формы дв. ч. в языке отдельных памятников реконструировать праславянские формы и даже предположительно говорить о каких-либо древних изоглоссах. Отсутствие той или иной формы в древних славянских памятниках в период

⁴¹ J. Gebauer. Slovník staročeský, d. I, стр. 607.

⁴² Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławiński, S. Urbanićzyk. Gramatyka historyczna języka polskiego, стр. 322.

⁴³ F. Lorentz. Gramatyka pomorska, zesz. 8, стр. 916.

⁴⁴ F. Lorentz. Teksty pomorskie (kaszubskie), zesz. 3, стр. 752.

⁴⁵ Там же, стр. 633.

⁴⁶ Там же, стр. 615.

⁴⁷ Там же, стр. 677.

утраты категории двойственности вполне естественно, и факт подобного отсутствия не может служить даже косвенным показателем того, что этой формы не было на территории праславянских говоров, легших в основу образования той или иной группы славянских языков.

Мы можем лишь предположить, что парадигма склонения дв. ч. в славянском языке периода, предшествующего его дроблению, соответствовала представленной в старославянских памятниках письменности. О каких-либо диалектных формах этой парадигмы в праславянском на основе имеющегося материала говорить нельзя.

Г л а в а ш е с т а я

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

В большей части славянских языков процессы преобразования парадигмы склонения личных местоимений мн. ч. с древнейших, фиксированных первыми памятниками письменности эпох до настоящего времени заключались лишь в утрате кратких форм дат. и вин. мн. *ны* (*ny*) и *вы* (*vy*). В болгарском языке был устранен супплетивизм основ в парадигме склонения мн. ч. местоимения 1-го лица, в результате чего обычна для всех славянских языков и, видимо, для праславянского языка позднего периода форма *мы* (*tu*) была заменена формой с согласным *н* (*n*) основы, характерным для всех косвенных падежей этой парадигмы.

Безусловность перечисленных преобразований определила то, что названные процессы до самого последнего времени не привлекали внимания исследователей. В работах, специально посвященных личным местоимениям, вопросы формирования парадигмы личных местоимений во мн. ч. освещаются, как правило, с меньшей степенью подробности, чем процессы образования форм ед. ч.¹ С различной степенью подробности рассматривается история изучаемых образований и в исторических грамматиках отдельных славянских языков.

Тщательный пересмотр всех положений, касающихся формирования парадигмы склонения личных местоимений во мн. ч., предпринял С. Ф. Самойленко. Поставив своей задачей „воссоздание истории восточнославянских местоимений в ее важнейших, наименее исследованных моментах“², он начинает монографию с исследования процессов формирования парадигмы личных местоимений во мн. ч.

¹ Ср., например: М. А. Прево. История форм личных местоимений в русском языке; А. А. Кривицкий. Нарис словотворчої системи української актової мови XIV—XV ст., и др.

² С. Ф. Самойленко. Из истории восточнославянских местоимений, стр. 6.

Огромный фактический материал старославянского и древнерусского языков дал С. Ф. Самойленко основание для пересмотра и уточнения многих положений, касающихся процессов утраты кратких форм дат. и вин. мн. Ограниченностъ исследования С. Ф. Самойленко рамками восточнославянских языков не дала ему, однако, возможности столь же тщательно исследовать иные вопросы формирования изучаемой парадигмы, имевшие место в южнославянских и западнославянских языках.

I. ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Формы им. мн. личных местоимений *мы* (*tu*) и *вы* (*vy*) почти не обнаруживают колебаний в истории славянских языков, почему реконструкция соответствующих праславянских образований в поздний праславянский период не вызвала до самого последнего времени разных толкований

Не счел возможным разделить это мнение С. Ф. Самойленко, который на основе данных отдельных старославянских памятников письменности и болгарского языка „более древней, генетически связанный с формами косвенных падежей местоимений 1 л. мн. ч., дв. ч., притяжательных местоимений с латинским *pos*“³ предлагает считать *tu*, возводя ее в праславянскую эпоху. Эта мысль проводится им в ряде статей, посвященных личным местоимениям⁴.

Интерес С. Ф. Самойленко к форме *ны* (*ny*) вполне оправдан, наличие данной формы в территориально разрозненных языках и в письменных памятниках различной хронологической отнесенности требует объяснения.

Однако при интерпретации форм следует учитывать, что однотипные образования в родственных языках могут являться как следствием исходной общности, так и реализации общей тенденции развития языков в пору их раздельной жизни, так как „одинаковые или сходные изменения происходили даже после разделения и начала дифференциации языков, развившихся из «общего языка»“⁵.

Форма *ны* (*ny*) могла возникнуть в ряде языков в период их раздельной жизни в результате безусловной для всех славянских языков тенденции к устраниению супплетивизма основ личных местоимений, явления исключительного древнего, восходящего к дославянскому периоду.

³ С. Ф. Самойленко. Из истории восточно-славянских местоимений. стр. 6.

⁴ С. Ф. Самойленко. Про форму називного відмінка множини займенника і особи *ны* (*ny*) у славянських мовах. „Мовознавство“, т. XII, Київ, 1953, стр. 119—121; его же. Из истории основ и грамматических форм личных местоимений в славянских языках. „Научные доклады высшей школы“. Филол. науки, XI, 1960.

⁵ А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании. М. 1954, стр. 45.

Процессы унификации основ им. мн. местоимения 1-го лица с основами косвенных падежей спорадически имели место и в древности и в современности, но были локально ограничены.

Факт употребления формы *ны* в отдельных старославянских памятниках может свидетельствовать о древности изучаемого процесса, но не о его праславянской отнесенности.

С. Б. Бернштейн считает возможным рассматривать форму *ные*, отмечаемую в ряде старославянских памятников, как форму „живого языка, прорывавшегося через мертвые письменные нормы”⁶.

Унификация им. мн. местоимения 1-го лица с формами косвенных падежей охватила большую часть болгарских говоров. Процесс этот был весьма древним, уходящим в эпоху, предшествующую среднеболгарским памятникам письменности.

В среднеболгарских памятниках фиксируются две формы им. мн. — *мы* и *ны*: *мы* есъ⁷ створила трох градъ, *мы* хощевъ и оумыслити како го расыпнати (Tr. pr., стр. 162); *ны* три сѣдхомъ въ морскомъ отоցъ (Tr. pr., стр. 57); (к)ато верний слузи да та *мие* любиме (Черг., № 6, стр. 83); друга помошь *мие* нимаме (Черг., № 13, стр. 92).

В процессе преобразования формы им. мн. местоимения 1-го лица вытесняемая форма *мы* (с характерным, фиксируемым в болгарском языке с XIII в. удлинением — *мие*) в ряде говоров контаминировалась с формой-новообразованием *ние*, и в отдельных среднеболгарских памятниках фиксируется образование *мние*: да отидеме *мние* ф небе (Черг., № 25, стр. 110); на помошь от тебе чякаме и *мние* сиф са посвентиваме (Черг., № 2, стр. 78). В валашских грамотах XIV—XV вв. употребляется только форма *ние*⁷. Только форма *ные* фиксируется и в новоболгарских дамаскинах: г⁸ пдйна *ные* не имаме (Копр., стр. 19).

В настоящее время форма им. мн. с *и* в основе характеризует лишь незначительную часть территории, занимаемой болгарским языком. Они отмечаются на территории западноболгарских говоров. Цв. Тодоров отличает сохранение старой формы им. мн. в части тимочско-моравских говоров — у Белоградчишко и Беровско⁸.

Процесс унификации формы им. мн. с формами косвенных падежей локально ограничен рамками болгарского языка.

Иным южнославянским и западнославянским языкам процесс подобного преобразования формы вообще неизвестен, как неизвестен он и подавляющей массе говоров восточнославянских языков.

⁶ С. Б. Бернштейн. Развыскания в области болгарской исторической диалектологии, т. I, стр. 328—332.

⁷ Там же, стр. 330.

⁸ Цв. Тодоров. Северозападните български говори. София, 1936, стр. 289.

Наличие формы *ны* в отдельных современных русских говорах североизвестных областей (и сомнительно — в Псковском шестодневе XIV в.⁹) не может свидетельствовать о праславянской отнесенности этих образований в восточнославянской языковой области: слишком незначителен ареал этих форм, чтобы видеть в них наследие праславянской эпохи.

Таким образом, мы не считаем возможным на основе имеющегося в нашем распоряжении материала возводить форму *ны* (*ny*) в праславянскую эпоху. Гипотеза С. Ф. Самойленко о праславянской отнесенности формы *ны* (*ny*) не кажется нам „более правдоподобной“ и более „аргументированной“, чем существовавшие до него объяснения этой формы¹⁰.

„Специфическое значение эксклюзива“, предполагаемое С. Ф. Самойленко для формы *ny* в языке старославянских памятников, выражено весьма неотчетливо и не дает оснований для того, чтобы, морфологически реконструируя форму, наделять ее особым значением, тем более, что наличие полисемантизма у некоторых местоименных форм не давало оснований для каких-либо новообразований на всем доступном наблюдению периоде развития славянских языков.

Неправомерно видеть подтверждение выдвигаемой гипотезы в весьма косвенных показателях, каковым является наличие формы им. дв. *на* вместо *ve* в древнепольском языке, которая якобы „указывает на основу местоимения 1 лица им. п. с сонорным *n*“¹¹.

Устранение супплетивизма в парадигмах склонения личных местоимений ед. и мн. ч. является одной из основных тенденций их развития.

II. СИСТЕМА ФОРМ РОДИТЕЛЬНОГО-ВИНИТЕЛЬНОГО-МЕСТНОГО И ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖЕЙ

Реконструкция форм род.-вин.-мест. и вин. мн. в праславянском не представляет затруднений, поскольку колебания в структуре этих образований в истории славянских языков отсутствовали. Праславянскими формами указанных падежей были образования **nasu*, **vasu*, **ny*, **vu*.

Проблема взаимодействия полных и кратких образований в системе форм вин. мн. смыкается с одноименной проблемой в системе форм ед. ч., детально изложенной в § 3 второй главы

⁹ Ср. утверждение П. Я. Черных о том, что ссылка С. Ф. Самойленко на Псковский шестоднев 1374 г. не соответствует действительности („Мовознавство“, т. XIII, стр. 122).

¹⁰ См. А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. II, стр. 114; А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр. 310 и др.

¹¹ С. Ф. Самойленко. Из истории основ..., стр. 57.

настоящей работы, почему мы не считаем нужным повторять общие положения.

Поскольку процесс выхода из употребления кратких форм вин. мн. намного опередил одноименный процесс в системе форм ед. ч., древнейшая специфика употребления кратких форм вин. мн. в древнеславянских памятниках письменности является более стертоей.

Отдельные славянские языки сохраняют в своих древнейших памятниках исконную специфику употребления кратких форм вин. мн., свидетельствующую о прежней тонированности этих образований. В других языках процесс потери тонированности краткими формами вин. мн. совершился в период, предшествующий их письменным памятникам, и краткие формы функционируют уже как атонические образования падежа.

1. Южнославянские языки

Старославянские памятники фиксируют древнюю систему форм вин. мн., когда краткие образования, являясь единственными формами вин. мн., употреблялись и как тонированные образования падежа: *іже вы приметь ма приемлетъ* (Zogr., Mt., X, 40); *Да пріложитъ гъ на вы: На вы і на сны ваша* (Sin., 113, 22). Случай употребления полных образований в значении вин. мн. в старославянском немногочисленны¹².

В период, предшествующий среднеболгарским памятникам, совершился процесс потери древней тонированности краткими формами вин. мн. в болгарском языке, сохраняющем до настоящего времени краткие образования вин. мн. как „вполне живые и употребительные“¹³ образования. Краткие формы вин. мн. уже как атонические образования фиксируются в средне- и новоболгарских памятниках письменности: *да млю вы гднє и ѿщи и служьбница всакаго чина црковнаго* (Бълг. стар., 1342 г., стр. 163); *слушаи ити фъф наше молба, блажи ини фъф вяра* (Черг., № 1, стр. 76); *какъ ини бъ изв'еде из' ег'упть ... и прѣдаде ини въ ръцѣ мадіаму* (Копр., стр. 38); *Азевы напрвих иоумъ ираумы даох* (Любл., стр. 500).

Как атонические образования функционируют краткие формы вин. мн. и в современных болгарских говорах. Изменение древних форм вин. мн. в *на*, *ва* у восточных болгар, отмеченное уже в болгарских памятниках XIII в., является, по мнению болгари-

¹² A. Meillet. Recherches sur L'emploi du genitif-accusatif en vieux slave, стр. 97.

¹³ Ю. С. Маслов. Очерк болгарской грамматики. М., 1956, стр. 140; Л. Андрейчин. Грамматика болгарского языка, стр. 277 и др.

стов, фонетическим¹⁴. В образованиях *не*, *ве*, фиксируемых в западных болгарских говорах, обычно видят морфологическое преобразование древних форм по типу форм *ме*, *те*, *назе*, *вазе*¹⁵.

Древнейшие сербско-хорватские памятники письменности, восходящие к XII—XIII вв., фиксируют ранний период в употреблении кратких форм вин. мн., когда формы *ны*, *вы* употреблялись еще как тонированные образования падежа — часто в препозиции и в сочетании с предлогами: По семь же молоу **вы** господине мои и братија (Зак. спом., II, 1189 г., стр. 386); і порѹганије еже пріе за **ны** вѣрбъщее (Ст. срп. зап., № 26, 1284 г., стр. 13); да **вы** дръжу оу вѣсакои правъдѣ, како **вы** е дръжалъ дѣдъ и отъдъ ми (Зак. спом., VIII, 1235 г., стр. 139).

Краткие формы вин. п. сохраняются в сербско-хорватском языке вплоть до XVII в. включительно, потеряв древнюю способность к предложному употреблению. В XV—XVII вв. краткие формы вин. мн. употреблялись уже пережиточно; большая их часть отмечена в традиционных оборотах грамот и в грамотах духовных лиц: молю **ви** се, братије и отцы светы (Ст. срп. зап., № 606, 1559 г., стр. 190); и богъ да **ви** спасеть, аминь (Ст. срп. зап., № 1130, 1623 г., стр. 306); да избавит **ны** вѣсеблагый господъ нашъ Ікоус Христос (Ст. срп. зап., № 1436, 1649 г., стр. 362).

Длительное сохранение кратких форм вин. мн. в письменном языке сербов было обусловлено значительным церковнославянским влиянием на сербскую письменность.

Известны краткие формы вин. мн. по современным сербско-хорватским говорам. В них фиксируются краткие формы вин. мн. *не* и *ве*, являющиеся, по-видимому, новообразованиями, возникшими по аналогии с краткими формами вин. ед. *ме* и *те*. Объяснение этих форм как возникших по аналогии с формами вин. мн. имен *а*-основ, имевшее место в сербистике¹⁶, разделяется некоторыми лингвистами и в настоящее время¹⁷. Однако тот факт, что формы вин. мн. *не* и *ве* употребляются часто в говорах, которым известны краткие образования вин. ед. *ме* и *те*, свидетельствует в пользу предположения об их возникновении по типу форм вин. ед.

Считает формы *не* и *ве* „возникшими, без сомнения, по образцу ед. ч. *ti:me*, *ti:te*“ и Э. Деко¹⁸.

¹⁴ К. Мирчев. Историческа граматика на българския език. София, 1958, стр. 166.

¹⁵ S. Mladenov. Geschichte der bulgarischen Sprache. Berlin—Leipzig, 1929, стр. 240.

¹⁶ Ђ. Даничић. Историја облик српскога или хрватскога језика. Београд, 1874, стр. 220.

¹⁷ J. Stanislav. Liptovské nárečia, Turč. Martin, 1932, стр. 329.

¹⁸ E. Decaux. Указ. соч., стр. 85.

Формы вин. мн. *не* и *ве* фиксируются в говорах Восточной Сербии¹⁹, отмечены в Черногории²⁰, Герцеговине²¹, в севернотимочском²² и урмническом²³ говорах сербско-хорватского языка.

2. Западнославянские языки

В значительной части западнославянских языков краткие формы вин. мн. не сохранилось.

Относительно широкое их употребление характеризует лишь древнечешский язык, сохраняющий образования *nu* и *vу* вплоть до XV в. включительно. В древнейших памятниках чешской письменности краткие формы вин. мн. составляют существенную часть общего употребления форм вин. мн., сохраняя способность к предложному употреблению: *Hnevajу se na vу bozi* (Dal. chr., стр. 116); *a to na nu uroženými pány Petreni ze Krawař odjinud ze Strážnice bylo shledano* (Záp. Štern., N 15, стр. 151).

Проникновение форм *nás*, *vás* в вин. мн. в чешском языке начинается только в XIII в. Я. Гебауэр в качестве наиболее ранних примеров употребления полных форм в вин. мн. указывает на Гомилиар Опатовицкий конца XIII в. и Жалтар Клементинский, относящийся к первой половине XIV в.²⁴

В XV в. краткие формы вин. мн. выходят в чешском языке из употребления.

Только полные формы вин. мн. фиксируются в древней словарской письменности. Краткая форма *nu* отмечена лишь в Песне о морене — *Morena za kohos umrela, ne za nu, ne za ny, než za ty krestány* — и в песне великоморавского происхождения — *Hospodine, pomiluj ny*²⁵.

Однако в отдельных современных словацких говорах отмечены краткие формы вин. мн., точно соответствующие по структуре древнейшим образованиям. Формы вин. мн. *nu* и *vу*, являющиеся энклитическими, по утверждению Я. Станислава, образованиями²⁶, фиксируются в среднесловацких говорах и западной части литовских говоров²⁷.

В древнепольском кратких форм вин. мн. нет. Отмеченный Я. Лосем пример употребления формы *nu* в Gn. poświęci

¹⁹ А. Белић. Дијалекти источне и јужне Србије, стр. 402—403.

²⁰ А. Rešetar. Der štokavische Dialekat. Wien, 1907, стр. 188; М. Стеванович. Источноцрногорски дијалекат, стр. 73.

²¹ А. Rešetar. Der štokavische Dialekt. Wien, 1907, стр. 188.

²² М. Станојевић. Северно-тимочки дијалекат. — СДзб, II, стр. 405.

²³ Б. Милетић. Џрмнички говор. — СДзб.

²⁴ J. Gebauer. Historická mluvnice jazyka českého, d. III, стр. 530.

²⁵ J. Stanislav. Dějiny slovenského jazyka, d. II, стр. 296.

²⁶ Там же.

²⁷ J. Stanislav. Liptovské nárečia. Turč. Martin, 1932, стр. 328.

*ny*²⁸, по утверждению Э. Деко, основывающегося на новом издании этого памятника, не соответствует действительности²⁹.

3. Восточнославянские языки

Формы *мы* и *вы* продолжают употребляться в русской письменности вплоть до XVII в. включительно, однако стилистический анализ их употребления свидетельствует о пережиточном характере этих форм в русском языке периода XIV—XV вв.³⁰

Л. Я. Маловицкий, специально исследовавший вопрос о формах род.-вин. личных местоимений в русском языке, пришел к выводу о том, что вин. мн. *ны* перестал быть живой формой русского разговорного языка конца XIII — первой половины XIV в., форма *вы* — в конце XII или начале XIII в.³¹

Пережиточно сохраняются краткие формы вин. мн. в староукраинском и старобелорусском языках. Из живого обращения эти формы вышли в эпоху общерусского единства и употреблялись в юго-западнорусской и западнорусской письменности лишь по традиции.

III. СИСТЕМА ФОРМ ДАТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

Отсутствие колебаний в образовании форм дат. мн. в славянских языках делает безусловной реконструкцию соответствующих практ. Праславянскими образованиями дат. мн. были **pati*, **ny*, **vati*, **vy*.

Не вызывает сомнений и специфика древнейшего функционирования названных образований в славянских языках: краткие формы дат. мн. были последовательно энклитическими образованиями, употреблявшимися только атонически. В ударенных позициях имени употреблялись полные формы. Указанная специфика сохраняется во все доступные наблюдению периоды развития славянских языков.

Отнесение кратких образований дат. мн. в разряд энклитик никогда не вызывало сомнений. Однако это положение было

²⁸ J. Łoś. Gramatyka polska, cz. III, str. 165.

²⁹ E. Decaux. Указ. соч., стр. 85.

³⁰ Подробнее об этом см. в ряде работ: М. А. Прево. История форм личных и возвратного местоимений в русском языке, стр. 300—313; С. Ф. Самойленко. Про вживання в давньоруській мові форми знахідного відмінка множини займенника 1-ої особи *ны*. „Наукові записки Запорожського пед. ін-та“, т. VI, 1957, стр. 202—213; его же. З історичних коментаріїв до української мови займенника. „Українська мова в школі“, 1955, № 6, стр. 25; его же. Из истории основ и грамматических форм личных местоимений в славянских языках, стр. 62—63 и др.; Л. Я. Маловицкий. Указ. соч. стр. 140—141.

³¹ Л. Я. Маловицкий. Указ. соч., стр. 140—141.

подвергнуто пересмотру С. Ф. Самойленко, объявившим „методологически неоправданным“ якобы существующее в языкоизнании „перенесение признаков, свойственных формам личных местоимений дат. п. современных... языков, на древнеславянские формы *ны*, *вы*³²“.

Краткие формы дат. мн. являются атоническими образованиями и в период первых письменных славянских памятников, и в современных славянских языках, сохранивших их в системе форм личных местоимений. Возможно, что последовательная энклитичность форм дат. мн. явилась основой преобразования специфики употребления кратких форм вин. мн., своеобразие их функционирования послужило образцом для кратких форм винительного падежа (см. § 3 второй главы настоящей работы).

Выход из употребления кратких форм дат. мн. совершался в различных славянских языках в разное время: в восточнославянской и западнославянской языковых областях эти формы были утрачены в глубокой древности, болгарский язык сохраняет их до настоящего времени. В отличие от кратких форм вин. мн., претерпевших значительные изменения в специфике функционирования, краткие формы дат. мн. сохранили в течение веков последовательную энклитичность, своюственную им в древности.

1. Южнославянские языки

Энклитичность кратких форм дат. мн. в старославянском языке не может вызывать сомнений.

Оправданием положения об исконной тоничности этих образований не могут служить ни случаи употребления полных форм дат. мн. в постпозиции, ни отдельные случаи препозиционного употребления кратких образований дат. мн., поскольку не обнаружено примеров употребления форм дат. мн. *ны*, *вы* в безусловно сильных позициях.

Древние краткие образования дат. мн. сохраняются без изменения в болгарском языке. В истории болгарского языка они настолько расширили сферу своего употребления, что вытеснили почти окончательно полные образования падежа, которые в современном литературном языке употребляются редко. Вместо них в сильной позиции бытуют уже с периода среднеболгарских памятников плеонастические формы дат. мн. — *нам*, *ни*, *вам*, *ви*.

И в среднеболгарском языке, и в языке новоболгарских дамаскинов краткие формы дат. мн. являются безусловно атоническими образованиями, как и в современном болгарском литературном языке и его говорах: и рече имъ: да **вы** сиж долы

³² С. Ф. Самойленко. Из истории основ..., стр. 63.

насыпа до краа, сиј бо **вы** обѣщахъ (Tr. pr., стр. 102); и паки да **ви** гло (Бълг. стар., XIV в., стр. 90); Даи **ни** мир, небенци баща (Черг., № 13, стр. 92); тоузи **вы** смы да даль да знаете (В., 26); и паки **ви** говору (В., XIV, 29)³³; ѿко слово даза погна **давы** казувам (Любл., стр. 467); дето **ны** се тавы на ѿбрѣз (Копр., стр. 3).

Вплоть до XVI в. включительно фиксируются краткие формы дат. мн. в сербско-хорватской письменности аще и скрѣбы **ны** придетъ (Сп. св. Саве, стр. 18); мѣръ **вы** бѣди вѣсѣмъ (Сп. св. Саве, стр. 159); да **вы** е ѿворена наша земла (Ст. срп. п. I, № 8, 1247—1249 гг., стр. 5); мир **ви** и блвениѥ вѣдки (Ст. срп. п. I, № 126, 1387 г., стр. 119); и да млѣти **ви** на спѣхъ ѿпишемо (Ст. срп. п. I, № 326, 1421 г., стр. 316). Обращает на себя внимание редкость употребления формы **ны** в деловой древнесербской письменности: примеры ее в исследованных нами источниках единичны.

Краткая форма дат. мн. местоимения 2-го лица **вы** употреблялась в сербско-хорватском языке значительно дольше. Она фиксируется еще в отдельных дубровницких произведениях: Gove, Dobat **vi** dau (Drž., стр. 177); Фала **ви** ијено (Дунд., стр. 32).

Известны краткие образования дат. мн. **ни** и **ви** и в ряде современных сербско-хорватских говоров. А. Белич отмечает „сохранение“ этих форм в среднештокавских говорах, в косовско-ресавском, черногорском, герцеговинском говорах³⁴. Краткие формы дат. мн. фиксируются в целом ряде сербско-хорватских говоров³⁵, не составляющих определенного ареала.

2. Западнославянские языки

В древнейших западнославянских памятниках письменности не сохранилось кратких форм дат. мн. Нет этих форм и в большей части современных западнославянских языков.

На употребление форм **пу**, **уу** в значении дат. мн. в ряде пунктов липтовских говоров указывает Я. Станислав³⁶, отмечая, что эти формы принадлежат к отживающим, архаическим элементам языка³⁷.

³³ С. Б. Бериштейн. Розыскания в области болгарской исторической диалектологии, стр. 333.

³⁴ А. Белић. Историја српскохрватског језика, књ. II, св. 1, стр. 173.

³⁵ А. Белић. Дијалекти источне и јужне Србије, стр. 399; Б. Милетић. Црмнички говор. — СДзб., IX; Ј. Вуковић. Говор Пиве и Дробњака. „Јужнослав. филол.“, т. XVII. Београд, 1935; М. Стевановић. Бакочевачки говор. — СДзб., XI; М. Станојевић. Северно-тимочки дијалекат. — СДзб., II и др.

³⁶ J. Stanislav. Liptovské nárečia, стр. 328; его же. Dejiny slovenského jazyka, d. II, стр. 297.

³⁷ Ср. отмеченный Я. Станиславом факт употребления формы **пу** в B. Pot. в 1895 г. и ее отсутствия в настоящем времени („Liptovské nárečia“, стр. 328).

3. Восточнославянские языки

Древнерусские памятники письменности фиксируют весьма широкое употребление кратких форм дат. мн. Формы *ны*, *вы* отмечаются и в летописном жанре, и в деловой древнерусской письменности. Рассмотрение примеров употребления этих форм убеждает нас, однако, в том, что в период XIII—XIV вв. краткие формы дат. мн. употреблялись в письменности пережиточно, не отражая состояния форм народноразговорного русского языка соответствующих эпох. Можно говорить о свободном употреблении этих форм лишь в древнейших русских летописях, где основная их часть сосредоточена в изложении древнейших событий и может быть обусловлена чертами языка составителя летописи, но не его переписчика: приникъши ѿльга и ре^т имъ добра ли **вы** честь. Щни же рѣша пущи **ны** Игоревы срти. (Лавр., стр. 56); Се уже хотеть померети отъ глада, а отъ князя помочи нѣту, да лучше ли **ны** померети? (Лавр., стр. 55); да лучше **ны** есть умрети у Цесаряграда, нежели съ срамомъ отъти (Новг., стр. 48); ... кланяемъ ти ся; нѣту **ны** съ тобою обиди, съ Ярославомъ **ны** обида (Новг., стр. 68).

В деловой древнерусской письменности случаи употребления форм дат. мн. *ны*, *вы* однотипны: большая их часть отмечена в инфинитивных оборотах договорных грамот, являющихся в эпоху XII—XIV вв. определенным штампом: а не отступити **вы** ся мене ни въ которое же веремя (Гр. Н. Пск., № 4, 1296—1301 гг., стр. 14); а княженье **вы** великое мое держати честно и грозно, без обиды (Гр. Н. Пск., № 16, 1371—1372 гг., стр. 31); а что поимани люди мои, пустити **вы** безъ окупа (С. Г. Гр., № 16, 1375 г., стр. 21); всѣсти **вы** на конь безъ ослушанья (С. Г. Гр., № 23, 1341 г., стр. 37). Пережиточность изучаемых форм в древнерусском языке XIV—XV вв. не обусловила, однако, изменения специфики их употребления — энклитичности: мы не находим примеров употребления этих форм в сильной позиции. Препозиционное их употребление, многочисленные случаи которого отметил в своей работе С. Ф. Самойленко³⁸, не может служить доказательством древней полнозначности кратких форм дат. мн.

Мы полагаем, что краткие формы дат. мн. в русском вышли из употребления в XI—XII вв.³⁹

В старобелорусском и староукраинском языках кратких форм дат. мн. уже не было. Отдельные случаи их употребления в памятниках юго-западнорусской письменности XIII—XIV вв. можно квалифицировать как церковнославянизмы⁴⁰.

38 С. Ф. Самойленко. Из истории основ..., стр. 65.

39 Подробнее об этом см.: М. А. Прево. История форм личных местоимений в русском языке, стр. 286—300; С. Ф. Самойленко. Из истории основ..., стр. 64—65.

40 С. Ф. Самойленко. З історичних коментаріїв до української мови, стр. 24.

Таким образом, рассмотрение истории форм личных местоимений во мн. ч. в славянских языках убеждает в том, что в праславянском языке позднего периода диалектных различий в парадигме мн. ч. не существовало.

Отсутствие кратких форм вин. и дат. мн. в древних памятниках письменности отдельных славянских языков не может служить основанием для того, чтобы сомневаться в наличии этих форм в соответствующих праславянских говорах. Их исчезновение могло произойти после распадения праславянского языка, в период, предшествующий древним письменным памятникам.

Изменение древней структуры отдельных форм мн. ч. личных местоимений, наблюдаемое в говорах славянских языков (например, краткие формы вин. мн. *на*, *ва* и *не*, *ве* в болгарском языке и формы *не*, *ве* в сербских говорах), относится, по-видимому, к позднему периоду.

Несмотря на значительные расхождения¹ во времени выхода из употребления кратких форм вин. мн. по различным славянским языкам, обращает на себя внимание общность в процессе преобразования этих форм: утрата ими древней тонированности, превращение в энклитические образования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение истории форм личных местоимений в славянских языках свидетельствует о том, что современные парадигмы личных местоимений в отдельных славянских языках являются результатом длительного процесса развития данной грамматической категории, продолжающегося в современных говорах славянских языков и в настоящее время. Истоки некоторых различий в парадигмах личных местоимений в отдельных группах славянских языков уходят в период, предшествующий древнейшим памятникам славянской письменности, однако многие различительные разнодialectные варианты форм личных местоимений возникли в письменный период истории славянских языков. Наблюдения над процессами преобразования этих форм дают возможность установить определенные закономерности в изменениях, определить основные тенденции развития форм личных местоимений. Не всегда на основе материалов отдельных славянских языков можно было точно датировать те или иные явления, однако исследование материала в плане соотносительной хронологии давало нам возможность проследить взаимообусловленность процессов преобразования форм и тем самым установить общие тенденции их развития.

Расхождения по языкам в парадигме склонения личных местоимений в период древнейших памятников славянской письменности были уже столь значительными, что нельзя квалифицировать парадигму личных местоимений, зафиксированную в старославянских памятниках письменности, как праславянскую. Старославянские памятники письменности отражают состояние местоименных форм лишь в одном из праславянских говоров, а именно, легшем в основу образования одной из групп южнославянских языков.

Наблюдения над формами личных местоимений в истории славянских языков убеждают в том, что в поздний период праславянского языка отдельные его говоры характеризовались различными парадигмами изучаемой группы слов. Отдельные формы этой парадигмы были общими для всех праславянских говоров, иные имели свои специфические ареалы.

Намечая древнейшие, праславянские ареалы отдельных форм, мы стремились учитывать следующее:

1) Различия, наблюдаемые в славянских языках в настоящее время, имеют разное происхождение. Определенная часть этих различий обусловлена различиями праславянской эпохи, другая, более значительная группа различий, возникла на почве отдельных славянских языков в эпоху их письменной истории.

2) Современное совпадение изогlossenых областей отдельных форм не всегда свидетельствует об их возникновении в период праславянской общности, так как однотипные процессы могут происходить в период раздельной жизни языков в результате реализации общих тенденций развития форм.

3) Интерпретация некоторых форм невозможна без учета древнейших контактов между отдельными говорами, в настоящее время разрозненными и не образующими территориальной общности.

Предлагаемые в настоящей работе реконструкции (об условности принимаемого нами термина „реконструкция“ см. во введении к настоящей работе) не претендуют ни на безусловную отнесенность к тому или иному периоду истории праславянского языка, ни на отнесенность к определенным праславянским поддиалектам. Квалифицируя тот или иной вариант местоименных форм как исходный для той или иной группы славянских языков, мы условно говорим о „реконструкции“ изучаемых образований в „праюжнославянской“, „празападнославянской“ и „правосточнославянской“ группах говоров праславянского языка, хотя известно, что „говорить о едином «западнославянском» прайзыке и тем более о «праюжнославянском» нет оснований“¹. Термины эти принимаются нами в качестве рабочих.

Целый ряд форм личных местоимений характеризовал весь праславянский язык в целом, не обладая различиями по говорам.

С достаточной степенью определенности можно говорить о диалектных праславянских различиях в формах личных местоимений в единственном числе.

Парадигма склонения личных местоимений в единственном числе в отдельных праславянских говорах имела значительные отличия, хотя отдельные ее формы и были общими для всего праславянского языка в целом.

Общими для праславянского языка периода его диалектной дробности были формы род.-вин. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения — *tebe, *sebe, формы тв. ед. — *tupoip, *toboip, *soboip.

Различия в этих образованиях развились в эпоху раздельной жизни славянских языков; общность в преобразовании этих форм,

¹ С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков.

наблюдаемая в ряде территориально разрозненных языков (ср., например, формы *tłot*, *tobom*, *sobom* в сербском и украинском языках), обусловлена единством языковых процессов в родственных языках, но не их праславянской общностью.

По-видимому, праславянские говоры различались между собой формами род. ед. местоимения 1-го лица. Ареалы форм **tъle* и **tепe*, известных праславянскому языку периода его диалектной дробности, вырисовываются недостаточно четко. Можно говорить с большей степенью определенности о том, что праславянские говоры, легшие в основу образования западнославянских языков, характеризовались формой с *ь* в основе, ставшей односложным образованием после падения редуцированных. Правосточнославянским говорам была известна только двусложная форма **tепe*.

Неясен характер названного образования в говорах праславянского, давших начало южнославянской группе языков, поскольку показания древних южнославянских памятников письменности в отношении этой формы противоречивы. Возможно, что праславянские говоры, легшие в основу образования южнославянских языков, отличающихся наибольшей диалектной дробностью и в древности, не имели единой формы названного местоимения.

Более определенно очерчиваются ареалы форм дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения. Формы с *о* в основе **tobě*, **sobě* были характерны для празападнославянских и правосточнославянских говоров праславянского, центральный поддиалект в целом (его северная и южная группы) характеризовался образованиями с *е* в основе — **tebě*, **sebě*.

Несовпадение ареалов названных форм в современных славянских языках с реконструируемыми древнейшими ареалами является в одних случаях результатом развития этих форм в отдельных языках, в иных — свидетельствует о древних племенных схождениях носителей различных праславянских говоров (ср. наличие форм с *е* в корне в русском и словацком языках).

Формы множественного числа личных местоимений, не обнаруживающие значительных колебаний в современных славянских языках, были едины для всего праславянского языка в целом.

Судить о том, имелись ли диалектные различия в формах личных местоимений в двойственном числе в праславянском языке, трудно, так как система двойственного числа в период древнейших памятников славянской письменности была нарушена.

Отдельные формы двойственного числа личных местоимений представлены в порядке раритета лишь в наиболее древних славянских памятниках письменности. Однако отсутствие тех или иных форм двойственного числа в данном случае не может служить основанием для утверждения об отсутствии их в говорах праславянского, легших в основу образования той или иной группы языков: они могли исчезнуть в эпоху уже раздельной

жизни славянских языков, но в дописьменный период их развития.

Все формы двойственного числа условно реконструированы нами как общие для всех праславянских говоров образования, однако большая, чем в иных случаях, степень предположительности этих реконструкций вполне очевидна.

Реконструируемые для позднего периода праславянского формы личных местоимений, естественно, подвергались значительным изменениям в процессе исторической жизни славянских языков.

Различия, наблюдавшиеся в формах личных местоимений уже в праславянский период, увеличивались, и современные славянские языки характеризуются весьма различающимися друг от друга парадигмами изучаемой группы слов.

Обращает на себя, однако, внимание тот факт, что процессы преобразования парадигмы склонения личных местоимений в отдельных славянских языках происходят в одном направлении, будучи обусловленными общностью основной тенденции развития — а именно устранением супплетивизма основ косвенных падежей.

Устранение супплетивизма основ косвенных падежей совершилось благодаря действию грамматической аналогии, лежащей в основе большинства морфологических изменений.

Действием грамматической аналогии обусловлены почти все изменения, наблюдаемые в истории форм личных местоимений во всех славянских языках. Наблюдения над ее проявлением были в центре всех разделов работы.

Исследуя процессы преобразования местоименной парадигмы склонения и тем самым наблюдая действие грамматической аналогии, мы не могли не обратить внимания на то, что это проявление действия грамматической аналогии не безгранично: благодаря ее проявлению в одних языках супплетивизм основ косвенных падежей оказывается устранным, в иных — сохраняется древнее различие основ; грамматическая аналогия как бы не в силах бывает преодолеть проявление какой-то иной тенденции.

Наблюдения над преобразованием парадигмы личных местоимений во всех славянских языках убедили нас в том, что изменение форм в одних языках и сохранение древнего супплетивизма основ в других не является случайным, но обусловлено определенными факторами, а именно:

Устранение супплетивизма основ происходит, как правило, не безгранично, но только в тех случаях, когда преобразование основы в парадигме по типу какой-либо преобразующей модели не приводит к потере специфического значения основных групп падежей — род.-вин. и дат.-мест. ед., искони противопоставленных в данной группе слов. Исключение представляет лишь местоимение 1-го лица, в формах которого в ряде говоров славянских языков унифицированы как древние основы, так и окончания.

В древности, в период диалектной дробности праславянского языка и в ранние эпохи развития отдельных славянских языков, формы род.-вин. и дат.-мест. ед. были противопоставлены или и по основе и по окончанию (ср. род.-вин. *tebe*, *sebe* и дат.-мест. *tobě*, *sobě* в западнославянских и восточнославянских языках) или только по окончанию (ср. те же образования в южнославянских языках — *tebe*, *sebe* — *tebě*, *sebě*).

Унификация основ косвенных падежей не нарушала древней системы противопоставленности этих образований в языках, рефлекс *ё* в которых не был равен *e*: формы род.-вин. и дат.-мест. сохраняли специфические значения, различаясь по окончаниям (ср., например, формы род.-вин., выравненные по основам с дат.-мест., *табе*, *сабе* и формы дат.-мест. *тоби*, *соби* в некоторых русских говорах и аналогичные формы в истории польского языка).

В языках, характеризующихся совпадением этимологических *ё* и *e*, унификация основ названных падежей должна была привести к потере специфики значения этих падежей, совпадению в одном образовании форм род.-вин. и дат.-мест. ед. Подобное совпадение имеет место в ряде языков, но ограничивается лишь областью парадигмы местоимения 1-го лица.

Однако языки препятствуют подобному совпадению форм, развивая, в случае совпадения основ, дополнительные, дифференцирующие эти формы признаки. Подобным признаком, по нашему мнению, является преобразование окончания род.-вин. ед. в языках, унифицировавших основы косвенных падежей личных местоимений, а именно, в русском и словацком языках.

Устранение супплетивизма основ косвенных падежей, последовательно реализующееся в одних языках и не находящее пока места в других, вызывает к жизни иные преобразования изучаемой парадигмы, поскольку изменение какой-то стороны системы языка приводит к существенным преобразованиям всей системы.

Подобным, обусловленным иными преобразованиями изменением в системе форм личных местоимений и явилось преобразование окончаний род.-вин. ед. в русском, словацком и отчасти нижнелужицком языках.

Опустив в главе, посвященной формам род.-вин. ед., вопрос об оформлении окончаний, как не имеющий значения для реконструкции праславянских форм, мы сочли возможным изложить его здесь, поскольку он исключительно важен для доказательства тезиса о взаимообусловленности изменений в системе форм личных местоимений. Вопрос о причинах, вызвавших преобразование окончаний род.-вин. ед., в настоящем несуществен.

Мы считаем, что все существующие соображения по поводу форм-новообразований род.-вин. ед. в русском и словацком языках имеют свои основания, почему признание безусловной правиль-

ности одного из этих объяснений и отрицание правильности всех иных не считаем возможным².

Заслуживает, однако, внимания факт хронологического совпадения утверждения форм род.-вин. ед. с окончанием *'a(я)* и исчезновения кратких образований вин. ед. в русском языке, на который обратил впервые внимание К. Мейер³.

Рассмотрение изменений окончаний род.-вин. ед. в русском, словацком и нижнелужицком языках с учетом всех факторов, которые могли оказать влияние на преобразование окончания форм род.-вин. ед., — характера кратких форм вин. ед. в момент преобразования полных форм, качества основ дат.-мест. ед. и его окончания рефлекса **é* в этих языках — дает основание утверждать, что названный процесс в этих языках является следствием реализации единой тенденции развития изучаемых форм в поздний период их истории.

Поскольку русский язык представлен наибольшим числом древних памятников, дающих возможность проследить процесс замены древних окончаний род.-вин. ед. с учетом всех названных факторов, то естественно, что многие наблюдения основываются лишь на материале русского языка.

Словацкий язык дает значительный материал для уточнений в отношении оформления род.-вин. ед., однако поскольку о целом ряде процессов преобразования парадигмы склонения личных местоимений в словацком языке приходится говорить предположительно, то и выводы относительно окончаний род.-вин. ед. в известной мере являются гипотетическими.

Факты изменения окончаний род.-вин. ед. в верхнелужицком могут служить лишь иллюстрацией единства названной тенденции, поскольку учет всех обуславливающих это изменение факторов на материале верхнелужицкого языка, представленного незначительным числом древних памятников, невозможен.

Обусловленность преобразований в окончаниях форм род.-вин. ед. фактом совпадения основ род.-вин. и дат.-мест. ед. при условии тенденции к потере специфики произношения древнего *ѣ* в говорах наиболее ярко проявился в истории русского языка.

Наиболее древние примеры употребления форм род.-вин. ед. с окончанием *'a(я)* в русском языке относятся к последним десятилетиям XIV в.: а чим благословиль **тобя** отецъ твой (С. Г. Гр., 1388 г.); Имъти ти **меня** собѣ братомъ (С. Г. Гр., 1389 г.); он съ **себя** сведеть до десяти изводовъ (Гр. Н. Пск., № 88, 1397 г., стр. 144); А что Новгородъ пожаловалъ отца моего и **меня** и дал грамоту на Валжане, в томъ у отца моего

² См. также: П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, стр. 116.

³ К. Мейер. Historische Grammatik der russischen Sprache. Bonn, 1923, стр. 146.

и мене купиль Александръ посадникъ четвертую чѧсть (Гр. Н. Пск., № 110, 1393 г., стр. 167).

Процесс преобразования окончаний род.-вин. ед. был весьма интенсивен, и к концу XV в. формы *меня*, *тебя*, *себя* становятся почти единственными образованиями в языке древнерусской письменности центральных и северо-западных областей⁴.

Не может быть, как кажется, случайным факт хронологического совпадения утверждения форм-новообразований род.-вин. ед. и широкого проникновения в русский язык форм дат.-мест. ед. основами *теб-*, *себ-*, датируемый этим же веком⁵.

В период до XIV в. формы род.-вин. и дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения в древнерусском языке были противопоставлены по основам: род.-вин. ед. имел *e*, дат.-мест. ед. — о в основе. Нарушение этого противопоставления и могло вызвать к жизни процесс преобразования окончаний род.-вин. ед. у названных местоимений, откуда последнее было перенесено и на местоимение 1-го лица.

К выводу о появлении новообразований род.-вин. ед. с окончанием 'а в русском и словацком языках как средство дифференциации грамматических форм род.-вин. и дат.-мест. пришел на основе синхронного сопоставления парадигм личных местоимений всех славянских языков и С. Ф. Самойленко⁶, исследовавший и значительный материал русских говоров.

Разделявшееся нами мнение Л. А. Булаховского об утверждении форм род.-вин. ед. как о явлении первичного порядка, а о формах дат.-мест. ед. с коренным *e* как об обусловленном, „вторичном“ явлении⁷, в настоящее время нами не принимается, поскольку изучение названной группы явлений в общеславянском плане убедило нас в том, что причину явления мы принимали за следствие.

Безусловная зависимость оформления окончания род.-вин. ед. от качества основы дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного ярко иллюстрируется и материалом русских говоров.

Весьма характерно соотношение древних и новых для русского языка форм род.-вин. ед. с формами дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица, представленное на территории „Атласа русских говоров центральных областей к востоку от Москвы“ (М., 1958).

⁴ Подробнее об этом см.: М. А. Гадолина. К истории форм..., стр. 45—46.

⁵ См. второй раздел третьей главы настоящей работы.

⁶ С. Ф. Самойленко. О параллельных формах винительного падежа единственного числа личных местоимений в славянских языках, стр. 51.

⁷ Несомненно прав П. С. Кузнецов, утверждающий, что „даже... при несомненной связи двух явлений, отразившихся в памятниках одной и той же или близких друг к другу эпох, мы не всегда можем сказать, какое именно из них повлекло за собой другое“ („Очерки исторической морфологии русского языка“, М., 1959, стр. 4).

Ареал форм род.-вин. ед. с древним окончанием *e* почти совпадает с ареалом форм дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения с древней основой *тоб-*, *соб-*. Это свидетельствует о том, что трансформация окончаний род.-вин. ед. охватывала лишь говоры, унифицировавшие в процессе исторического развития основы формы дат.-мест. ед. по типу основ род.-вин. ед. названных местоимений. Трансформация окончаний род.-вин. ед. не вызывалась необходимостью, поскольку формы род.-вин. и дат.-мест. ед. были четко дифференцированы по основам и совпадение этимологического *ё* и *e* в окончаниях в данной группе русских говоров не приводило к потере специфики их падежного функционирования⁸.

В украинском и белорусском языках, сохраняющих древнюю противопоставленность основ этих падежей, не происходило и изменения окончаний род.-вин. ед.

Данные словацких памятников письменности, чрезвычайно ограниченные в отношении морфологических характеристик, не дают возможности проследить хронологически процесс изменения окончаний род.-вин. ед., которое, как мы предполагаем, сопутствовало изменению основ дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения в истории словацкого языка.

Однако материал современных словацких говоров подтверждает наше предположение о трансформации окончаний род.-вин. и дат.-мест. ед.: почти во всех изученных нами диалектологических работах формы род.-вин. ед. (*tňa*), *teb'a*, *seb'a* фиксируются параллельно с формами дат.-мест. ед. (*tne*), *teb'e*, *seb'e*.

Подобное соотношение форм отмечено в н. п. Грозенкове⁹ угорско-словацкого разноречия, в Говорани, Мутенции и Подлужье поморавского разноречья¹⁰, фиксируется в липтовских¹¹, горнооравских¹² говорах, в брезнянском наречии¹³, в среднесловавских говорах в Венгрии¹⁴, в Землинской¹⁵ столице, в Комарненской и Вестпремской столицах¹⁶ и южной части Керешешского острова¹⁷ в Венгрии.

⁸ См. также у С. Ф. Самойленко („О параллельных формах винительного падежа“, стр. 52).

⁹ Fr. Bartoš. Dialektologie moravská, d. I, стр. 42.

¹⁰ Там же, стр. 31.

¹¹ J. Stanislav. Liptovské nárečia (материал взят из текстов, страницы указать невозможно).

¹² E. Pauliny. Nárečie zátopových osád na hornej Orave, стр. 80.

¹³ I. Mihál. Charakteristika breznianskeho nárečia. — „Jazykovedné štúdie“, II, Dialektológia, Bratislava, 1957, стр. 201.

¹⁴ P. Ondrus. Stredoslívanské nárečia u Maďarskej Ľudovej republike, стр. 118.

¹⁵ S. Czambel. Slovenska reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov. Turč. Martin, 1906, стр. 387, 430 и др.

¹⁶ I. Štolc. Nárečie troch slovenských ostrovov v Maďarsku, стр. 127.

¹⁷ Там же, стр. 262.

В говорах, характеризующихся основами дат.-мест. ед. *tob*-, *sob*-, окончания род.-вин. ед. 'а' почти нет. Подобное соотношение форм отмечено лишь однажды в н. п. Страны угорско-словацкого разноречия Ф. Бартошем¹⁸.

Словацкие говоры, имеющие формы с основами *tob*-, *sob*- в дат.-мест. ед., большей частью имеют древнее, нетрансформированное окончание род.-вин. ед.

Косвенным подтверждением выдвигаемого нами предположения о развитии нового окончания в формах род.-вин. ед. как средстве сохранения древней противопоставленности форм род.-вин. и дат.-мест. ед. в системе форм личных местоимений могут служить и данные лужицких языков, развивших в корне дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения звук *e* вместо древнего *o*, общего для всех праславянских говоров, легших в основу образования западнославянских групп языков.

В верхнелужицком, где рефлекс древнего *ě* был равен *i*, формы род.-вин. и дат.-мест. ед. сохранили противопоставленность по окончаниям: род.-вин. ед. — *tebe*, *sebe*, дат.-мест. ед. — *tebi*, *sebi*.

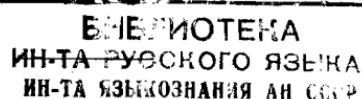
В нижнелужицком, в котором рефлекс древнего *ě* равен *e*, совпадения форм названных падежей не произошло благодаря развитию нового окончания род.-вин. ед. — *o*, явившегося, как в русском и словацких языках, средством дифференциации этих образований.

Переход конечного '*e*' в '*o*' в лужицких языках был органическим, известным целому ряду грамматических категорий, однако факт его „органичности“ не может препятствовать предположению о развитии этого окончания в формах род.-вин. ед. личных местоимений как средстве дифференциации двух падежных групп личных местоимений.

Переход '*e*' → '*o*' был известен обоим лужицким языкам, однако в изучаемой категории форм он имеет место в нижнелужицком (в котором формы род.-вин. и дат.-мест. ед. местоимения 2-го лица и возвратного местоимения не были дифференцированы по окончанию).

Таким образом, тенденция ко все большему обобщению, характеризующая развитие всех грамматических категорий славянских языков, является основной в развитии форм личных местоимений. Преобразование парадигм личных местоимений в истории всех славянских языков происходит как унификация основ косвенных падежей, совершающаяся благодаря действию грамматической аналогии.

¹⁸ Fr. Bartoš. Dialektologie moravská, d. I, стр. 37.

СПИСОК ИССЛЕДОВАННЫХ В РАБОТЕ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

- Sav. — В. Н. Шепкин. Саввина книга. „Памятники старославянского языка“, I, вып. 2. СПб., 1903.
- Sin. — Синайская псалтырь, глаголический памятник XI века. Приготовил к печати С. Северьянов. Изд. ОРЯС, 1922.
- Supr. — С. Северьянов. Супрасльская рукопись. „Памятники старославянского языка“, II, вып. 1. СПб., 1904.
- As. — Evangeliarium Assemani. Codex Vaticanus 3. Ediderunt dr. Vajs et dr. J. Kurz. II. Pragae, 1955.
- Mar. — V. Jagić. Quattuor evangeliorum versionis palaeolovenicae Codex Marianus glagoliticus. SPb., 1883.
- Zogr. — V. Jagić. Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Berolini, 1879.

СРЕДНЕБОЛГАРСКИЙ и НОВОБОЛГАРСКИЙ ЯЗЫКИ

- Бол. пс. — В. Н. Шепкин. Болонская псалтырь. СПб.; 1906.
- Бълг. стар. — Й. Иванов. Български старини из Македония. София, 1931.
- В. Ю. Венелин. Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты. СПб., 1840.
- Копр. — Коприщенски дамаскин. Новобългарски паметник от XVII вѣк. „Български старини“, кн. II. София, 1908.
- Любл. — Люблянският български ръкопис от XVII вѣк. „Сборник за народни умотворения, наука и книжнини“, кн. XII. София, 1895.
- Макед. код. — А. М. Селищев. Македонские кодики XVI—XVIII веков. София, 1933.
- Сел. Мак. д. — А. М. Селищев. Очерки по македонской диалектологии, I. Казань, 1918.
- Сол. — см. Бълг. стар.
- Черг. — Л. Милетич. Седмоградските българи и техният език. „Списание на българската академия на науките“, кн. XXXIII. Клон историко-филологичен и философско-обществен. София. 1926.
- Mazon. Cont. slav. — A. Mazon. Contes slaves de la Macédoine sud-occidentale. Paris, 1923.
- Tr. pr. — Fr. Miklošić. Trojanska priča na svijet izdao počastni član jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti D-r Fr. Miklošić. „Starine na svijet izdaje Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti“, кн. III. Zagreb, 1871.

СЕРБСКО-ХОРВАЈСКИЙ ЯЗЫК

- Босн. гр. М. Г. — Д о л о б к о . О языке некоторых боснийских грамот XIV века, I—II. Пг., 1915 (тексты).
- Дубр. др. — М. Решетар. Четири дубровачке драме у прози из краја XVII вијека. Београд, 1922.
- Дунд. — Шимун Дундурило. Дубровачка комедија XVII века. Објавио д-р Винко Радотовић. — „Зборник за историју, језик и књижевност српског народа“. Прво одељење. Споменица на српском језику, књ. XXIII. Београд — Ср. Карловци, 1931.
- СДзб — Српски дијалектошки зборник САН. Београд.
- З. Вин. — В. В. Ягич. Закон Винодольский. СПб., 1880.
- Зак. спом. — Ст. Новаковић. Законски споменици српских држава средњега века. Пета књига, Београд, 1912.
- Зак. Стеф. Душ. — Ст. Новаковић. Законик Стефана Душана цара српског 1349 и 1354. Београд, 1898.
- Сп. св. Саве — Списи св. Саве. Издао их д-р Владимир Ђоровић. Београд — Ср. Карловци, 1928.
- Ст. срп. зап. — Љ. Стојановић. Стари српски записи и натписи, књ. I. Београд, 1902.
- Ст. срп. п. I—II — Љ. Стојановић. Старе српске повеље и писма, књ. I. Дубровник и суседи његови. Први део, Други део. Београд — Ср. Карловци, 1929—1934.
- Ст. срп. лет. — Љ. Стојановић. Стари српски родослови и летописи. Ср. Карловци, 1927.
- Drž. — Djela Marina Držića. Za štampu priredio M. Rešetar. Zagreb, 1930.
- Gund. — Djela Giva Frana Gundulića. Treće izdaće, Zagreb, 1938.
- Hrv. parba — Hrvatska parba i osuda od god. 1613. — „Arkiv za pověstnicu jugoslavensku“, knj. II. Zagreb, 1852.
- Ljet. hrv. — Ku kuljević — Sakcinski Kratki ljetopisi hrvatski. — „Arkiv za pověstnicu jugoslavensku“, knj. IV. Zagreb, 1857.
- Pet. istarsk. razv. — M. Kos. Pet istarskih razvoda iz XV stoljeća. — „Jadranski zbornik“, I. Rijeka — Pula, 1956.
- St. o. Krka — Statut otoka Krka, od god. 1388. — „Arkiv za pověstnicu jugoslavensku“, knj. II. Zagreb, 1852.
- Zad. i Rañ. lekc. — Zadarški i Rañin lekcionar, za štampu priredio M. Rešetar. Zagreb, 1894.
- Živ. sv. Kat. — V. Jagić. Ogledi stare hrvatske proze, I. Život sv. Katarine. — „Starine JAZU“, knj. I, Zagreb, 1869. *
- Živ. sv. Jerol. — V. Jagić. Ogledi stare hrvatske proze, III, Život svetoga Jerolima. — „Starine JAZU“, knj. I. Zagreb, 1869.

СЛОВЕНСКИЙ ЯЗЫК

- Резьянск. кат. — И. А. Бодуэн де Куртенэ. „Резьянский катехизис“ как приложение к „Опыту фонетики резьянских говоров“ с примечаниями и словарем. СПб., 1875.
- Сок. П. Труб. — А. Соколов. Зарождение литературы у словинцев. Примус Трубер. „Университетские известия“, Киев, 1878, № 3.
- Фрейз. отр. — Н. Э. Глокке. Разбор языка Фрейзингенских отрывков. „Изборник Киевский“. Киев [б. г.].
- Bohorič — А. Bohorič. Articæ horulae successivæ de latinocarniolana literatura. Witeborgae, 1584.
- Briz. spom. — F. Ramovš. in M. Kos. Brizinski spomeniki. Ljubljana, 1937.
- Conf. gen. — F. Miklosich. Denkmal der neuslovenischen Sprache (Confessio generalis). „Slavische Bibliothek“, II. Wien, 1858.
- Dalm. Bibl. — J. Dalmatin. Biblia, tu ie, vse svetu pismu, Witebergae, 1584.
- Juričić — J. Juričić. Pastilla od Jann Spangenberga. Ljubljana, 1578.
- Rupel. Prisp. — Mirko Rupel. Prispevki k protireformacijski dobi. „Slavistična Revija“, letnik V—VII. Ljubljana, 1954.

- Slov. Schwurf. — V. Oblak. Zwei slowenische Schwurformeln aus XVII Jahrh. AfslPh., XIV, 1892.
 Trub. Cat. — Trubar Primus. Catechismus in der Windischen Sprache. Ljubljana, 1935.
 Trub. N. Test. — P. Truber. Ta celi Novi Testament, v Tbingi, 1582.

ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК

- Arch. č. — „Archiv český čili staré pisemné památky české i moravské“, I—III. Praha, 1840—1844.
 Chelč. S. v. — P. Chelčický. Sít víry. Upravil Emil Smetánka. Praha, 1929.
 Dal. chr. — „Nejstarší česká rýmovaná kronika tak řečeného Dalimila“. Vyd. B. Havránek, J. Daňhelka. Praha, 1957.
 Dop. Baw. — Dopisy Baworské od r. 1440 do 1512. — Arch., č. I.
 Dop. Zw. — Dopisy Zwjkowské od r. 1458 do 1477. — Arch., č. I.
 Habovšt. Imot. rerum. — K. Habovštia kova. Jazykový rozbor pamiatky Imotarium rerum areis Arvensis z r. 1611. „Jazykovedné štúdie“, II. Dialektologia. Bratislava, 1957.
 Mar. — A. Patera. — Staročeský zlomek legendy o panne Marii. „Časopis Muzea Království českého“. Praha, 1879.
 N. rada — Nová rada pana Smila Flašky z Pardubic. Praha, 1876.
 Psaní — V. Pernšt. Psaní pana Wiléma z Pernšteina od r. 1520. — Arch., č. I.
 Sezn. svědk. — Seznání svědkův od r. 1453 do 1456. — Arch., č. I.
 St.-č. slovník — J. G e b a u e r. Slovník staročeský, d. I. Praha, 1913.
 Štit. Kn. šest. — Tomáše ze Štítného. Knížky šestery o obecných věcech křesťanských. Praha, 1852.
 Vyp. kn. svěd. — Vypisy z Bílé knihy svědomí. „Časopis Musea Království českého“. Praha, 1863.
 Wýp. ze desk zemsk. — Wýpisy ze starých desk zemských od r. 1391 do 1454. — Arch., č. II.
 Záp. hrad. — Nejstarší zápis Hradecké. — Arch., č. II.
 Záp. pražské — Zápis pražské obecní od r. 1406 do 1429. — Arch., č. I.
 Záp. Stern. — Staré zápis rodu Sternberského. — Arch., č. I.
 Zíbrt. Zb. Č. Zíbrt. Zbytky českých písni světských z věku XVI, XVII a XVIII. „Časopis Musea Království českého“. Praha, 1895.

СЛОВАЦКИЙ ЯЗЫК

- Fr. pam. — A. Isačenko. Jazyk a pôvod Frizinskych pamatek. Bratislava, 1943.
 Kn. žil. — V. Chaloupecký. Kniha žilinská. Bratislava, 1934.
 Kreml. — I. D. Dubay. Kremlícké listy z rokov 1564—1569. „Linguistica slovaca“, I—II. Bratislava, 1939—1940.
 Lev. pris. — I. Štoltc. Jazyk levočkých slovenských prisah zo XVI—XIX sto-ročia. „Jazykovedný sborník“, V. Bratislava, 1951.
 L. pod. — Listy poddaných z rokov 1538—1848. Bratislava, 1955.
 Slov. — I. Slovenské listy a listiny z XV. a XVI. storočia. Bratislava, 1956.
 Stred. č. I. — St. Kniezsa. Stredoveké české listiny. Budapest, 1952.

ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

- Altp. Sprachdenk. — W. Nehring. Altpolnische Sprachdenkmäle. Systematische Übersicht. Würdigung und Texte. Berlin, 1888.
 B. Z. — Biblia królowej Zofii. Wyd. przez A. Małeckiego. Lwów, 1871.
 Drobne zab. — A. Brückner. Drobne zabytki języka polskiego XV w. Pieśni. Modlitwy. Glosy. Kraków, 1896.
 Flor. W. Nehring. — Psalterii Florianensis partem polonicam ad fidem codicis recensuit. Posen, 1883.

- Hanusz. Mat.—J. Hanusz. Materiały do historii form deklinacyjnych w języku staropolskim. Kraków, 1880.
- K. Gn.—„Zabytki języka i literatury polskiej”, Nr. 2. Kazania Gnieźnieńskie. Poznań, 1953.
- Kur. Wolf. Zap.—Wł. Kuraszewicz i A. Wolff. Zapiski i roty polskie XV—XVI wieku z ksiąg sądowych ziemi Warszawskiej. Kraków, 1950.
- Puł.—S. Słonński. Psalter Puławski. Warszawa, 1916.
- Wyb. t. st.-p.—W. Taszycki. Wybór tekstów staropolskich XVI—XVII wieku. — Warszawa, 1955.

ПОЛАБСКИЙ ЯЗЫК

- Гильф.—А. Гильфердинг. Памятники наречия полабскихъ древлянъ и глинянъ. СПб., 1856.
- Pfuhl.—Dr. Pfuhl. Pomniki Połabjan Słowianściny. „Časopis towařstwa Māciocy serbskeje“, t. XVI, Budyšin, 1863.
- Rost.—P. Rost. Die Sprachreste der Drawäno—Polaben im Hannöverschen. Leipzig, 1907.

ЛУЖИЦКИЕ ЯЗЫКИ

- Deln. př.—E. Muká. Delnjoserbska přisaha města Luboraza. Pomnik delnjoserbskeje rěče z 1 položy 16. lětostotka. ČMS, 1905.
- LB 202, Nr 3—Sorbische (wendische) Texte, bearbeitet von Max Vasmer und Paul Wirth. „Lautbibliothek“, t. 202, Nr. 3.
- LB 202, Nr. 4—Die obersorbische Mundart von Groß-Koschen bei Seutebarg. „Lautbibliothek“, t. 202, Nr. 4.
- LB 201, Nr. 2—Die niedersorbische Mundart von Haasow. Kr. Kottbus. Leipzig, 1934. „Lautbibliothek“, t. 201, Nr. 2.
- Delnl. p.—E. Muká. Delnjołužiske pěsňe. — ČMS, Budyšin, 1887.
- Mar. cékn.—M. Hórník. Maryne čeknjeñje (Variant k Smolerjowym Pěsničkam) I.—ČMS, Budyšin, 1869.
- Mart. ps.—M. Hórník. Martinowe pokutne psalmy c. 1. 1627. — ČMS, Budyšin, 1871.
- Muž.—podr.—M. Hórník. Příklad mužakowskeje podryče.—ČMS, Budyšin 1869.
- Niedersorb. kat.—A. Möller. Niedersorbische Gesangbuch und Katechizmuz. Budissin, 1574. Berlin, 1959.
- Oberwend. Kat.—K. Meyer. Der oberwendische (obersorbische) Katechismus des Warichius (1597). Leipzig, 1923.
- Sil. 56/004 Записи магнитофонных лент верхнелужицких говоров, хранящихся в Будышине.
- Sil. 53/64. — Там же.
- Sil. 54/015. — Там же.
- Slep. nar.—P. Wirth. Ze slepjanskeje nareči. ČMS, LXXXIX, Budyšin, 1936.
- Nar. pěsn.—M. Hórník. Wudospołnjenje narodnych pěsničkow. ČMS, 1869.
- Přir.—Přiručka za serbskich ludowědnikow, Budyšin, 1954.
- Rukop. ág.—M. Hórník. Rukopisna ágenda c lěta 1667. ČMS, Budyšin, 1869.
- Serbska př.—M. Hórník. Serbska přisaha, pomnik ryče z třec'ejé štvörce 15. lětostotka. ČMS, Budyšin.
- Sorb. N Test.—A. Leskién. Das sorbische Neue Testament von 1548.—Afsl-Ph, Bd. I, Berlin, 1876.

РУССКИЙ ЯЗЫК

- A. вр. между.—Акты времени междуцарствия 1610—1613 гг. „Чтения ОИДР“, 1915.
- A. И.—Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841.
- A. хоз. Мор.—Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова, ч. I. Под ред. Яковлева. М.—Л., 1940.

- Аввак.—Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. РИБ, т. XXXIX. Л., 1927.
- Арх. Стр.—Архив Строева, т. I.—РИБ, Пг., 1915.
- Аф. Ник.—Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. М.—Л., 1948.
- Б. гр.—Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955.
- Бл. б. Од.—Ближний боярин князь Н. И. Одоевский и его переписка с Галицкою вотчиной. „Чтения ОИДР“, М., 1903.
- Воскр.—Воскресенская летопись. — ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859.
- Гр. Н. Пск.—Грамоты великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949.
- Дв. гр.—А. А. Шахматов. Исследования о двинских грамотах XV века, ч. I—II. СПб., 1903.
- Дом.—Домострой по коншинскому списку и подобным. Изд. ОИДР. М., 1908.
- Ипат.—Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, т. II. СПб., 1843.
- Котош.—Гр. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, СПб., 1906.
- Курб.—Сочинения князя А. Курбского, т. I.—РИБ, т. XXXI. СПб., 1914.
- Лавр.—Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, т. I. вып. 1. Повесть временных лет. М., 1926.
- Моск.—Московский летописный свод конца XV века. — ПСРЛ, т. 25. М.—Л. 1949.
- Новг.—Новгородская первая летопись по синодальному списку. М.—Л., 1950.
- Новомб.—Новомбергский. Слово и дело государевы. М., 1911.
- Патр.—Патриаршая и Никоновская летопись. — ПСРЛ, т. XIII. СПб., 1904.
- Пск.—Псковская летопись. Изд. ОИДР, М., 1837.
- Р. пр.—Русская правда, по кратким и пространным спискам, т. I. М.—Л., 1940.
- Ряз. гр.—Древние грамоты и акты Рязанского края. СПб., 1854.
- С. Г. Гр.—Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел, т. I. М., 1813.
- Собр. пис.—А. М. Собрание писем царя Алексея Михайловича. СПб., 1856.
- Срезн. Мат.—И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I—III. СПб., 1893—1912.
- Тв. а.—С. Шумаков. Тверские акты, вып. 1. Тверь, 1896.
- Угл. а.—С. Шумаков. Угличские акты, кн. I. М., 1899.
- Хол.—Холопство и холопы в Московском государстве XVII века. М.—Л., 1943.

УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК

- Акт. кн.—Полт. ур. Актовые книги Полтавского городового уряда XVII века, вып. 1. Справы поточные 1664—1671 гг. Чернигов, 1912.
- Апокр.—Апокрифи і легенди з українських рукописів, вид. І. Франко. Львів, 1910.
- Бод. ев.—Бодянское учитальное евангелие. „Věstnik kralovske česke společnosti nauk“, třida pro filosofii, historii a filologii, roč. 1935, č. II. Praha, 1936.
- Вел.—Летопись событий в юго-западной Россіи въ XVII вѣкѣ. Составилъ Самоилъ Величко, бывшій канцеляристъ канцеляріи войска Запорожскаго 1720. Киевъ, 1848.
- Гал. Н. нов.—Иодникий Галятовский. Небо новое. Львов, 1665.
- Граб.—Летопись Грабянки. Изд. Кіевскою временною комиссиєю для разбора древних актов. Кіев, 1854.
- Др. укр.—Вол. Рязанов. Драма українська. Київ, 1929.
- Киевск.—Киевская летопись. „Сборник летописей, относящихся к истории южной и западной Руси, изданный комиссией для разбора древних актов“. Кіев, 1888.

- Лелекач. Пам. — М. Лелекач. Пам'ятки українського письменства XVII — поч. XVIII ст., писані на Закарпатті. Ужгородський державний університет. Діалектологічний збірник, т. XIV, 1955.
- Льв. — Львовська Русская лѣтопись. Изд. ОИДР, М., 1839.
- Мал. в.—В. Н. Перец. Малорусские вирши и песни в записях XVI—XVIII вв. ІОРЯС, т. IV, кн. 3—4. М., 1899.
- Мат. Угр. Р. V — А. Петров. Первый печатный памятник угро-русского наречия Урбар и иные связанные с крестьянской Марии Терезы реформой документы. „Материалы для истории Угорской Руси“, V. Сб. ОРЯС, т. XXXIV, СПб., 1908.
- Мат. Угр. Р. VII — А. Петров. Памятники церковно-религиозной жизни угро-руссов XVI—XVII вв. „Материалы для истории Угорской Руси“, VII. СПб., 1914.
- Огор.—А. Радивиловський. Огородок Марії Богородиці. Київ, 1676.
- Пам. Київск. ком.—„Памятники, изданные Киевскою комиссию для разбора древних актов“, т. I—II. Київ, 1898.
- Пам. полем. письм. Памятники полемічного письменства кінця 16 і нач. 17 в., т. I. Львів, 1906.
- Пер. р.—П. Житецький. Описание Пересопницкой рукописи XVI века. Київ, 1876.
- Сабов. Хр.—Е. Сабов. Христоматия церковнославянських и угро-русских литературных памятников. Унгвар, 1893.
- Сам.—Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. Изд. Киевскою временною комиссию для разбора древних актов. Київ, 1878.
- Укр. гр.—Вол. Рѣзov. Українські гамоти. т. I. Київ, 1928.
- Хр. укр. л.—Хрестоматія давньої української літератури. Київ, 1952.
- Gr. hal.-wol.—Wł. Kuraszkiewicz. Gramaty halicko-wołyńskie XIV—XV wieku. Kraków, 1934.

БЕЛОУССКИЙ ЯЗЫК

- Авр.—Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. — ПСРЛ, т. XVI. СПб., 1889.
- АЗР—Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссию, т. I. СПб., 1846.
- А. лит.-р. г.—Акты литовско-русского государства, изданные М. Давнар-Запольским, вып. I (1390—1529 гг.). М., 1899.
- Арх. сб.—Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, изданный при управлении Виленского учебного округа, т. I. Вильна, 1867.
- Лет. кн. лит.—Летопись великих князей литовских. Подготовил к изданию А. В. Попов. СПб., 1854.
- Отр. кр. лит. л.—Отрывок краткой литовской летописи, находящейся в сборнике, именуемом летописью Авраамки. СПб., 1893.

О ГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
<i>Введение</i>	4
<i>Глава первая. Именительный падеж единственного числа местоимения 1-го лица</i>	13
1. Южнославянские языки	14
2. Западнославянские языки	19
3. Восточнославянские языки	22
<i>Глава вторая. Родительный-винительный падеж единственного числа</i>	28
I. Основа родительного-винительного падежа единственного числа местоимения 1-го лица	28
1. Южнославянские языки	29
2. Западнославянские языки	30
3. Восточнославянские языки	33
II. Основы родительного-винительного падежа единственного числа местоимения 2-го лица и возвратного местоимения	35
1. Южнославянские языки	35
2. Западнославянские языки	36
3. Восточнославянские языки	37
III. Взаимодействие полных и кратких образований в системе форм винительного падежа единственного числа	39
1. Южнославянские языки	41
2. Западнославянские языки	43
3. Восточнославянские языки	51
<i>Глава третья. Дательный-местный падеж единственного числа</i>	60
I. Основа дательного-местного падежа единственного числа местоимения 1-го лица	60
1. Южнославянские языки	60
2. Западнославянские языки	64
3. Восточнославянские языки	65
II. Основы дательного-местного падежа единственного числа местоимения 2-го лица и возвратного местоимения	68
1. Южнославянские языки	69
2. Западнославянские языки	69
3. Восточнославянские языки	79
III. Система полных и кратких образований дательного падежа единственного числа	83

1. Южнославянские языки	84
2. Западнославянские языки	86
3. Восточнославянские языки	92
<i>Г л а в а ч е т в е р т а я . Творительный падеж единственного числа</i>	99
1. Южнославянские языки	99
2. Западнославянские языки	101
3. Восточнославянские языки	106
<i>Г л а в а п я т а я . Двойственное число</i>	108
I. Форма именительного падежа двойственного числа местоимения 1-го лица <i>вѣ</i> (<i>vě</i>)	109
II. Форма винительного падежа двойственного числа местоимения 1-го лица <i>на</i> (<i>na</i>)	111
III. Форма именительного-винительного падежа двойственного числа местоимения 2-го лица <i>ва</i> (<i>va</i>)	112
IV. Формы родительного-местного падежа двойственного числа <i>наю</i> (<i>naju</i>), <i>ваю</i> (<i>vaju</i>)	113
V. Формы дательного-творительного падежа двойственного числа <i>нама</i> (<i>nama</i>), <i>вама</i> (<i>vama</i>)	116
<i>Г л а в а ш е с т а я . Множественное число</i>	119
I. Именительный падеж	120
II. Система форм родительного-винительного-местного и винительного падежей	122
1. Южнославянские языки	123
2. Западнославянские языки	125
3. Восточнославянские языки	126
III. Система форм дательного падежа	126
1. Южнославянские языки	127
2. Западнославянские языки	128
3. Восточнославянские языки	129
<i>З а к л ю ч е н и е</i>	131
<i>Список исследованных в работе памятников древнеславянской пись- менности и принятые сокращения</i>	140

Маргарита Анатольевна Гадолина

**История форм личных
и возвратного местоимений
в славянских языках**

*Утверждено к печати Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

Редактор Издательства *T. B. Вентцель*

Художник *B. Ф. Ишутин*

Технический редактор *H. Ф. Егорова*

РИСО АН СССР № 100-96В Сдано в набор 14/II 1963 г.
Подписано к печати 12/VI 1963 г. Формат 60×90¹⁶
Печ. л. 9,25 Уч.-изд. л. 9,8 Тираж 2000 экз. Изд. № 1181
Тип. зак. № 74

Цена 59 к.

Изд. АН СССР, Москва Б-62, Подсосенский пер., 21

1-я тип. Изд. АН СССР, Ленинград, В-34, 9 лин., д. 12

Цена 59 к.